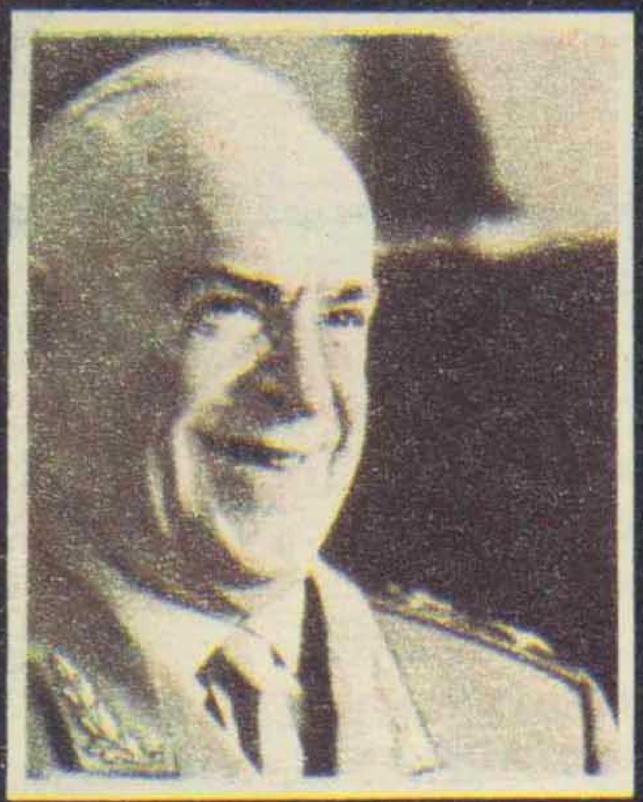
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 48 НОЯБРЬ 1986



МАРШАЛ ПОБЕДЫ

ДЕНЬ НА ТАМОЖНЕ

ФОТОЛЕТОПИСЬ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

НА УЗБЕКСКОЙ ЗЕМЛЕ

Д. С. ЛИХАЧЕВ: «ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ ДАЕТ СМЫСЛ ЖИЗНИ».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (3097)

29 НОЯБРЯ — 6 ДЕКАБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. В. БИРЮКОВ,
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора),
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

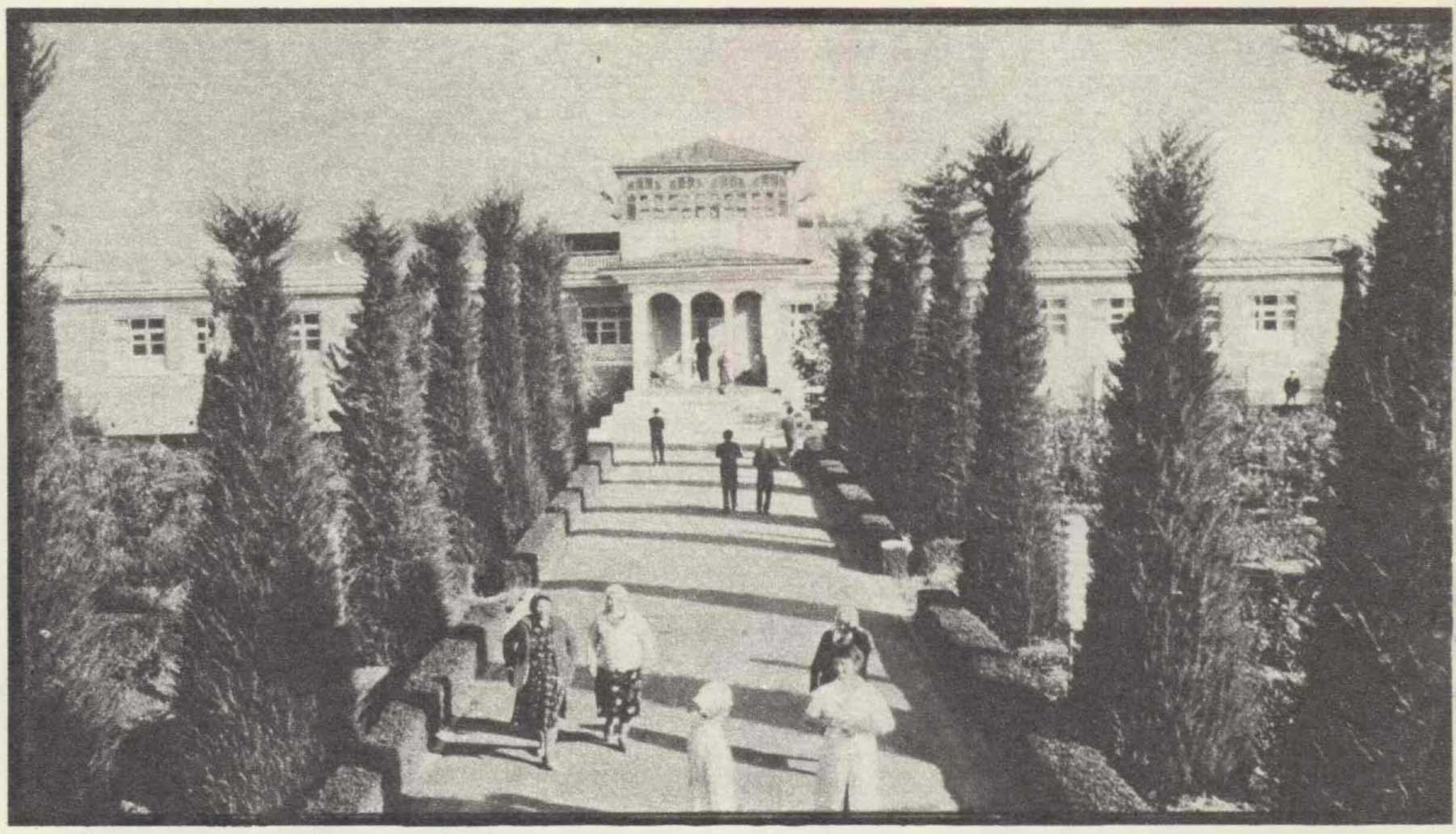
Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 10.11.86. Подписано к печати 25.11.86. А 00763. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2960. Заказ № 3913.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.



Сложные процессы происходили в последние годы в Узбекистане. Прежнее руководство республики, исповедуя парадно-показушный стиль работы, породило такую атмосферу в деятельности на местах, при которой нередко в первую очередь поощрялись те, кто был скор на слово, а не на дело. Республика, располагая богатейшими возможностями для наращивания сельскохозяйственного производства, годами топталась на месте. Но и в этих условиях многие руководители колхозов и совхозов жили честно и вели общественное хозяйство с чистой совестью. Среди них — и люди, о которых идет речь в репортаже. «Хорманг!» («Не уставайте!») — традиционное узбекское приветствие в дни страды звучало здесь всегда светло и чисто. Хорманг! — не уставайте работать от души, от сердца — так, чтобы труд вам был всегда в радость.

НЕ УСТАВАЙТЕ!

Зоя КРЯКВИНА, фото Николая КОЗЛОВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька»

Название у совхоза такое: «Огонек». Я знала, что оно в какой-то степени связано с нашим журналом, но тем не менее, когда приехала в совхоз, спросила, откуда взялось это название.

— «Огонек» — он светит, греет и путь показывать должен...— заулыбался директор Владимир Ильич Балановский.

Совхоз этот широко известен не только в Узбекистане. В книге отзывов зарубежных гостей самые лестные слова благодарности за теплый прием и гостеприимство. Впрочем, есть и более лаконичные записи: «Фрукты были просто изумительны. Дженерал Тур из США». Американец не погрешил против истины. В кабинете директора дипломы, золотые медали международных выставок, почетные грамоты, переходящие союзные и республиканские красные знамена.

Как сказали в райкоме, совхоз славится большим приростом жителей. И потому рядышком со старым детским садом стоит теперь новый на четыреста с лишним мест. Правда, сегодня он еще далеко не заполнен, но в хозяйстве привыкли рассчитывать на перспективу. Ни одна мама не сидит дома, не теряет квалификацию. Да и малышам здесь по нраву: игрушек полным-полно, добрые няни и воспитательницы, вкусная еда, чистые спальни и даже плавательный бассейн.

«Ничем не занимайте вечер 22 октября. В Доме культуры состоится встреча с народной артисткой Советского Союза, лауреатом Государственной премии СССР Бернарой Кариевой» — подобные красочные приглашения-открытки стали обычными в совхозе. Как и отдых в собственном, пока единственном в республике совхозном санатории-профилактории. Уютное здание с зимним садом близ речного берега. Холлы, двухместные палаты, финская баня. Современное лечение: иглоукалывание, электропунктура, аурикотерапия, массаж, грязи, различные ванны. Путевки в здравницу для рабочих и служащих бесплатные. Есть и своя поликлиника, больница с операционным блоком, аптека, Дом быта и торговый центр.

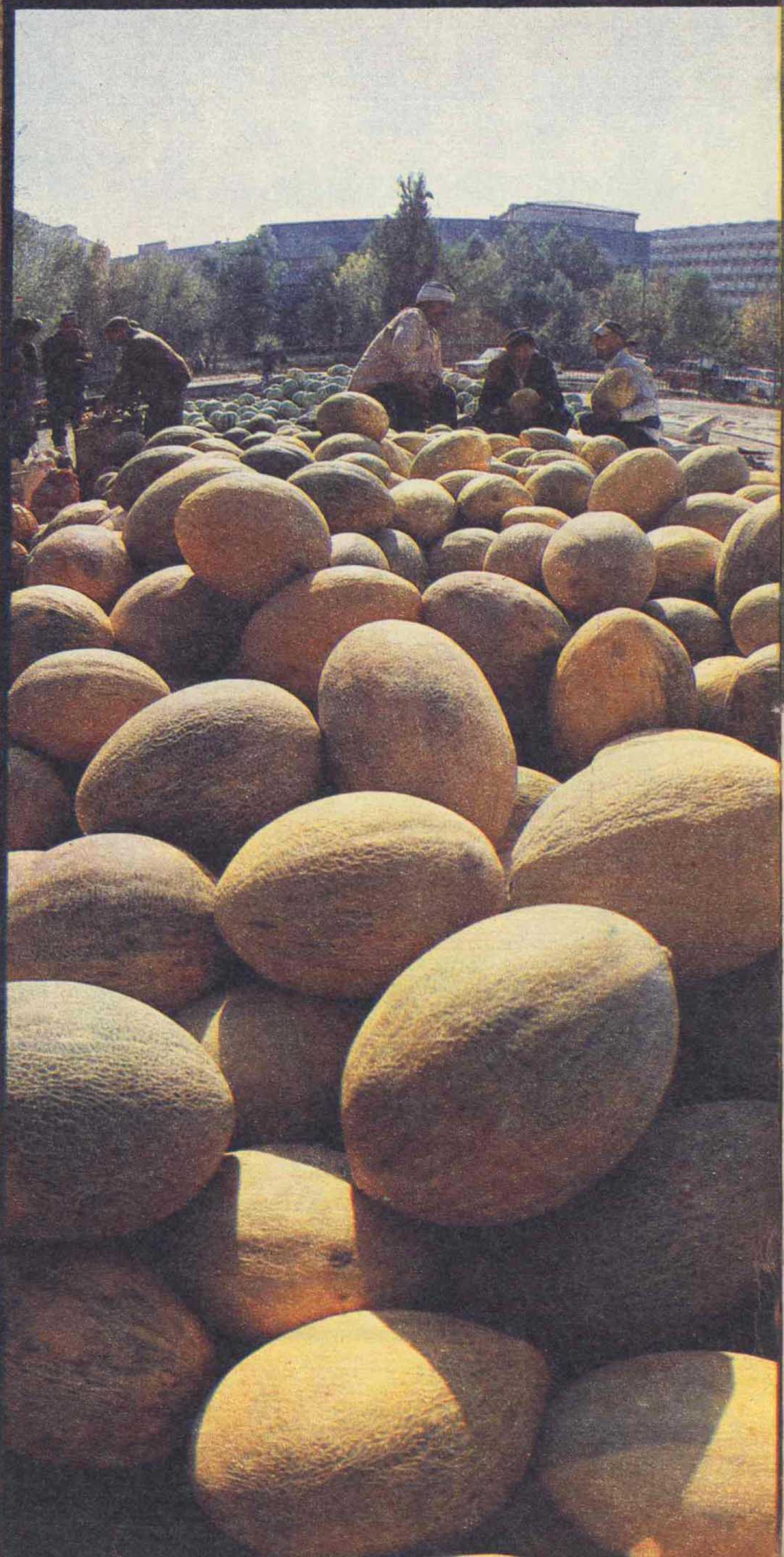
Люди более двадцати национальностей живут здесь дружно. И свадьбы по-особому красивы, веселы. Играют их в Доме счастья в самом центре села. Молодежи в совхозе много. Когда юноши и девушки учатся в вузах и техникумах, хозяйство платит им стипендии, а когда они возвращаются в село, предоставляет им работу по специальности, обеспечивает квартирами.

Садоводов и виноградарей готовит свое профтехучилище. Выпускники идут в него охотно. Средний заработок рабочего в совхозе 220 рублей в месяц. Продукты дешевы.

Совхозная здравница.

Час от часу выше белые горы.

По вкусу Рустаму Касымову выставка совхоза «Огонек».



Литр молока с совхозной фермы стоит в ларьке 15 копеек, фрукты и овощи продают по себестоимости.

— Если сегодня пустить наше хозяйство, как в старину говорили, с молотка, цена ему 18,7 миллиона рублей,— говорит главный экономист Е. И. Кузьмин.

И бывший директор Мухамед Атаджанович Атаджанов, ушедший на пенсию в 83 года, и нынешний Владимир Ильич Балановский — толковые экономисты. Годовая прибыль — три-четыре миллиона рублей. Забудем на минутку об источнике главных доходов — фруктах и винограде. Выращивают в совхозе и саженцы роз: и для себя красота — куда ни глянь, до самой поздней осени рдеют алые кусты,— и для хозяйства выгода — десятки тысяч черенков продают соседям.

А розы выращивают необычно... В тумане. Вдоль грядок тянутся трубы, через которые в любое время можно напустить «туману», то есть обилие рассеянной влаги. Это позволяет розам расти вдвое быстрее. И не только розам. «Туманная» установка обслуживает целый гектар, где набирают силу восемьсот тысяч черенков — инжир, гранаты, виноград. За год это дает двести тысяч рублей. Гектар используется с максимальной отдачей — ведь в обычных условиях на нем умещается всего-навсего сорок — пятьдесят тысяч черенков. Вот и получается — 20 гектаров земли экономит «туман».

— Кто сказал, что двух зайцев одним выстрелом не убьешь,— спрашивает меня Балановский.— Мы, пожалуй, можем опровергнуть это мнение. Завели у себя пруды. Для чего? Ну, конечно, в первую очередь, чтобы рыба была на столе. А во вторую, чтобы любоваться в минуты отдыха, глядя на зеркальную гладь. Должны же быть такие места, где человек, устав от забот и хлопот, может с глазу на глаз «потолковать» с лягушкой, поудить рыбу и подивиться роскошным ивам. А затраты — всего ничего. Покупаем мальков в рыбообъединении. И один человек у нас — старейший рыбак Владимир Дмитриевич Малясов — ухаживает за ними, кормит, урожай собирает. Выгода двойная: и экономика, и красота. Но самое главное — люди научились получать удовольствие от своего труда. Появилось желание сделать свою жизнь духовно красивее. Розы кругом. Сады и виноградники, цветы у каждого дома, вдоль улицы. Видели нашу дорогу?

Да, видела. Подъезжая к «Огоньку», попадаешь в настоящий зеленый тоннель, по которому бегут автобусы, грузовые и легковые автомобили. Висит над головой сплетенная из ветвей арка, а сквозь нее лучится солнце.

— Труд в удовольствие рождает инициативу,— продолжает Владимир Ильич.— Вот познакомьтесь с семьей Курбановых. Она взялась у нас за семейный подряд.

С главой семейства я встретилась на виноградниках. Осень чуть тронула краснинкой узорчатые листья. Шла обрезка — самая трудоемкая работа. Ахмет Курбанович оторвался от рядка, подошел к нам.

— Прочитали мы как-то со старшим сыном Азизом (он в Ташкенте работал на авиационном заводе имени В. П. Чкалова) в газете про семейный подряд. И решили попробовать. Семья поддержала. Обратился к руководству. Оно не возражало. Азиз вернулся в наш дом, жену привез, она хоть по образованию и воспитательница, но тоже вошла в звено. Сыновей моих, механизаторов, Али и Курбана, и дочерей тоже не пришлось уговаривать. Написал и Исламу, он в армии служит, ответил, что согласен.

— Сколько же гектаров взяли на себя?

— Восемнадцать. Думаем триста шестьдесят тонн винограда собрать.

— А людей в звене сколько?

— Двенадцать. Поработать придется как следует. Но дети у меня не белоручки, в селе выросли, с техникой знакомы, да и сам я на виноградниках не один десяток лет потрудился, знаю, что к чему. Жена за повариху будет...

...Когда мы с Балановским подходим к дому Мухамеда Атаджановича Атаджанова, я уже многое о нем знаю. Тридцать четыре года отдал он совхозу. С весны этого года на пенсии. Сыновья Ильхан и Умар продолжают его дело. Ильхан — директор совхоза «Гульбах» Паркентского района. Умар — главный инженер в «Прогрессе» в том же районе. Абдулла — инструктор Галабинского райкома партии. Одно время у отца управляющим отделения был. Рассказывал мне, что доставалось ему от директора больше других, круглые сутки готов был пропадать в саду, лишь бы дело сделать так, чтобы отец был доволен.

Счастливая мать: Фатима Матьякубова и ее трехмесячный Батыр.

Под сенью зеленого шатра.

Мухамед Атаджанов с сыном Абдуллой и внучками.

Словно солнышки, дыни на рыночной площади.

Герой Социалистического Труда Э. Алиев

Разговор ведем в саду.

— Перестройка? Ну что я скажу... Первым делом надо всем хорошо работать, каждому на своем месте. Так я понимаю... Я вам сейчас расскажу, что здесь было, когда я сюда из Ташкента приехал в начале шестидесятых. Вспоминать не хочется... Разбросанные домишки, разбитые дороги. Об электричестве только мечтали...

Начал Атаджанов со строительства десятикилометровой железобетонной дамбы по руслу Чирчика. Возили плодородную землю и укладывали ее на галечник. Отвоевали у реки полтыщи гектаров! Сегодня там сплошь отменные сады и виноградники. И Мухамед Атаджанович вроде бы может спокойно наслаждаться плодами своего труда. Но и теперь все помыслы пенсионера о родном хозяйстве.

— Что ни ночь — снится, будто я при деле, звоню, воюю с кем-то, чего-то добиваюсь. Проснусь, вспомню, что на пенсии, а совхозные дела меня не оставляют.

В совхозе — шестьсот гектаров виноградников, половина — малоценные технические сорта. Сейчас идет их замена на столовые.

— Сын у меня в Тюмени,— говорит Атаджанов,— виноград там восемь рублей на рынке. Сосед отдыхал в Пицунде: по пятерке за килограмм платил, а мы переводили добро на вино. Теперь первые сорок гектаров малоценного сорта уже заменили на бескосточковый, любимый всеми, черный кишмиш. Урожай наш в три раза перекрывает среднюю урожайность Ташкентской области и в три с половиной — четыре республиканскую, это почти девяносто тонн лишних в год. Сможем побаловать и Сибирь, и Урал...

Проблемы, проблемы, их не счесть даже в таком отлаженном хозяйстве. Оказывается, пора обновлять транспортный парк. А сделать это нелегко. За год совхоз получает одну-две машины, а нужда в три-четыре раза больше. Школа и детсад на центральной усадьбе. Приходится возить ребятишек в шесть других отделений автобусами. Не хватает силосоуборочной техники, тракторов «Беларусь».

— Какая же сегодня у вас самая трудноразрешимая проблема?

— Материально-техническое снабжение, и в первую очередь стройматериалами. Где нет строительства, нет роста,— заявил Владимир Ильич.— Железный закон. Строим много. Одних домов двухквартирных в двух уровнях — десять. И рабочие руки есть, а вот с начала года нам выделили всего два вагона леса, восемнадцать тонн цемента да шифера на одну крышу. Отношение к строительству поселка в Агропроме Ташкентской области несколько выжидательное...

...Знакомство с узбекской землей было бы неполным, если не сказать о хлопке. Бригадир соседнего с «Огоньком» опытного хозяйства имени «Пятилетия Узбекской ССР», Герой Социалистического Труда Энвер Алиев может часами говорить о хлопке. Все доброе в республике связано с ним. И вот уже опять наступило время, когда, встречаясь, узбеки говорят вместо приветствия «Хорманг!» — «Не уставайте!».

Два года назад республика перешла на новую систему заготовки и оплаты за хлопок-сырец по конечной продукции, то есть по количеству и качеству волокна, которое продается промышленности. Очень разительный пример правильной перестройки и перехода на новую систему — итоги прошлого года: республика не выполнила план производства хлопка-сырца и его заготовки, но справилась с планом по продаже государству волокна.

— В нашем совхозе мы убираем машинами девяносто четыре процента сырца. План у нас немалый — пятая часть всего того, что собирает район. Второй год мы не привлекаем людей со стороны для ручного сбора. Это подняло заинтересованность хлопкоробов, сказалось на премиях. Первыми в республике мы перешли на интенсивную технологию. Наконец-то освоили севооборот. Сначала вроде бы и не всем нравилось, что поля занимали кормами. А теперь все увидели, что «вылечили» почвы, урожайность намного поднялась. Сейчас испытываем опытный образец хлопкоуборочной машины с герметичной кабиной. Механизаторам она нравится: хороший обзор, комфорт — кондиционер и вентилятор.

Энвер Алиев — один из лучших бригадиров республики, депутат Верховного Совета Узбекской ССР. Его коллектив в любой год — на первом месте в совхозе, районе, области.

...Когда самолет поднялся в воздух и взял курс на Москву, я долго смотрела в окошко — вдруг увижу чуть тронутые золотом осенние сады совхоза «Огонек». И уже виделся мне не совхоз с таким романтичным названием, а настоящий огонек, который как бы светился из душ людей, с которыми мы познакомились за эти дни.

событие недели

25 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев прибыл с официальным дружественным визитом в Индию по приглашению Премьер-Министра республики Р. Ганди и индийского правительства.

«Благотворная энергия, которая заключена в советско-индийском взаимодействии, проистекает из того, что оно построено на доверии, равноправии, на уважении, на внимательном отношении к особенностям каждого и учете интересов друг друга.

А также — и это тоже очень важно — на том, что они не противопоставляются и не направлены против реальных, законных интересов других стран».

М. С. ГОРБАЧЕВ

Во время советско-индийских переговоров.

Телефото ТАСС

наш хлеб

РАЗДУМЬЯ О НАШЕМ ХЛЕБЕ

Константин БАРЫКИН

Не сегодня «Огонек» начинает разговор о хлебе. Напомним наши публикации: о ржаном, о житном, о национальных хлебах, о мастерах хлебопечения... Но ныне тема хлеба настаивает на особом внимании, она приобретает особый настрой, да и ответственность — особую. И мы открываем на страницах «Огонька» рубрику «Наш хлеб».

Как издавна говорится: слову — вера, хлебу — мера, деньгам — счет... С деньгами все более или менее понятно. Слову в последнее время появляется соответствие.

А с хлебом пока не все ладно. Выпекает его наша страна ежегодно более тридцати миллионов тонн. Ржаной и пшеничный; караваи, булки, батоны, калачи и сдобу... Несколько сотен сортов, видов и разновидностей. Случается хлеб на сезон-другой: придумают рецепт, испекут, пошумят вокруг, а хлеб не идет к едоку, не принят им.

Но есть у нас хлебы выдающиеся; они прошли через все народные испытания и неотделимы от человека. Ничем не заменить русский ржаной, украинскую паляницу, армянский лаваш. Не доводилось мне едать хлеб вкуснее, чем большие, тяжелые подовые караваи из Прибалтики. Окажусь в тех краях, в первый же день покупаю такую хлебину. Не помню, чтобы недоел или выбросил.

Но знаем, видим, да и статистика тут как тут: десятки, сотни тонн выпеченного хлеба уходят не по предназначению, а то и просто на свалку. Запомнилась такая цифра: только в Российской Федерации хлеба за год идет на корм скоту 2,5 миллиона тонн. Как это так? Отчего? Риторические это вопросы. Мы из года в год задаем их сами себе: все реже с запальчивой искренностью, чаще с плохо скрываемым лукавством. Ведь известны ответы: и тем, кто спрашивает, и тем, кто не отвечает по существу их.

А существо выглядит так. Есть люди, которые знают: хлеб дешев, а мясо дорого. Хлебом откармливать скотину выгодно. Они не злодеи, эти откормщики. Они не ведают, где купить комбикорм, который, к слову, дороже некоторых сортов хлеба, хотя должен быть дешевле его. Они перед выбором: или сбиться с ног в поисках комбикорма, или зайти в ближайшую булочную. Выбирают булочную, привыкли. Есть еще обстоятельство, от него тоже не отмахнешься. Хлеб теряет славу свою, качество, то, что всегда отличало русский хлеб, что позволяло нам гордиться им. Нет у ржаного былой плотной духовитости; нет упругой неподатливости у ситного; нет долгой свежести «горчичного»; а такие хлебы, как пеклеванный, рижский, как заварной, все реже встречаем в магазинах. Разучились или по неохоте не выпекают в достатке? Что касается пшеничных хлебов, тут беду ищи в муке. Клейковины в ней мало. А от нее хлебная сила, от нее каравай пышнеет, поднимается и таким красавцем становится — ни мимо стола, ни мимо рта не пронесешь...

Рассказывал мне наш историк хлеба и знаток его тонкостей С. В. Коновцев про сметливого и талантливого пекаря Ивана Максимовича Филиппова. Булочные его украшали московскую Тверскую и Невский проспект. Ежегодно находил Филиппов неделю-другую, чтобы поехать, посмотреть еще в колосе рожь и пшеничку, которые намечал купить. И не было случая, чтобы поступала в пекарню мука не в кондиции.

Говорю это и вспоминаю поездку в Коломну, на здешний комбинат, к одному из самых умелых наших пекарей, к Герою Социалистического Труда Марии Ивановне Пантюхиной.

— Одна мучка да разные ручки? Если бы так... Мука чуть не каждый день разная,— вздохнула Пантюхина.

Долгие годы шла на хлебозаводы такая мучная разноголосица, что и не разобрать, какую валку делать, что с чем смешивать, чтобы хороший хлеб получить. Удается он коломенцам, но ценой каких усилий и каких затрат! В нынешнем году, известно, собрали много сильной и твердой пшеницы. Значит, и мука будет добрая. В институте хлебопекарной промышленности мне рассказали о новых хлебах: и пшеничных, белых, и ржаных. Скоро начнут выпекать их во многих пекарнях, на хлебозаводах.

То, что хлеб выправится, у меня сомнений нет; сейчас за это взялись основательно.

А вот как одолеть непочтительность к хлебу, идущую и от того, что не знаем, не ведаем его истинной цены? Не магазинной, а подлинной, со всеми накладными и прикладными, как говорится. Не сегодня психологи подметили: когда хлеб в достатке, ценности он словно бы не имеет. Ее соизмеряют с ценой розничной: один к одному. А в такой зависимости хлебу неуютно.

Помню реакцию приехавшего не из ближней страны иностранца.

— Буханка ржаного — за шестнадцать копеек? — не поверил он.

Даже повертел в руках ценник: «Это не цена. Это коммунистическая пропаганда». Я не опровергал. Думал: велика страна, которая ведет такую «пропаганду».

Но хлеб-то не дается стране дешево. Хлеб не только ежегодные и ежедневные заботы Терентия Семеновича Мальцева, не только ночные вахты Марии Ивановны Пантюхиной. Это и прямые затраты — в рублях. Положи их на калькулятор, он тут же отобьет сумму не зряшную.

Блокнотная запись возвращает меня к разговору с одним из самых верных рыцарей хлеба, с видным ученым Виталием Александровичем Паттом. По моей просьбе он тогда подсчитывал, сколько зерен уходит на один пшеничный батон. И вышло на круг 10—12 тысяч зерен! Такая вот арифметика.

— Четыре стихии породили хлеб,— размышлял Патт.— Солнце, земля, вода и огонь. Но и они бессильны, не приложи человек свои руки. Не вложи в хлеб душу. Если кому-то не присуща ответственность за хлеб, а того больше — перед хлебом, такой человек вообще не может быть бережливым.

Не дошло до нас имя создателя хлеба. Мы никогда не узнаем, как звали-величали человека, первым испекшего каравай или ржаную ковригу. Да и не было у них автора; одного, конкретного, определенного судьбой человека. Стоял у печи, выходил в торговый ряд, и все величали его Хлебником. Слобода, в которой он жил, стояла в Хлебном переулке, а может, на Басманной или в Калашном...

Не было у хлеба одного первосоздателя. И быть не могло: хлеб никогда не был исторической частностью, он — историческое обобщение. Самое, может, конкретное, зримое, повседневное, но обобщение. Потому-то голодные годы — а не перечесть их в прошлом и начале нынешнего века,— потому они и оставили на полотне истории такие глубокие рубцы и отметины... Исполосован ими весь восемнадцатый век, перекинулись они в девятнадцатый, не обошли и двадцатого. В самом благополучном, в 1913-м, в России от бесхлебья страдали сотни тысяч людей. Шла в подмес осиновая кора, шла лебеда: «Не то беда, что во ржи лебеда. То беды, что ни ржи, ни лебеды»,— это оттуда, из той поры.

«Недаром над всеми явлениями человеческой жизни господствует забота о насущном хлебе»,— так сказал Иван Петрович Павлов.

Всему, к чему имеет отношение хлеб, он придает основательность и прочность. Настоящность. Им определяется и гражданственность, и уровень культуры. Одного человека и общества в целом.

Сейчас мы начинаем обращать на хлеб больше внимания. Но надо сказать при этом, что без пекаря хлеба не бывает. Даже на хлебозаводе-автомате хлеб сам не выпекается. И на стол он пешком не ходит. Вовремя подоспела помощь хлебу и пекарю. На развитие отрасли предусмотрено направить 1,2 миллиарда рублей. 102 миллиона израсходуют на жилищное строительство, 11 миллионов — на то, чтобы больше было детских яслей и садиков; на хлебозаводах работают все больше женщины. Хотя встречал я в разных цехах и молодых парней, но не пекарей вовсе, а случайных, в общем, людей, присланных сюда по разнарядке; на предприятиях большой недобор профессиональных мастеров. А пекарское дело — это серьезная профессия!

И в этой связи одно замечание. Есть такая должность — главный металлург. Но не отыщете ни в одном реестре Главного пекаря. А ведь знаем: не будет хлеба — не будет железа. И мы не прочь произнести: металл — хлеб промышленности. Дескать, вторичен он рядом с хлебом. Не будем раздавать классные места; ни сталь, ни хлеб в этом не нуждаются. А вот о рангах пекарей можно подумать.

...У хлеба не биография. У хлеба — судьба. Она в неразрывном переплетении с судьбой народа.

Обилие всего—это еще не хлеб. Вот обилие хлеба — это все. Тоже не сегодня так сказано.

Хлеба у нас много. Но и нас, едоков, у хлеба немало.

Хлеб всегда будет рядом с человеком.

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

«В ПРАВДЕ НЕ БЫВАЕТ КУПЮР»

Обычно я пишу эпиграммы, а сейчас захотел написать письмо. Сначала прошу прощения за обильные цитаты.

«Наряду с поэтическим миром Твардовского живет его нравственно-эстетическая система, и она в высшей степени плодотворна для современной литературы. Она имеет самое прямое отношение к насущным заботам об общественном долге, совести и чести литературной критики <...> А если теперь — неизвестно для чего — популярный еженедельник полуторамиллионным тиражом размножает сведения о сугубо личном в обиходе поэта, то тем важнее помочь каждому читателю осознать, что на самом деле для всех поколений писателей, представляющих ныне советскую многонациональную литературу, означает это имя — Александр Твардовский. И это будет разговор в полный голос, настоящая, а не поддельная гласность».

Так написал Ш. Умеров в статье «Начиная с себя» («Литературная газета» № 47, 1986 г.).

Но кто же тот развязный аноним, собравший «сведения о сугубо личном в о б и х о д е (?!)» (разрядка моя.— **А. И.**), и что за таинственный еженедельник, размноживший их?

«Литературная газета» лукаво умолчала, что речь идет о воспоминаниях об А. Т. Твардовском в нелегкие последние годы редактирования им «Нового мира», принадлежащих известному советскому писателю Юрию Трифонову и напечатанных в «Огоньке» № 44 за этот год.

Невозможно не согласиться с Ш. Умеровым по поводу его оценки роли А. Т. Твардовского в нашей духовной жизни. Но дальше...

Вряд ли Ш. Умеров действительно не понимает смысла этой публикации. Стало быть, делает вид, что не понимает.

Трудно заподозрить покойного Юрия Валентиновича Трифонова в желании попотчевать читателя «клубничкой» из жизни замечательного человека, подглядеть в замочную скважину, посплетничать. Тем более— позлословить.

Юрий Трифонов при жизни вынес немало от развязной «критики», но до сих пор еще никто не осмеливался обвинять его в литературных сплетнях, что сделал с помощью «Литературной газеты» Ш. Умеров.

Страшно читать страницы воспоминаний, переданные в «Огонек» вдовой писателя, О. Б. Мирошниченко-Трифоновой. Но они написаны (очевидно, давно) и напечатаны (только сейчас). Зачем? Неужели действительно «неизвесто для чего»?

В начале 1970 года А. Твардовский был отстранен от руководства журналом «Новый мир». Лишен возможности заниматься той общественно-культурной деятельностью, о которой так проникновенно пишет Ш. Умеров.

Эта деятельность снискала поистине великому поэту в широких общественных кругах безупречную репутацию человека несгибаемого мужества, не боящегося отстаивать свою точку зрения, никогда не идущего на сделку с совестью, человека долга и чести.

Удивительно ли, что у человека, лишенного возможности дышать воздухом времени, бороться и жить так, как подсказывала ему его неподкупная совесть, обострились некоторые нездоровые черты его натуры? Ускорили ли они его гибель? Безусловно. Иссякли душевные и физические силы даже этой могучей личности.

Поэт скончался менее чем через два года, в конце 1971-го.

Этическая концепция Ю. Трифонова, так созвучная нашему времени и, видимо, неприемлемая для «Литературной газеты», сформулирована в воспоминаниях о Твардовском точно и честно: «Я приближаюсь к теме больной и необходимой... Если писать правду. Он сам требовал этого от литературы, и, пиша о нем, нельзя об этом не помнить. В правде не бывает купюр».

Эти слова, относящиеся, конечно, не только к литературным биографиям и мемуарам, совершенно определенно отвергают полуправду, полугласность, стремление к лакировке, умолчанию и намекам, за которые фактически ратует и которые использует Ш. Умеров на страницах литературного еженедельника.

Юрий Трифонов написал горькие, беспощадные воспоминания. И написаны, и опубликованы они с единственной целью — на примере драматичной судьбы великого поэта, последнего трагического периода его жизни, предостеречь наше общество. От засилья беспринципных, малограмотных бюрократов в области интеллекта и культуры.

От волюнтаризма в духовной жизни.

Именно это, повторяя слова Ш. Умерова, «разговор в полный голос, настоящая, а не поддельная гласность».

Александр ИВАНОВ

P. S. После всего вышесказанного заметим, что странно читать на том же развороте «Литературной газеты» статью под призывным заглавием «За правду! За одну только правду!».

прошу слова!

ЗАВИСИТ ОТ КАЖДОГО

Недавно у нас на заводе состоялось общее партийное собрание. Попросили выступить, рассказать о том, что меня, токаря, волнует. Может, я на том собрании и погорячился, кто-то, догадываюсь, даже обиделся: мол, чересчур категоричен, только ведь, честное слово, говорил я тогда от всего сердца.

А речь шла об отношении к орудиям производства, иными словами, о станках.

Нынче много и, к слову сказать, вполне справедливо говорят об обновлении материально-технической базы. С этим я согласен — обновлять необходимо. Сколько же можно работать на станках, изготовленных в годы первых пятилеток! Взять, к примеру, мой станок. Хороший, много лет служил верой и правдой. Но начал он дряхлеть. То одно поломается, то другое... Как бы ты аккуратно ни относился — каждой детали, каждому креплению приходит свой срок. Вот так и живу — час работаю, потом ремонтируюсь.

Казалось бы: устарел станок морально и, так сказать, физически, надо его менять. Менять? Это только сказать легко. На самом деле все куда как сложнее. Вот закупили у нас на заводе новое оборудование. Немалые деньги заплатили. И правильно: оборудование это позарез как нужно. Прошло полгода. И что вы думаете? Стоят! Стоят станки без движения. Почему? Оказывается, некому их на фундамент поставить.

Наконец поставили один станок прямо на пол, на железные клинышки. Зовут одного моего знакомого шлифовальщика: работай. Тот отказывается, объясняет, что работать на этом станке невозможно, потому как у него неслыханно огромные обороты, а от этого, да еще если станок на клинышках держится, чудовищная вибрация и, значит, качества никакого. Целых полгода ходил шлифовальщик за начальством, все упрашивал, чтобы поставили станок на нормальный фундамент. И добился-таки своего. Поставили. А я все спрашиваю себя: ну разве это нормально? Разве так надо? Понимаю, конечно: и у директора, и у главного инженера, и у начальника цеха, у мастера, у токаря множество своих очень важных повседневных забот. Но, знаете, порой кажется, будто то, что ты делаешь, одному тебе и нужно. Вот это и печалит меня больше всего...

А ведь вот-вот в стране начнет действовать государственная приемка. И если сейчас не поменять отношение к своим обязанностям, к рабочему месту, к выпускаемой продукции,— потом будет гораздо сложнее.

С. СЯСИН,
токарь ярославского завода «Красный маяк», лауреат премии Ленинского комсомола

ГДЕ УМЕНЬЕ ПРИЛОЖИТЬ?

Мне 21 год, по профессии я официантка. Сейчас сижу дома с ребенком. Конечно, хлопот с малышом хватает, но мне помогает муж (он работает водителем на грузовой машине), да и родители мужа — пенсионеры, с которыми мы живем вместе. Для пополнения семейного бюджета я вполне бы могла выкроить несколько часов в день. Хотела пойти уборщицей в одно учреждение: там работа с раннего утра, и такой режим меня бы очень устроил. Но без трудовой книжки, которая у меня, разумеется, на прежнем месте работы, со мной и разговаривать не стали. Знаю, что люди иногда оформляют своих родственников-пенсионеров, а трудятся сами. Но этот путь не для меня. А вот как законно устроиться на временную работу, не знаю. Я неплохо шью, умею вязать, могла бы делать и ремонт одежды. Но нигде мне так и не удалось осуществить желание подрабатать. Мне кажется, что эту проблему надо решать в государственном масштабе.

Мужья наши вместо того, чтобы просиживать до полуночи у телевизора, тоже могли бы иногда за счет вечерних часов пополнить семейный бюджет, занявшись полезным делом у себя на производстве или недалеко от дома. Это не только мое мнение, но и многих наших молодых друзей.

Внимательно прочитала только что принятый Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности». Но что-то не нашла в нем ответа, как быть в моей ситуации. Может, исполком Моссовета поможет разобраться?

Л. ЦВЕТКОВА

Москва.

МАТЕМАТИКИ ЗА ПРИЛАВКОМ

Хочу спросить: почему в овощных магазинах миски для взвешивания фруктов всегда такого неопределенного веса — 285, 405, 310 и 410 граммов? Если яблоки, например, стоят ровно рубль, то высчитать быстро вес и стоимость покупки, находящейся в таре с маркировкой 310 граммов, не каждому дано. А вот если два с половиной килограмма баклажанов стоимостью по 60 копеек положить в посуду с маркировкой 285 г, да еще при огромном скоплении народа, то это уже из области высшей математики.

И еще хочу спросить: какая умная голова придумала фасовать картофель по 6 килограммов, а лук, морковь, свеклу — по 2—3 килограмма? Конечно, такая объемная фасовка хороша для тех, кто собирается, скажем, на зимовку в Арктику, ну, а в наши-то малогабаритные жилища зачем же сразу такие запасы?

Д. РАБИН

Новосибирск.

МАРШАЛ ЖУКОВ

ЧТО РАССКАЗАЛ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ ВО ВРЕМЯ ВСТРЕЧ С ПИСАТЕЛЕМ КОНСТАНТИНОМ СИМОНОВЫМ

Константин Симонов мечтал рассказать с экрана о замечательной плеяде полководцев Великой Отечественной войны. Конечно, первое в этом ряду — имя Георгия Константиновича Жукова, чье 90-летие со дня рождения страна отмечает в эти дни. К. Симонов хорошо понимал, насколько существенны для истории свидетельства и суждения о войне Г. К. Жукова. Свои записи бесед с маршалом писатель показал ему в 1971 году. Георгий Константинович Жуков тогда же ответил писателю: «Вашу рукопись я прочитал с большим удовольствием. Она правдиво и метко отражает обстановку и характеристику людей тех дней. В рукопись я внес небольшие уточнения. Думаю, что Вы не будете возражать против них». Читателю предлагаются фрагменты из документального повествования Игоря Ицкова и Марины Бабак о легендарном полководце.

Иногда история соединяет имена, казалось бы, вовсе не соединимые... В начале тридцатых годов Михаил Булгаков часто бывал в доме комбрига Е. А. Шиловского. Однажды писатель познакомился там с молодым командиром, служившим в инспекции кавалерии РККА. Булгаков оставил краткую запись об этой встрече: «Чеховская фамилия... Книгочей... Многообещающее будущее...»

Тем молодым командиром был Георгий Константинович Жуков. Он и сам как-то сказал: «А фамилия-то у меня чеховская! Только того парнишку звали Ванькой, а меня — Егором. Тот на сапожника учился, а я — на скорняка. Самая российская, самая народная фамилия у меня...»

Истоки судьбы маршала, ее первый родничок — на калужской земле, в деревне Стрелковке. Г. К. Жуков родился на осеннего Егория — 19 ноября (по старому стилю) 1896 года. Потому и дома, и в деревне звали его по-народному: Егором, Егорушкой... Не удалось пока отыскать никаких документов о родословной Георгия Константиновича. Брак родителей, видимо, не был освящен церковью. Может быть, потому, что дед Жу-

Восемнадцатилетний скорняк Егор Жуков (сидит, крайний слева). Москва. 1915 г.

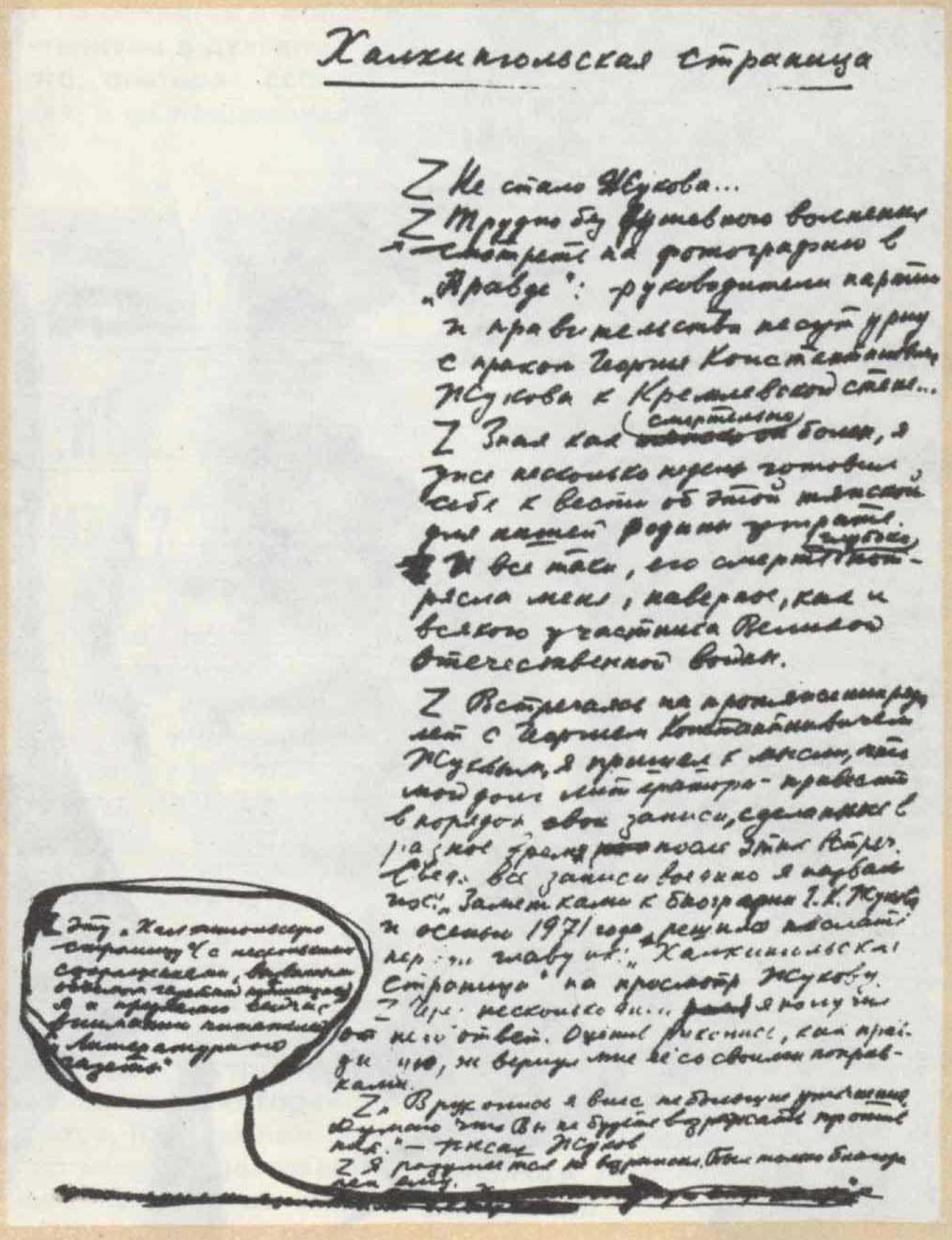
кова, согласно легенде, был побочным сыном известного военачальника, героя Отечественной войны 1812 года генерала М. А. Милорадовича? Так это на самом деле или нет, утверждать трудно: с первых дней жизни Жукова вокруг его имени рождались легенды...

В 1906 году Жуков окончил трехклассную церковноприходскую школу, по всем предметам — пятерки. Мать по этому случаю подарила Егору рубаху, отец сшил сыну сапоги. «Теперь ты грамотный,— сказал он,— можно везти тебя в Москву. Будешь жить в людях». В Москву провожала мать Устинья Артемьевна. И ушел он — по большаку — к полустанку Обнинское...

...Знал бы хозяин «магазина фотографических портретов» на Мясницкой господин Вольф, кого он снимал в 1915 году на пасху! Наряден Жуков на групповой фотографии — возможно, первой в жизни восемнадцатилетнего скорняка. Черная тройка, сорочка с твердым воротничком а-ля Ленский, загнутым, как у знаменитого артиста императорских театров.

Старый каменный дом в проезде Художественного театра, где была мастерская, сохранился. Сохранилась и лестница, которая вела на второй этаж, где Егор был учеником. Дом этот следовало бы отметить памятной доской, да и старой скорняжной машине, на которой он учился ремеслу, место в музее Г. К. Жукова. Есть такой музей на родине маршала. А неподалеку от него — сквер, где сразу после войны был сооружен бронзовый бюст маршала. В недобрые для любимого народом маршала годы сквер пришел в запустение... Жуков как-то приехал в родные места инкогнито, в штатском. Мгновенно собралось чуть ли не полсела! Местный фотограф предложил всем сняться возле бюста. Георгий Константинович на снимке в летней рубашке, в сандалиях. А в год сороколетия Победы на родине маршала построили мемориальный комплекс.

Г. К. Жуков с Константином Симоновым.



Черновик первой страницы записок К. Симонова о Г. К. Жукове.

Фото И. СНЕГИРЕВА

К. Симонов знал, что Георгий Константинович работает над воспоминаниями. И во время их бесед о войне само собой выходило так, что Жуков сам иногда вспоминал о далеких и близких событиях своей жизни. Первые лирические отступления были короткими, отрывочными.

— Я иногда задумываюсь над тем, почему именно так, а не иначе сложился мой жизненный путь на войне и вообще в жизни? В сущности, я мог бы оказаться в царское время в школе прапорщиков. Я окончил в Брюсовском, бывшем Газетном, переулке четырехклассное училище, которое по тем временам давало достаточный образовательный ценз для поступления в школу прапорщиков...

Когда я девятнадцатилетним парнем пошел на войну солдатом, я с таким же успехом мог пойти в школу прапорщиков. Но мне этого не захотелось. Я не написал о своем образовании, сообщил только, что окончил два класса церковноприходской школы, и меня взяли в солдаты. Так, как я и хотел...

На мое решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим. Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни, до того плохих, неудачных, нескладных, что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, окончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом и начальствовать над бывалыми солдатами, над бородачами, и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко.

Я пошел солдатом. Потом окончил унтерофицерскую школу — учебную команду. Эта команда, я бы сказал, была очень серьезным учебным заведением и готовила унтер-офицеров поосновательнее, чем ныне готовят наши полковые школы...

Жукова направили в кавалерию, и он не скрывал радости: романтической казалась ему служба в коннице. Товарищи по призыву попали в пехоту, и многие из них завидовали ему.

Строки в анкете, в послужном списке Жукова: 189-й запасной батальон... Учебная команда 5-го запасного кавалерийского полка... Драгунский эскадрон... Еще одна учебная команда — унтер-офицерская... Наконец, фронт. Первый бой, 10-й драгунский Новгородский полк... Тяжелая контузия в октябре шестнадцатого...

— Я,— вспоминал маршал,—увлекался больше всего разведкой. Как-то более романтично, знаете ли. Был большой специалист по захвату пленных. Неплохо доставал «языков». Но участвовал и в боях. Приходилось... Даже награжден был — Георгием 3-й и 4-й степеней. Были еще две Георгиевские медали...

1917 год. Жукова послали делегатом от эскадрона в Совет. Не потому, что был хорошо политически подготовлен, а потому, что хорошо знал солдатскую жизнь. Вскоре его избрали председателем эскадронного комитета.

Удивительно признание Георгия Константиновича:

— Нельзя сказать, что я был в те годы политически сознательным человеком. Тот или иной берущий за живое лозунг, брошенный

в то время в солдатскую среду, не только большевиками, но и меньшевиками, и эсерами, много значил и многими подхватывался. Конечно, в душе было общее ощущение, чутье, куда идти. Но в тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть с верного пути. Это не было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, если бы окончил школу прапорщиков, отличился в боях, получил бы другие офицерские чины, а к тому времени разразилась бы революция... Куда бы я пошел под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции?.. Конечно, через год-другой я был уже сознательным человеком, уже определил свой путь, уже знал, куда идти и за что воевать, но тогда, в самом начале, если бы моя судьба сложилась по-другому, если бы я оказался офицером, кто знает, как было бы... Сколько искалеченных судеб оказалось в то время у таких же людей из народа, как я!..

После сыпняка и возвратного тифа в августе 1918 года Георгий Константинович вступил добровольцем в первую Московскую кавалерийскую дивизию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1919-м стал коммунистом.

— В 1921 году мне пришлось быть на фронте против Антонова. Надо сказать, это была довольно тяжелая война. В разгар ее против нас действовало около семидесяти тысяч штыков и сабель. Конечно, при этом у антоновцев не хватало ни средней, ни тем более тяжелой артиллерии, не хватало снарядов, бывали перебои с патронами, и они стремились не принимать больших боев. Схватились с нами, отошли, рассыпались, исчезли и возникли снова. Мы считаем, что уничтожили ту или иную бригаду или отряд антоновцев, а они просто рассыпались и тут же поблизости снова появились. Серьезность борьбы объяснялась и тем, что среди антоновцев было очень много бывших фронтовиков, и в их числе унтерофицеров. И один такой чуть не отправил меня на тот свет.

В одном из боев наша бригада была потрепана, антоновцы изрядно всыпали нам. Если бы у нас не было полусотни пулеметов, которыми мы прикрылись, нам бы вообще пришлось плохо. Но мы прикрылись ими, оправились и погнали антоновцев.

Незадолго до этого у меня появился исключительный конь. Я взял его в бою, застрелив хозяина. И вот, преследуя антоновцев со своим эскадроном, я увидел, что они повернули нам навстречу. Последовала соответствующая команда, мы рванулись вперед, в атаку. Я не удержал коня. Он вынес меня шагов на сто вперед всего эскадрона. Сначала все шло хорошо, антоновцы стали отступать. Во время преследования, как мне показалось, именно кто-то из их командиров по снежной тропе — был уже снег — уходил к опушке леса. Я за ним. Он от меня... Догоняю, вижу, что правой рукой он нахлестывает лошадь плеткой, а шашка у него в ножнах. Догнал и вместо того, чтобы стрелять, кинулся в горячке на него с шашкой. Он нахлестывал плеткой лошадь то по правому, то по левому боку, и в тот момент, когда я замахнулся шашкой, плетка оказалась у него слева. Он бросил ее и с ходу, без размаха вынес шашку из ножен и рубанул меня. Я не успел даже закрыться, у меня шашка была еще занесена... А он уже рубанул. Мгновенным, совершенно незаметным для меня движением вынес шашку из ножен и ударил меня поперек груди. На мне был крытый сукном полушубок, на груди ремень от шашки, ремень от пистолета, ремень от бинокля. Он пересек все эти ремни, рассек сукно на полушубке, полушубок, выбил меня этим ударом из седла. Не подоспей мой политрук, который зарубил его, было бы мне плохо.

Потом, когда обыскали мертвого, посмотрели его документы, письмо, которое он не дописал какой-то Галине, увидели, что это такой же кавалерийский унтер-офицер, как и я, и тоже драгун. Только громаднейшего роста. У меня потом еще полмесяца болела грудь...

Г. К. Жуков позже командовал полком в конном корпусе. Полк считался передовым. Жуков смягчал гордость шуткой:

— Всегда надо по кому-нибудь равняться. Вот и равнялись по моему полку.

В апреле 1931 года Белорусским военным округом стал командовать И. П. Уборевич — видный советский полководец, крупный военный теоретик.

— И вот Уборевич звонит в Киевский округ, к Тимошенко, и спрашивает его, не мог бы он рекомендовать кого-либо из кавалеристов, чтобы навести порядок в 4-й кавалерийский дивизии. Она раньше была лучшей кавдивизией Первой Конной армии. Потом ее перебросили в Ленинградский военный округ, затем в Белоруссию, в такие места, где надо было все строить заново, занимать дивизию хозяйственным строительством. Командир дивизии оказался неудачным, за два года пребывания в Белоруссии дивизия запустила боевую подготовку и вообще находилась в отвратительном виде. Тимошенко порекомендовал меня. Уборевич в своем обычном решительном тоне позвонил в Москву Ворошилову и попросил:

— Товарищ нарком, дайте мне на дивизию Жукова, мне его порекомендовал Тимошенко.

Ворошилов ответил, что я работаю в инспекции кавалерии у Буденного. Но Уборевич настоял на своем: в инспекции народу много, там можно найти и другого, а мне нужен командир дивизии. Прошу выполнить мою просьбу...

Я, разумеется, был рад и выехал в Белорусский округ. Дивизией я еще не командовал.

Поначалу мои отношения с Уборевичем сложились неудачно. Примерно через полгода после того, как я принял дивизию, он влепил мне, по чьему-то несправедливому докладу, выговор. Была какая-то инспекционная проверка в дивизии, оказалось что-то не так, в итоге — выговор в приказе по округу. Выговор несправедливый, потому что за полгода дивизию поставить на ноги невозможно. За полгода с ней можно только познакомиться и начать принимать меры. А сделать все то, что требовалось для приведения дивизии в полный порядок, я за полгода не мог при всем желании. И вот выговор. Притом заочный. Это был первый выговор за всю мою службу, и, на мой взгляд, повторяю, совершенно несправедливый. Я возмутился и дал телеграмму:

«Командующему войсками округа Уборевичу. Вы крайне несправедливый командующий войсками округа, я не хочу служить с вами и прошу откомандировать меня в любой другой округ. Жуков».

Прошло два дня. Звонит Уборевич.

— Интересную телеграмму я от вас получил. Вы что, недовольны выговором?

Я отвечаю:

— Как же я могу быть довольным, товарищ командующий, когда выговор несправедлив и не заслужен мною.

— Значит, вы считаете, что я несправедлив?

— Да, я так считаю. Иначе не отправил бы вам телеграммы.

— И ставите вопрос о том, чтобы откомандировать вас?

— Ставлю вопрос.

— Подождите с этим. Через две недели будет инспекторская поездка, мы на ней с вами поговорим. Можете подождать со своим рапортом?

— Могу.

— Ну так подождите.

На этом закончился наш разговор.

На инспекторской поездке Уборевич нашел случай, отозвал меня в сторону и сказал:

— Я проверил материалы, по которым вам вынесли выговор, и вижу, что он вынесен неправильно. Продолжайте служить. Будем считать вопрос исчерпанным...

На мундире Г. К. Жукова не было академического ромбика — не кончал он академий. Он был самоучкой, но каким!

— Бывает, чувствуешь, что все-таки не полностью используешь заложенные в тебе возможности, что в той или другой сфере тебе не хватает знаний, систематического образования. Жизнь сложилась так, что многого не удалось приобрести. Скажем, знания биологии, естественных наук, с которыми сталкиваешься даже в своих чисто военных размышлениях. Меня никогда не покидало ощущение, что круг моих знаний более узок, чем тот, какой бы мне хотелось иметь и какой я испытывал необходимость иметь по роду своей должности. Испытывал и испытываю.

Я никогда не был самоуверенным человеком. Отсутствие самоуверенности не мешало мне быть решительным в деле. Когда делаешь дело, несешь за него ответственность, решаешь: тут не место сомнениям в себе или неуверенности. Ты всецело поглощен делом и тем, чтобы всего себя отдать этому делу и сделать все, на что ты способен. Но потом, когда дело закончено, когда размышляешь о сделанном, думаешь не только над прошлым, но и над будущим, обостряется чувство того, что тебе чего-то не хватает, того или иного недостает, что тебе следовало бы знать ряд вещей, которых ты не знаешь, и это снова вернувшееся чувство заставляет все заново передумывать и решать с самим собой: «А не мог бы ты сделать лучше то, что ты сделал, если бы ты обладал всем, чего тебе не хватает?»...

Иероним Петрович Уборевич немало делал для того, чтобы у молодого командира дивизии сохранились пристрастия и вкус к теории и истории военного дела.

— Отношения с Уборевичем сложились хорошие. Я чувствовал, что он работает надо мной. Он присматривался ко мне, давал мне разные задания... Поручил мне на сборе в штабе округа сделать доклад о действиях французской конницы во время сражения на реке По в первую мировую войну.

Доклад был для меня делом трудным. Тем более, что я, командир дивизии, должен был делать его в присутствии всех командующих родами войск округа и всех командиров корпусов. Но я подготовился, а растерялся только в первый момент: развесил все карты, остановился около них, надо бы начинать, а я стою и молчу. Но Уборевич сумел помочь мне в этот момент, своим вопросом вызвал меня на разговор. Дальше все пошло нормально, и впоследствии он оценил этот доклад как хороший. Повторяю, я чувствовал, как он терпеливо работает надо мной...

Г. К. Жуков с гордостью, как о важном этапе своей военной биографии, рассказывал о том, как высоко оценили тогда на больших маневрах в 1936 году его действия М. Н. Тухачевский и И. П. Уборевич. На вопрос, как маршал оценивает Уборевича и Тухачевского, Георгий Константинович ответил:

— Обоих ставлю высоко, хотя они были разные люди, с разным опытом.

У Тухачевского был опыт фронтовых операций, а Уборевич командовал в гражданскую войну армией, выше этого тогда не поднимался. Тухачевский был более широко известной фигурой, но я бы не отдал ему предпочтение перед Уборевичем.

И по общему характеру своего мышления, и по своему военному опыту Тухачевский был более эрудирован в вопросах стратегии. Он много занимался ими, думал над ними и писал о них. У него был глубокий, спокойный, аналитический ум.

Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой. Он был большим знатоком и того, и другого и непревзойденным воспитателем войск. В этом смысле он, на мой взгляд, был на три головы выше Тухачевского, которому были свойственны некоторая барственность, небрежение к черновой, повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание.

С Тухачевским сталкиваться мне пришлось чаще всего в 1936 году, во время разработки нового боевого Устава. Нужно сказать, что Ворошилов, тогдашний нарком, в этой роли был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно. Однако занимал высокое положение, был популярен, имел претензии считать себя вполне военным и глубоко знающим военные вопросы человеком. А практически значительная часть работы в наркомате лежала в то время на Тухачевском, действительно являвшемся военным специалистом.

Во время разработки Устава был такой эпизод. При всем своем спокойствии Тухачевский умел проявить твердость и дать отпор, когда считал это необходимым. Тухачевский как председатель комиссии по Уставу докладывал наркому Ворошилову. Я присутствовал при этом. И Ворошилов по какому-то из пунктов стал высказывать недовольство и предлагать что-то, явно не шедшее к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал обычным, спокойным голосом:

— Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок...

Он умел давать резкий отпор именно в таком спокойном тоне, что, конечно, не нравилось...

С Уборевичем я проработал вместе четыре года. Он был строг. Если во время работы видел, что кто-то из командиров корпусов от-

влекается, он мгновенно, не говоря лишнего слова, ставил ему задачу:

— Товарищ такой-то! Противник вышел отсюда, из такого-то района туда-то, находится в таком-то пункте. Вы находитесь там-то. Что вы предполагаете делать?

Отвлекшийся командир корпуса начинал бегать глазами по карте, на которой сразу был назван целый ряд пунктов. Если бы он неотрывно следил, он бы нашел быстро, но раз хоть немножко отвлекся, то все сразу становилось трудным. Это, конечно, урок человеку, после этого он уже в течение всего сбора не сводил глаз с карты.

Уборевич был бесподобным воспитателем, внимательно наблюдавшим за людьми и знавшим их, был требовательным, строгим, великолепно умел разъяснять тебе твои ошибки. Очевидность их становилась ясной уже после трех-четырех фраз. Его строгости боялись, хотя он не был ни резок, ни груб. Но он умел так быстро и так точно показать тебе и другим твои ошибки, твою неправоту в том или ином вопросе, что это держало людей в напряжении.

* * *

Почти три десятилетия спустя Георгий Константинович так определил место, которое заняли бои на Халхин-Голе в его жизни и военной биографии:

— Первое тяжелое переживание в моей жизни было связано с 1937—1938 годами. На меня готовились соответствующие роковые документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то бегал с портфелем, в котором они лежали. В общем, дело шло к тому, что я мог кончить тем же, чем кончали многие... И вот после всего этого вдруг вызов! И приказано ехать на Халхин-Гол... Я поехал туда с радостью.

В Монголии Жуков оказался в критической ситуации. Враг собирался провести хрестоматийную операцию — ударом с севера окружить и уничтожить советско-монгольские войска, решить судьбу фронта на Халхин-Голе. В сборнике статей военных историков Запада «Русская военная машина 1917—1945 гг.» сказано: «Японцы учли все, кроме мгновенной реакции Жукова».

Позже Жуков связывал трудности и неудачи начала событий на Халхин-Голе с начальным периодом Великой Отечественной войны:

— В нашей неподготовленности к войне с немцами в числе других причин сыграла роль и территориальная система подготовки войск, с которой мы практически распрощались только в 1939 году. Наши территориальные дивизии были подготовлены из рук вон плохо. Людской материал, на котором они развертывались до полного состава, был плохо обучен, не имел ни представления о современном бое, ни опыта взаимодействия с артиллерией и танками. По уровню подготовки наши территориальные части не шли ни в какое сравнение с кадровыми. С одной из таких территориальных дивизий мне пришлось иметь дело на Халхин-Голе. Она побежала от нескольких артиллерийских залпов японцев. Пришлось ее останавливать всеми подручными средствами... Пришлось с командного пункта послать командиров и цепью расставить их по степи. Еле остановили. Командира дивизии пришлось снять, а дивизию постепенно, в течение полутора месяцев приучали к военным действиям. Потихоньку пускали людей в разведки, небольшие бои, приучали к воздействию артиллерии, бомбовым ударам, учили взаимодействовать с танками. Впоследствии, приобретя первый боевой опыт, дивизия в последних боях действовала уже неплохо. А в июле бежала... А японцам, видевшим, как дивизия бежит от нескольких артиллерийских залпов, ничего не оставалось, как наступать вслед за ней. Их тогда удалось остановить, только сосредоточив на них огонь всей наличной артиллерии, со всех точек фронта. Вот что такое территориальная дивизия, не прошедшая боевой школы. Я это пережил там, на Халхин-Голе...

Вот тогда Жуков принял рискованное решение — нанести контрудар с ходу.

— На Баин-Цагане у нас создалось такое положение, что пехота отстала. Полк Ремизова отстал. Ему оставался еще один переход. А японцы свою 107-ю дивизию уже высадили на нашем берегу. Начали переправу в шесть вечера, а в девять часов утра закончили. Перетащили двадцать одну тысячу солдат. Только кое-что из вторых эшелонов еще осталось на том берегу. Перетащили дивизию и организовали двойную противотанковую оборону — пассивную и активную. Во-первых, как только их пехотинцы выходили на этот берег, так сейчас же зарывались в свои круглые противотанковые ямы. А во-вторых, перетащили с собой всю противотанковую артиллерию, свыше ста орудий. Создавалась угроза, что они сомнут наши части на этом берегу и принудят нас оставить плацдарм там, за Халхин-Голом. А на него, на этот плацдарм, у нас была вся надежда. Думая о будущем, нельзя было этого допустить.

Когда японцы вышли на этот берег реки у Баин-Цагана, Кулик потребовал снять с того берега, с оставшегося у нас там плацдарма артиллерию — пропадет, мол, артиллерия! Я ему отвечаю: если так, давайте снимать с плацдарма все, давайте и пехоту снимать. Я пехоту не оставлю там без артиллерии. Артиллерия — костяк обороны, что же — пехота будет пропадать там одна? Тогда давайте снимать все.

Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это.

Когда все это начиналось, я был в Тамцак-Булаке. Мне туда сообщили, что японцы переправились. Я сразу позвонил на Хамар-Дабу и отдал распоряжение: «Танковой бригаде Яковлева идти в бой». Им еще оставалось пройти шестьдесят или семьдесят километров, и они прошли их. Прямиком по степи. И вступили в бой. Бригада была сильная, около двухсот машин. Она развернулась и пошла. Понесла очень большие потери от огня японской артиллерии, но, повторяю, мы к этому были готовы. Половину личного состава бригада потеряла убитыми и ранеными. И половину машин, даже больше. Но мы шли на это. Еще большие потери понесли бронебригады, которые поддерживали атаку. Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулись тридцать шесть танков, и вскоре двадцать четыре из них уже горели. Но зато мы раздавили японскую дивизию. Стерли...

Г. К. Жуков подробно рассказал о том, что произошло на третий день августовского наступления:

— Когда японцы зацепились на северном фланге за высоту Палец и дело затормозилось, у меня состоялся разговор с Г. М. Штерном. Его роль заключалась в том, чтобы в качестве командующего Забайкальским фронтом обеспечивать наш тыл, обеспечивать всем необходимым группу войск, которой я командовал. В том случае, если бы военные действия перебросились и на другие участки, перерастая в войну, предусматривалось, что наша армейская группа войдет в прямое подчинение фронта, но только в этом случае. А пока что мы действовали самостоятельно и были подчинены непосредственно Москве.

Штерн приехал ко мне и стал говорить, что он рекомендует не зарываться, а остановиться, нарастить за два-три дня силы для последующих ударов и только после этого продолжать окружение японцев. Он объяснил свой совет тем, что операция замедлилась и мы несем, особенно на севере, крупные потери. Я сказал ему в ответ на это, что война есть война и на ней не может не быть потерь. И что потери могут быть даже крупными, особенно когда мы имеем дело с таким серьезным и ожесточенным врагом, как японцы. Но если мы сейчас из-за потерь и из-за сложностей, возникших в обстановке, отложим на два-три дня выполнение своего первоначального плана, то одно из двух: или мы не выполним этот план вообще, или выполним его с громадным промедлением и с громадными потерями, которые из-за нашей нерешительности в конечном итоге в десять раз превысят те потери, которые мы несем сейчас, действуя решительным образом. А приняв рекомендации Штерна, мы удесятерим потери...

Затем я спросил: приказывает ли он мне или советует? Если приказывает, пусть напишет письменный приказ. Но я предупреждаю его, что опротестую этот письменный приказ в Москве, потому что не согласен с ним. Он ответил, что не приказывает, а рекомендует и письменного приказа писать не будет. Я сказал: «Раз так, то я отвергаю ваше предложение. Войска доверены мне, и командую ими здесь я. А вам поручено поддерживать меня и обеспечивать мой тыл. И я прошу вас не выходить из рамок того, что вам поручено». Был жесткий, нервный, не очень-то приятный разговор. Штерн ушел. Потом, через два или три часа, вернулся, видимо, с кем-то за это время посоветовался и сказал мне: «Ну, что же, пожалуй, ты прав. Я снимаю свои рекомендации...»

Японцы сражались ожесточенно. Я противник того, чтобы отзываться о враге уничижительно. Это не презрение к врагу, это недооценка его. А в итоге и недооценка самих себя. Японцы дрались исключительно упорно, в основном пехота. Помню, как я допрашивал японцев, сидевших в районе речки Хайластин-Гол. Их взяли там в плен в камышах. Так они все были до того изъедены комарами, что на них буквально живого места не было. Я спрашиваю их: «Как же вы допустили, чтобы вас комары так изъели?» Они отвечают: «Нам приказали сидеть в дозоре и не шевелиться. Мы не шевелились». Действительно, их посадили в засаду, а потом забыли о них... Это действительно настоящие солдаты. Хочешь не хочешь, а приходится уважать...

Я думаю,— говорил Георгий Константинович,— Халхин-Гол отрезвил японцев. Они получили хороший урок. И урок этот — одна из причин, почему Япония не выступила против нас в сорок первом. Не единственная, конечно, причина, но одна из причин...

На фотографии, сделанной в Монголии, Жуков улыбающийся, обветренный, загорелый.

— Я испытал большое удовлетворение. Не только потому, что была удачно проведена операция, но и потому, что я своими действиями как бы оправдался, как бы отбросил от себя все те наветы и обвинения, которые скапливались против меня в предыдущие годы и о которых я частично знал, а частично догадывался. Я был рад всему: нашему успеху, новому воинскому званию, званию Героя Советского Союза. Все это подтверждало: я сделал то, чего от меня ожидали, а то, в чем меня раньше пытались обвинить, стало наглядной неправдой...

Легенда говорит, что, когда в 1939 году Жукову позвонили из Москвы и без объяснений приказали прибыть в столицу, он спросил: «Шашку брать?» Эта легенда — одна из многих — точно отразила характер полководца.

В середине пятидесятых годов, прочитав роман «Товарищи по оружию», Жуков спросил у автора: «Вы знали Ремизова?» Симонов ответил, что не застал его в живых, только слышал о нем...

— Хороший был человек Ремизов и хороший командир. Я любил его и ездить к нему любил. Иногда, бывало, заезжал чайку попить. Ремизов был геройский человек, но убили его по-глупому, на телефоне. Неудачно расположил свой наблюдательный пункт, говорил по телефону, а местность открытая...

С Ремизовым была такая история. Когда мы окружали японцев, он рванулся вперед со своим полком, перешел госграницу. Об этом один товарищ послал кляузную докладную в Москву, предлагал Ремизова за самовольные действия предать суду и так далее... А я считал, что его не за что предавать суду. Он нравился мне. У него был порыв вперед, а что же это за командир, который в бою ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево? Ни на что не может решиться? Разве такие нам нужны? Нам нужны люди с порывом. И я внес контрпредложение — наградить Ремизова. Судить его тогда не судили, наградить тоже не наградили. Потом уже присвоили звание Героя Советского Союза, посмертно...

Командир танковой бригады Яковлев тоже был очень храбрый человек и хороший командир. А погиб нелепо. В район нашей центральной переправы прорвалась группа японцев, человек триста. Не так много, но была угроза переправе. Я приказал Потапову и Яковлеву под их личную ответственность разгромить эту группу. Они стали собирать пехоту, организовывать атаку, при этом Яковлев забрался на танк и оттуда командовал. И японский снайпер его снял пулей. Был очень хороший боевой командир...

...Жукову так и не удалось еще раз побывать в Монголии.

Продолжение следует.

А. Дейнека. 1899—1969. ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА. 1928.

Государственная Третьяковская галерея

Палитра эры Октября

И. Машков. 1881—1944. СНЕДЬ МОСКОВСКАЯ. ХЛЕБЫ. 1924. Государственная Третьяковская галерея

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Исполнилось 80 лет со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Крупнейший советский литературовед, член целого ряда иностранных академий, Д. С. Лихачев отдает много сил пропаганде отечественного культурного наследия, охране памятников истории и культуры.
Мы публикуем отрывок из автобиографических записок ученого и интервью, которое Д. С. Лихачев дал корреспондентам «Огонька».

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Я родился в среднеинтеллигентской семье. Мой отец был инженер-электрик, добившийся высшего электротехнического образования только благодаря своей энергии и работоспособности. Уже в старших классах реального училища он зарабатывал себе на жизнь репетиторством, а в студенческие годы и преподаванием в реальном училище Шкловского — отца известного литературоведа В. Б. Шкловского.

Известную роль сыграло для меня увлечение моих родителей мариинским балетом, а затем озорная и увлекательная атмосфера артистической молодежи в дешевой дачной местности под Петербургом — Куоккале. Имена многих знаменитых художников, актеров, писателей, живших в Куоккале или только посещавших ее, были для меня живыми и повседневными.

Многим в своем воспитании я обязан школам, в которых учился. В старшем приготовительном я учился в гимназии Человеколюбивого общества на Крюковом канале.

В 1915 году я поступил в гимназию и реальное училище К. И. Мая на 14-й линии Васильевского острова.

В годы первой мировой войны в училище Мая был введен урок ручного труда. Чем это диктовалось, я не знаю. Но воспитательное значение он имел очень большое.

Сравнительно молодой столяр говорил нам: «Когда работаешь, надо думать». Я это запомнил. Он учил нас, как без гвоздей делать различные деревянные поделки — полки, рамки, табуретки, как делать различные сочленения, чтобы вещь крепко держалась без гвоздей, как выбирать дерево для работы, как обходить сучки, как работать рубанком, полировать. Закончив один какой-то прием, мы переходили к другому. «Ручной труд»—так назывался урок—был уроком творчества. Ручной труд был трудом умственным и давал нам радость овладения новым.

Отец был искренне рад и горд, когда рабочие электрической станции в Первой государственной типографии (теперь это Печатный двор) выбрали его своим заведующим. Мы переехали с Новоисаакиевской в центре Петрограда на казенную квартиру при типографии на Петроградской стороне. Это была осень 1917 года. События Октябрьской революции оказались как-то в стороне от меня, я их плохо помню.

Жизнь в типографии меня во многом воспитала. Типографии я обязан своим интересом к типографскому делу. Запах свежеотпечатанной книги для меня и сейчас лучший из ароматов, способный поднять настроение. Но, может быть, не последнюю роль сыграло и то, что на некоторое время отец получил на хранение библиотеку директора ОГИЗа — небезызвестного в тогдашних литературных кругах Ильи Ионовича Ионова. В его библиотеке были эльзевиры, альдины, редчайшие издания XVIII века, собрания альманахов, дворянские альбомы, Библия Пискатора, роскошнейшие юбилейные издания Данте, издания Шекспира и Диккенса на тончайшей индийской бумаге, рукописное «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, книги из библиотеки Феофана Прокоповича, множество книг с автографами современных писателей (запомнились письма-надписи на сборниках стихов Есенина, А. Ремизова, А. Н. Толстого и т. д.).

Несколько лет существования великолепной библиотеки в нашей квартире не прошли для меня даром. Я рылся и рылся в ней, читал, смотрел, любовался изданиями и рукописями, гравюрами и фотографиями с памятников искусства. Мне не хватало образования, иначе я бы еще больше смог получить для себя от этой необыкновенной библиотеки.

Наиболее важный и в то же время наиболее трудный для своей характеристики период в формировании моих научных интересов, конечно, университетский.

Университет переживал самый острый период своей перестройки. Активно способствовал или даже проводил перестройку «красный профессор» Николай Севастьянович Державин — известный болгарист и будущий академик.

Я поступил на факультет общественных наук. Состав студентов был не менее пестрый, чем состав профессоров: были пришедшие из школы, но в основном это были уже взрослые люди с фронтов гражданской войны, донашивавшие свое военное обмундирование. Были «вечные студенты», работавшие и учившиеся по десять лет, были дети высокой петербургской интеллигенции, в свое время воспитывавшиеся с гувернантками и свободно говорившие на двух-трех иностранных языках (к таким принадлежали учившиеся со мной И. И. Соллертинский, И. А. Лихачев (будущий переводчик), П. Лукницкий (будущий писатель), да и многие другие).

Я окончил университет в 1928 году, написав две дипломные работы: одну — о Шекспире в России в конце XVIII—самом начале XIX века, другую — о повестях о патриархе Никоне. К концу моего учения надо было еще зарабатывать на хлеб, службы было не найти, и я подрядился составлять библиотеку для Фонетического института иностранных языков. Институт был богатый, но деньги мне платили неохотно. И снова поразительные подборки книг из различных реквизированных библиотек частных лиц и дворцов, редкости, редкости и редкости.

Сразу же по окончании университета я решил учиться писать и систему придумал сам.

Во-первых, чтобы язык мой был богатым, я читал книги, с моей точки зрения, хорошо написанные, написанные хорошей прозой — научной, искусствоведческой. Я читал М. Алпатова, А. Дживелегова, П. Муратова, И. Грабаря, Н. Врангеля, В. Курбатова и делал из их книг выписки — главным образом фразеологические обороты, отдельные слова, выражения, образы и т. д.

Во-вторых, я решил писать каждый день, как классные сочинения, и писать особым образом. Этот особый образ я назвал «без отрыва пера от бумаги», то есть не останавливаясь. Я решил (и решил правильно), что главный источник богатой письменной речи — речь устная. Поэтому я старался записывать свою собственную, внутреннюю устную речь, старался догнать пером внутренний монолог, обращенный к конкретному читателю — адресату письма или просто читателю.

Впоследствии, когда я поступил в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), это было в 1938 году, и Варвара Павловна Адрианова-Перетц поручила мне для «Истории культуры Древней Руси» (т. 2; он вышел только в 1951 году) написать главу о литературе XI—XIII веков, она мною была написана как «стихотворение в прозе». Далось мне это очень нелегко. На даче в Елизаветине я переписывал текст от руки не менее десяти раз.

В. П. Адрианова-Перетц была замечательным организатором работ отдела древнерусской литературы. Заведовал отделом академик А. С. Орлов совместно с Варварой Павловной, а организационный талант, административный ум и знания у Варвары Павловны были исключительными. Отличалась она и огромной работоспособностью, несмотря на плохое здоровье.

Мы в отделе приступали к написанию первых двух томов десятитомной «Истории русской литературы». Здесь мне пригодились мои старые мечты о создании настоящей истории русской литературы XI—XVI веков, интерес к летописанию и искусству Древней Руси. Я стал редактировать и писать. В первом томе параллельно готовившегося учебника для вузов «История русской литературы» я писал разделы по истории русского искусства (моя идея) и написал их от XI до XVIII века включительно. Получилась миниатюрная история русского искусства, связанная с историей русской литературы.

11 июня 1941 года я защитил кандидатскую диссертацию по новгородскому летописанию XII века. Для меня это была не только диссертация, но и выражение своей увлеченности Новгородом, где мы с женой в 1937 году провели свой отпуск. Мы исходили Новгород и окрестности вдоль и поперек, побывали в каждом достопримечательном месте. Летописи Новгорода представлялись мне живыми, события становились почти зримыми. С тех пор я оценил научные темы, даже отвлеченно-филологические, в которых была бы хоть доля личного чувства. Своим ученикам я стараюсь постоянно рекомендовать темы, так или иначе связанные с ними биографически, темы, не только обещающие интересные результаты, но и близкие им по материалу.

Через две недели после защиты диссертации разразилась война. На призывном пункте меня с моими постоянными язвенными кровотечениями начисто забраковали, и я довольствовался участием в самообороне, жил на казарменном положении в институте, работая «связистом» и дежуря на башне Пушкинского Дома. В моем ведении была ручная сирена, которую я приводил в действие при каждом налете вражеской авиации. Спал я то на крыловском диванчике, то на большом диване из Спасского-Лутовинова и думал, думал.

Не касаюсь сейчас истории нашей жизни в блокадном Ленинграде: это тема целой книги. Писать о блокаде мельком невозможно. Скажу лишь следующее: потери в нашем институте, в нашей семье, среди наших знакомых и родных были ужасающие: больше половины моих родных и знакомых погибло от истощения. Мы очень плохо представляем себе, сколько людей унесли во время блокады голод и все остальные лишения.

Однако мозг в голод работал напряженно. Я даже думаю, что эта усиленная работа го-

лодающего мозга «запрограммирована» в человеке. Особенно остро мыслить в период лишений и опасности необходимо для сохранения жизни. Но думалось в этот период не о том, как бы избегнуть этих лишений, а об общих судьбах нашей страны, России. В этот период зародились во мне идеи, легшие в основу сперва книжки «Оборона древнерусских городов», написанной совместно с М. А. Тихановой и вышедшей в Ленинграде осенью 1942 года, а потом книг «Новгород Великий. Очерк истории культуры X—XVII вв.» и «Национальное самосознание Древней Руси», увидевших свет, несмотря на военные трудности, в 1945 году. Уже в этих книгах начала рождаться идея «замедленного Ренессанса» на Руси, которая впоследствии легла в основу моих книг по истории древней русской литературы — «Развитие русской литературы X—XVII вв.» и целого ряда других работ, связанных с ней и развивающих те же идеи.

В 1947 году я подготовил докторскую диссертацию по истории русского летописания, сильно сокращенный и упрощенный вариант которой вышел в свет благодаря помощи академика И. Ю. Крачковского под названием «Русские летописи и их историко-культурное значение». Основная идея и тема диссертации заключались в попытке рассмотреть всю историю русского летописания как историю литературного жанра, при этом постоянно меняющегося в зависимости от изменения историко-литературной обстановки.

В развернутом виде эта концепция дана была мною в книге «Текстология на материале русской литературы XI—XVII вв.» (издана в 1962 году, второе издание — 1983 год).

Через несколько лет я издал две книги, вызвавшие много откликов и подражаний: «Человек в литературе Древней Руси» (1958, 1970) и «Поэтика древнерусской литературы» (1967, 1971). Последняя книга принесла мне вторую Государственную премию.

Не перечисляю других моих работ, книг и частных исследований.

ДОСТОИНСТВО КУЛЬТУРЫ

Д. С. Лихачев, В. А. Генде-Роте, С. В. Ямщиков в перерыве заседания учредительной конференции Советского фонда культуры. Ноябрь 1986 года.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

— Дмитрий Сергеевич, какое значение имеет изучение прошлого, которому вы посвящаете так много сил и труда? Что дает знание былого нам, людям, приближающимся к рубежу третьего тысячелетия?

— Изучение нашего прошлого способно и должно обогатить современную культуру. Современное прочтение забытых идей, образов, традиций, как это часто бывает, может подсказать нам много нового. И это не словесный парадокс...

«Мода» на прошлое перестает быть поверхностной модой, становится более глубоким и широким явлением, к которому стоит присмотреться.

Я самым решительным образом утверждаю: для того чтобы глубоко приобщиться к какой-либо из культур прошлого, нет необходимости отречься от современности, переселиться (духовно) в это прошлое, стать человеком прошлого. Это и невозможно, это и обеднение себя.

Обращение к культуре прошлого — это не измена своей культуре, а дополнение и обогащение ее. Понимание чужих убеждений не есть принятие этих убеждений. Познание не есть растворение познающего в познаваемом.

Одна культура может понимать и глубоко проникать в другую. Это очень важное явление, необходимое для движения вперед. Не только целые народы и эпохи, но и отдельный человек может до конца познать другого человека, не переставая быть самим собой, а лишь обогащаясь познавательно. Мы способны понять не только другое существо, но другую сущность, оставаясь вместе с тем отграниченными от этой другой сущности. Для меня это одно из самых удивительных и самых значительных свойств человеческого познания.

Не следует думать, что весь интерес изучения минувшего состоит в извлечении разного рода «уроков истории». Необходима еще простая и добросовестная работа по «воскрешению» памятников письменности, материальной культуры, сведений самого различного характера. Многое забыто, многое не изучено, а потому и неясно, многое погребено в рукописных хранилищах или под землей (яркий пример: берестяные грамоты), под новой застройкой; многое просто надо сохранить для будущих исследований и для того, чтобы эти памятники могли быть действенными участниками в строительстве современной культуры, быть нашими союзниками. Многое мы должны защитить от непонимания, от несправедливых оценок, обывательских представлений, которые, к несчастью, проникают в беллетристику и кино... Мне хотелось бы заметить: понять современность, понять современную эпоху, ее величие, ее значение можно только на огромном историческом фоне. Если мы будем смотреть на современность с расстояния десяти, двадцати, сорока или даже пятидесяти лет, мы увидим немногое. Современную эпоху можно по-настоящему оценить только в свете тысячелетий.

— Какую роль в этом познании и вообще в жизни современного человека играет книга, не уменьшается ли ее роль в наш век научно-технической революции, развития телевидения, видеотехники и т. д.?

— Если уменьшается, то меня это очень печалит. Человеческая культура невозможна без книги, без внимательного, медленного чтения. Есть книги, которые человек перечитывает за свою жизнь и два, и пять раз и всегда открывает для себя что-то новое. Я, например, «Войну и мир» перечитывал без конца. А «Слово о полку Игореве» всегда ношу с собой как молитвенник. Великая, гениальная поэма. Всю жизнь, кажется, изучаю ее и восхищаюсь. Книга, хорошая книга, конечно, открывает не только новый мир, она открывает то, что, может быть, бесконечнее мира,— душу человека-творца. Я очень люблю книги Валентина Распутина. Меня тянет перечитывать его произведения. Не многих из наших современных писателей я перечитываю, а Распутина постоянно и всегда с волнением открываю его новую книгу. И уж коли заговорил я о Валентине Распутине, то скажу, что восхищен его гражданской позицией. Русские писатели, большие русские писатели всегда поднимали голос в защиту униженных и оскорбленных. Распутин уже много лет отдает свои силы защите сибирской природы, и особенно ее жемчужины — Байкала, и памятников культуры. Меня поражают чиновники и технократы, которые подняли руку на такое чудо, как Байкал, но меня еще более огорчает и настораживает то, с каким трудом бесспорные доводы, выдвигаемые писателем, доходят до тех, кто ответствен за беды Байкала.

— Но, видимо, вам, Дмитрий Сергеевич, и самому не раз приходилось сталкиваться с нравственной ущербностью в вашей постоянной борьбе в защиту памятников истории и культуры?

— Конечно. И знаете, что более всего меня настораживает? То, что на словах теперь вроде бы никто не против восстановления, охраны, достойного использования исторических памятников, выпускаются различные бумаги, решения, а дело чаще всего с места почти не движется. И эту проблему надо решать кардинально.

Вот недавно я был в сказочном, волшебном полуразвалившемся доме. Когда-то жила в нем Марина Ивановна Цветаева. Написала здесь она свои лучшие произведения. Дом этот, а находится он неподалеку от уничтоженной Собачьей площадки в Москве, на улице Писемского (бывшем Борисоглебском переулке), видел в своих стенах многих замечательных людей. И уже пять лет живет в нем одна героическая женщина — бывший военный врач Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Живет в выселенном доме, чтобы не дать ему умереть. К ней приходят многие люди, ей помогают энтузиасты, любители поэзии, студенты, литераторы... Но живет она в пустом доме одна. Часто подъезжают сюда экскурсионные автобусы, люди смотрят на обезображенный цветаевский дом, им читают ее стихи, и, я это знаю точно, уходят они от стен дома Цветаевой с настроением тяжелым, сумрачным. А ведь дом поэта, если он бережно и любовно сохранен, должен просветлять сердца. Но что делать, если многие годы до дома Цветаевой никому, кроме энтузиастов, дела не было. Сейчас Моссовет принял решение передать дом городской библиотеке имени Н. А. Некрасова, а квартиру Цветаевой сделать мемориальной. Хорошее, но все же половинчатое решение. Неужели Марина Цветаева не заслужила полноценного музея в Москве? Соседство библиотечных помещений с музейными комнатами — это не выход из положения при самом лучшем отноше-

нии библиотечных работников к мемориальным комнатам.

Кстати, давно, и я уже не раз писал об этом, следует вывести библиотеку имени Гоголя в Москве из дома, где скончался великий писатель, в соседнее здание талызинской усадьбы и организовать наконец в столице музей Николая Васильевича Гоголя. Ведь еще 22 июля 1982 года в постановлении коллегии Министерства культуры РСФСР по поводу моего интервью «Огоньку» «Память истории священна» было сказано: «Рассмотреть до конца 1982 г. вопрос о создании музея Н. В. Гоголя в бывшем доме Талызина с выведением городской библиотеки № 2». Сейчас конец 1986 года. Если мы будем продолжать лишь рассматривать неотложные вопросы культурного строительства по 4—5 лет, мы не многого достигнем.

— Так, Дмитрий Сергеевич, мы подходим к очень сложному вопросу — использования исторических зданий, памятников культуры.

— Существующая практика использования исторических и культурных памятников меня, да и, конечно, не только меня, удовлетворить не может.

Как часто в домах, где жили и творили великие писатели, ученые, художники, находятся какие-то конторы, в памятниках русской архитектуры — склады, гаражи, приемные пункты утильсырья и посуды. Все это работает против культуры, подрывает основы патриотического воспитания молодежи, разрушает любовь к прошлому и в конечном счете учит не любить родную землю. Это очень острая, я бы сказал, больная проблема, и чем скорее и полнее мы ее решим, тем большему числу людей поможем обрести нравственную основу. Это будет не только дань памяти тем, кто жил, творил, умирал в этих старых, но дорогих стенах, но и дань будущему, поколениям грядущим.

И коль скоро наш сегодняшний разговор конкретен, вновь приведу пример. Есть под Москвой удивительное место — Середниково. Это усадьба юности Лермонтова. И вот уже много лет в усадьбе располагается туберкулезный санаторий. Да, было трудное время для нашей страны, и вполне закономерно, что многие усадьбы использовались как больницы, санатории и т. д., хотя, конечно, не были для этих целей по-настоящему приспособлены. Но те времена ушли. А в Середникове продолжают находиться больные люди. Им неудобно там, помещения, где они находятся, конечно, не отвечают требованиям современной медицины. Чтобы как-то выйти из положения, руководители санатория пытаются строить на территории памятника культуры современные здания, что абсолютно недопустимо. А почему бы не решить этот вопрос справедливо раз и навсегда? Освободить усадьбу Середниково, построить для больных людей современный, новый, удобный санаторий, а в Середникове открыть музей М. Ю. Лермонтова. Повторю: одна такая усадьба сохранилась в Подмосковье, и спасти ее — дело нашей чести.

— Человечество приближается к третьему тысячелетию, уже сейчас создается несколько внушительных программ встречи не только нового века, а нового тысячелетия. Быть может, имеет смысл разработать и программу восстановления к этой дате 15—20 великих памятников (имея в виду все наши братские республики), чтобы они стали символом нового, достойного отношения к культурному наследию?

— Это очень конструктивная идея, которую надо тщательно и детально разработать. Но уже сейчас могу сказать, что восстановление и введение в широкий культурный обиход таких шедевров, как памятники Соловецких островов, Валаама, создание Национального парка в Подмосковье, в блоковских и менделеевских местах с центром в Николо-Пешношском монастыре (откуда давно пора вывести инвалидный интернат), решение проблемы Кижей, пушкинского комплекса Захарово — Вяземы — это те дела, свершение которых достойно может завершить второе тысячелетие нашей эры. Нам следует остановиться, оглянуться и понять, какими богатствами, какими духовными драгоценностями мы располагаем, и нам надо учиться рачительно, умело и достойно распоряжаться нашим историческим наследием.

— Но исторический памятник — это не только здание, какое-то замечательное сооружение, архитектурный ансамбль. Памятник — это и старинная песня, и книга, вышедшая в давние времена, и произведения живописи, и национальная одежда. Они должны пристально изучаться, издаваться, сохраняться, в конечном счете должны служить народу. Все ли, по вашему мнению, делается сейчас в этом направлении?

— Я считаю, что мы сейчас вступили в полосу очень обнадеживающих перемен. Но эти перемены в первую очередь зависят от нас самих — от писателей, ученых, историков, художников, искусствоведов. Перестройка в отношении памятников культуры и искусства должна захватывать в первую очередь вопрос об оценке произведения культуры, памятника культуры. Часто мы оцениваем их еще с очень узкой, зашоренной, я бы сказал, точки зрения. Нам следует в первую очередь пересмотреть наше отношение к культурному наследию XX века, к творчеству замечательных писателей и художников, чьим искусством нельзя не восхищаться и без оглядки на которых не может полнокровно развиваться наше современное искусство — будь то литература, живопись, музыка.

Мне приходилось уже говорить на съезде писателей минувшим летом, и повторю это сейчас: мы должны более смело издавать писателей XX века, чье творчество по той или иной причине мало, а порой и совсем неизвестно. Да, это часто были люди трудной судьбы, путь их, как говорил когда-то Блок, не был лишен остановок и искривлений. Необходимо, безусловно, объяснять при публикации их произведений сложность этого пути, но печатать их книги необходимо. Ведь у нас вырастает даже писательская молодежь, не знающая многих своих предшественников.

Надо шире издать произведения Ф. Сологуба (и не только стихи и «Мелкого беса»), А. Ремизова, исторические романы Д. Мережковского... Можно перечисление продолжить — все они входят в кладовую литературного опыта, из которой мы можем черпать и черпать с большой пользой для нашей культуры. Я призываю не подражать этим писателям, но обязательно учитывать их опыт.

Когда, например, наши читатели узнают прозу В. Набокова, они прежде всего поразятся его филигранному литературному мастерству. Какие он писал отточенные, изящные рассказы!

Не надо бояться, что Набокову станут подражать, это невозможно, не надо бояться каких-то чуждых нам взглядов Набокова. Кто им будет следовать в наши дни, в нашем обществе? Но у Набокова есть любовь к России, есть пронзительное чувство ностальгии по России; это чувство человека, оказавшегося вне родной земли, никак не может разучить нас любить Россию, любить Родину.

Вообще мы должны быть смелее, смелость — это то, что требуется сейчас. И смелость в изданиях — это и уверенность в нас самих.

— Вы говорите о литературных произведениях, а что бы вы могли сказать об изобразительном искусстве XX века, о том, что мы называем «авангардизмом» в искусстве?

— О, пожалуй, я сразу скажу несколько слов в защиту авангарда, хотя для меня это может показаться несколько неожиданным, ведь я занимаюсь главным образом древней литературой, которая очень традиционна, и моя общественная деятельность, выступления в печати связаны главным образом с защитой традиций и памятников.

Но я должен заметить, что вообще искусства вне традиций, чистого авангарда не существует. Ведь когда, скажем, Кандинский начинал свою деятельность, то он шел в ней от народного русского лубка. В ежегоднике «Памятники культуры, новые открытия», где я являюсь главным редактором, мы публикуем целый ряд писем Кандинского, в которых он требует выписать из России лубок, лубок и лубок. Начал он с традиционного искусства и с народных традиций, и Кандинского этого периода я понимаю и очень ценю.

Возьмем таких авангардистов своего времени, создателей авангардизма, как Пуни и Анненков. Это жители финляндского поселка Куоккала, в котором жил и я, и я их очень хорошо помню, они играли с моими младшими товарищами.

Пуни, итальянец по происхождению, но уже в трех поколениях живших в России, работал в традициях мальчишеского хулиганства, принятого в Куоккале. Его выставка, которую он устроил в трамвае, была очень характерна для той местности, где я жил, где мальчики устраивали эпатирующие представления. Выставка Пуни была в традициях такого мальчишеского озорства, и Илья Репин очень этому покровительствовал.

То же самое я должен сказать об Юрии Анненкове, а также о Ларионове и о Гончаровой, которые исходили из традиции русской народной иконы и лубочной первопечатной литературы. На этом основании они строили свое искусство и свой «лучизм».

Наиболее яркий представитель авангардизма — Пикассо. Он переходил от одной традиции к другой, он постоянно следовал традициям, но традициям разным: начинал с традиции испанского искусства, потом переходил к традициям некоторых французских художников-постимпрессионистов, затем он переходил к традициям античности и т. д. Пикассо мы не воспринимаем вне традиций.

Я бы даже сказал, что Марк Шагал, которого считают обычно авангардистом,— наиболее яркий представитель традиционализма. Он традиционалист не только в том смысле, что исходил и из витебского народного еврейского искусства, и из белорусского народного искусства, и из русского лубка, но он сам по себе был представителем своей собственной традиции и не изменял ей до конца жизни. Он всегда ощущал себя жителем Витебска и представителем в Европе этой провинциальной, очень интересной культуры.

Если бы мне нужно было назвать самого крупного представителя авангардизма в древнерусской литературе, я бы назвал имя протопопа Аввакума, писателя XVII века.

Поэтому я хочу сказать, что нельзя делить искусство на традиционное и авангардное: все хорошее искусство является одновременно и искусством авангардным.

— А как вы относитесь к так называемой массовой культуре?

— Выступления против массовой культуры как таковой, я думаю, не следует приветствовать. Мы идем к массовой культуре. Мы не можем выступать против телевидения, против радио, потому что это новые формы культуры.

Массовая культура, точно так же как и авангард, существовала в искусстве всегда. Народное искусство, искусство карнавала, искусство ярмарки, искусство балагана — это массовая культура и, должен сказать, культура, продолжающая оплодотворять высокую культуру современности. Музыка Стравинского исходит из культуры балаганной музыки, балаганных свистков, выкриков и т. д., и это очень интересно.

Речь, повторяю, идет о том, что искусство делится на хорошее и плохое, а не на традиционное и авангардное. Элемент авангарда в искусстве всегда присутствует и всегда должен присутствовать. В больших дозах, иногда мало действующих, или в малых дозах, очень ярко действующих, но это должно быть.

Мы должны быть за хорошее искусство, разное авангардное искусство, разное и хорошее традиционное искусство.

— Заканчивая нашу беседу, мы бы хотели, Дмитрий Сергеевич, поздравить вас не только с наступающим юбилеем, но и с избранием председателем правления Советского фонда культуры — новой общественной организации, перед которой открываются самые широкие перспективы. И наш последний вопрос связан с будущей деятельностью Фонда культуры. Какой она вам мыслится?

— Спасибо за добрые слова. Что касается вашего вопроса, то, по-моему, мы и говорили о том, чем должен заниматься Фонд культуры. Не так ли? Ведь основная задача его может быть выражена девизом «Культурные ценности — народу». Новые экспозиции в музеях, народные фольклорные праздники, розыск и возвращение на Родину оказавшихся за рубежом архивов, произведений искусства, организация музеев личных коллекций — все это и многое другое входит в сферу деятельности Советского фонда культуры. Впрочем, мы стоим у самых истоков этой деятельности. А зависеть она будет от каждого из нас. Ведь Фонд культуры ждет помощи и предложений от каждого человека, заинтересованного в сохранении культурного наследия нашего Отечества.

Материалы подготовили
Д. ЧУКОВСКИЙ и В. ЕНИШЕРЛОВ.

Многие — и москвичи, и приезжие — знают этот старинный дом, стоящий бок о бок с Ленинградским вокзалом. До революции здесь была таможня, а до весны 1986 года располагалось Главное таможенное управление Министерства внешней торговли СССР. Сегодня на вывеске значится: ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР.

Мы беседуем с ВЛАДИМИРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ БАЗОВСКИМ, начальником управления.

— Владимир Николаевич, если говорить в самых общих чертах, что должно измениться в деятельности вашей службы с переменой ее положения?

— Ясно, что любая узковедомственная подчиненность ограничивает возможности контроля. В нашем названии есть теперь слова «государственный контроль». В этом вся суть.

— Чем выше уровень, тем шире права и серьезнее обязанности. Из чего они отныне складываются?

— Таможенный контроль — часть внешнеэкономического комплекса. Нами руководит Государственная внешнеэкономическая комиссия Совета Министров СССР. Естественно, что общие задачи комплекса в целом являются и нашими задачами. Они определены постановлением ЦК КПСС и Совета Министров от 19 августа этого года «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями». Вот почитайте.— Владимир Николаевич вынул из папки ксерокопию постановления.

Подчеркнутые строки гласили: «Сохраняя и развивая принцип государственной монополии на внешнеэкономическую деятельность, настоятельно требуется расширить права и усилить ответственность министерств, ведомств, объединений, предприятий и организаций в этой сфере, обеспечить их выход на внешний рынок, усилить заинтересованность в развитии международной кооперации и ускорении внедрения новейших достижений науки и техники и тем самым повысить эффективность внешнеэкономических связей. Большое общегосударственное и политическое значение имеют слаженность и результативность работы всего внешнеэкономического комплекса, повышение его роли в ускорении социально-экономического развития страны».

— Общие задачи понятны. Но у таможенной службы своя специфика...

— Она достаточно сложна, но основная задача—оберегать монополию государства на торговлю с другими странами. Между прочим, надо помнить, что понятие «таможня» происходит от монгольского «тамга», одно из значений которого суть денежный налог. Сейчас устанавливаются прямые торговые связи даже между отдельными предприятиями. Это для нас новая форма внешней торговли. Далеко не все, кто будет к ней причастен, знакомы с правовыми нормами в этой области. Мы обязаны всемерно внедрять знание таможенных законов. Наша обязанность — оградить государство от ущерба как экономического, так и политического. Контроль только в том случае исполнит свою задачу, если будет строгим. Но ведь при строгости можно быть еще и формалистом, и бюрократом, и просто неоправданно придирчивым. А это не способствует добрым отношениям с торговыми партнерами. Этого мы постараемся избежать. Тут все будет зависеть от стиля работы. Мы должны способствовать привлечению новых партнеров, а не отталкивать их.

— Приходилось слышать сетования по поводу того, что некоторые таможенные правила неоправданно жестки. Например, есть такой запретительный пункт, как бы намекающий на потенциальную контрабанду: выезжающий за границу не может иметь при себе более трех ювелирных изделий, а каждое из них должно быть стоимостью не более двухсот пятидесяти рублей. Ну, а если у женщины в ушах серьги за семьсот пятьдесят? Такой запрет может показаться и унизительным. Будут ли как-то меняться таможенные правила?

— Да, они тоже нуждаются в усовершенствовании.

— Владимир Николаевич, я только что вернулся из Таллина. Встречался с начальником Таллинской таможни Велло Феликсовичем Арусааром, его заместителями Юрием Ефимовичем Колесником и Николаем Ивановичем Ювайненом, начальником отдела по борьбе с контрабандой Юрием Авангардовичем Апунниковым, был на Новоталлинской таможне, беседовал с ее начальником Валерием Гавриловичем Драгановым, заместителем начальника Иоэлем Рудольфовичем Ряяком. Видел, как работают на таможенном контроле инспектора. Легко было заметить, что настроение приподнятое...

— Неудивительно. Новое положение обязывает.

— Что изменится для таможенных работников в чисто личном служебном положении?

— Для всего начальствующего состава, от младшего до высшего, введены новые персональные звания. Их десять, самое низшее — инспектор таможенной службы третьего ранга, самое высшее — действительный государственный советник таможенной службы. Соответственно званию все получают прибавку к зарплате.

— Последний вопрос. Известно, что большинство людей полагает, будто вся обязанность таможни — проверять багаж на предмет оружия и всякой контрабанды, ну и валюту...

— Вероятно, вы видели, что это не совсем так. Вот и расскажите в «Огоньке».

Некоторое представление о разносторонности таможенной работы читатели получат из публикуемого репортажа.

ДЕНЬ НА ТАМОЖНЕ

Олег ШМЕЛЕВ, специальный корреспондент «Огонька»

Вейкко Ниеминен в двух проекциях.

ОБСТАНОВКА

Пересечение границы на Таллинском морском вокзале обставлено точно так же, как в международных аэропортах. Когда «оттуда» — сначала пограничный контроль, потом таможенный. Когда «туда» — порядок обратный. Пограничников интересуют паспорта и лица пассажиров. Таможенникам важна письменная (а при возникшей необходимости — и устная) декларация, чтобы перечисленные в ней предметы и деньги соответствовали тому, что имеется в наличности.

Как и в аэропортах, пассажир проходит сквозь вытянутый по вертикали обруч детектора на металл (между собой таможенники для краткости называют его шпагой), если у вас в кармане связка ключей, послышится тонкий свист.

Чемоданы и сумки ставятся на резиновую ленту транспортера, и он провозит их через тоннель рентгеновской установки — на телеэкране видно нутро просвечиваемой клади. Таможенники оснащены современнейшими техническими средствами для выявления всяческих подделок и обманов. Есть рентген, портативный минископ, ручной детектор на металл и т. п.

Но обстановка на морском вокзале имеет одну важную особенность: тут прибывает одномоментно очень много пассажиров, скажем, восемьсот (за год их набирается 300 тысяч). Чтобы люди не испытывали раздражения, их надо пропустить как можно быстрее. Немыслимо заглядывать в каждый чемодан — никакого времени не хватит. А если учесть, что контрабандисты прибегают ко всяческим ухищрениям, положение таможенников кажется безвыходным. Как среди разноликой, пестрой толпы выделить того, кто жгуче желает как раз не быть выделенным? Ни самые сложные аппараты, ни новейшая поисковая техника в этом не помогут.

Вот подошла к барьеру изысканно одетая дама средних лет. С багажом у нее все в порядке. Она улыбается инспектору поверх букета, составленного из разных цветов, который держит в руках. Большой букет, пышный... Инспектор смотрит в декларацию. Зальма Кламне, гражданка Швейцарии... Почему она держит свой букет обеими руками и так осторожно, словно он стоит в хрупкой фарфоровой вазе?.. Зальма Кламне возвращается домой... Букет перевязан лентой по низу стеблей, прямо-таки забинтован... Зальма Кламне ничего для контроля предъявить не имеет... Но что с букетом? Похоже, он ей надоел... Ну, конечно, устала держать, лучше положить на чемодан...

Разбинтовали букет. В нем оказались советские деньги — пятьсот рублей.

Интересно, зачем они ей в Швейцарии? Мало ли... Может, некий некто, собираясь посетить Советский Союз, заказал привезти рубли в обмен на франки — не по официальному курсу, конечно.

Что заставило инспектора развязать букет? Объяснить это внятно и достоверно не сумеет никто. Вероятно, все дело в наблюдательности, интуиции, профессиональном чутье. Иначе нельзя понять, каким образом обнаружили, например, именно у гражданина Швеции Якоба Юдриса 10 тысяч шведских крон, спрятанных под картонным дном ничем не примечательной дорожной сумки, или почему инспектору пришла мысль как следует осмотреть брючный поясной ремень именно у гражданина Финляндии Кейо Ларьясто, а не у кого-то другого из нескольких сотен пассажиров, отбывших в тот вечер из Таллина в Хельсинки; в ремне было зашито золотое кольцо с бриллиантом и 700 финских марок... Но мы еще вернемся к этой теме, а сейчас отправимся на причал.

КЛЕВЕР НА СПИНЕ

«Георг Отс», белый пароход с синим поясом по борту и с красной шапкой-трубой, грациозно входит в Таллинский залив. Он, строго говоря, не пароход, но многие моряки называют все теплоходные и дизельные суда, кроме военных, именно так,— наверное, по старой привычке, с тех еще пор, когда надо было отличать винт от парусов. Достойно уважения, как точно и нежно швартует капитан свой пароход к причалу в тесной, словно ванная комната, гавани. От носа до вокзальных дверей каких-нибудь десять метров. Дамы, если пожелают, могут подкрасить губы, глядясь, как в зеркало, в стеклянную стену вокзала.

«Георг Отс» — паром, курсирующий по трассе Хельсинки — Таллин. Приход — 14.30, отход — 19.30. Он пересекает Балтийское море в его узкой горловой части всего за три с половиной часа. Все равно что москвичу съездить на электричке в Тулу или ленинградцу в Лугу.

На таможне не относятся к пассажирам парохода «Георг Отс» предвзято. Лишь внимательно и объективно. Быстро совершается процедура досмотра. Сегодня инцидентов нет. Туристы покидают вокзал. У выхода небольшая, но плотная толпа местных жителей. Это не праздные зеваки. Они встречают приехавших — кто родственников, кто знакомых. Многие туристы не новички в Таллине, обзавелись дружескими связями. Но большинство садится в длинные автобусы, ожидающие на площади...

Опустел зал, где стоит детектор-шпага. Дежурная смена ушла в административное здание таможни — оно рядом, напротив вокзала. Через полтора-два часа снова в зал. Пассажиры на отход явятся не все вдруг, обратный поток бывает не столь густ, поэтому можно работать немного поспокойнее. Это совсем не те пассажиры, что прошли через таможню три часа назад. Эти прибыли раньше, провели каждый по-своему несколько суток в древней столице Эстонии и теперь возвращаются домой, многие налегке, без тяжелых чемоданов.

...Перед старшим инспектором Г. Комаровым остановился пожилой мужчина интеллигентной наружности, в очках с толстыми стеклами.

Удивительный все-таки прибор — очки, особенно если с большой диоптрией. Каждый знает, почему они позволяют глазам лучше видеть образы физического, вещественного мира, но ни один окулист не разъяснит научно, почему они, как и шляпа, часто служат главной характеристикой внешнего и даже внутреннего образа человека, их носящего. Когда-то в автобусе или трамвае можно было услышать: «А еще в очках!» И действительно, легко ли, скажем, представить себе грабителя-рецидивиста в очках со стеклами +7?

Сотрудники таможен свободны от предрассудков, связанных с очками. Поэтому старший инспектор Комаров смотрел на солидного пассажира со всем почтением, но не ослепляясь блеском стекол. Он заметил, что тот прячет глаза и чуть неспокоен. С чего бы? Багаж самый пустяковый — маленькая дорожная сумка. Что в ней провезешь запретного! И вообще на сумку ее владелец вовсе не реагирует. Отчего же он не спокоен? Лишние деньги?

Комаров попросил гражданина Финляндии Вейкко Ниеминена предъявить валюту. Рука, протянувшая портмоне, слегка дрожала.

Перелистывая финские марки, Комаров обнаружил среди бумажек кусок проявленной цветной фотопленки — три кадра. Не потребовалось долго их разглядывать, чтобы определить, что это негативы репродукций с какихто живописных полотен. Разглядывая, Комаров не забывал наблюдать за владельцем бумажника. Вейкко Ниеминен был сильно взволнован. Он задержал дыхание, как это происходит с женщинами на примерке у портнихи. Нет, в обморок он падать не собирался, но лоб его покрылся обильной испариной.

Пришли понятые, переводчик. Ниеминен не смог толком сказать, что изображено на негативах, и тогда ему предложили снять пиджак.

К рубахе на спине булавками был приколот белый мешок. В нем оказались три картины на холсте, писанные маслом и принадлежащие кисти не современных художников (позднее экспертиза оценила их в 3600 рублей).

На вопрос, где и у кого он взял эти картины, Ниеминен наотрез отказался отвечать. Не скрывая испуга, он заявил, что лучше отсидит в тюрьме.

Старший инспектор Комаров написал рапорт, тут же был составлен «Протокол задержания предметов контрабанды», и на основании статей 100 п. А и 103 Таможенного кодекса СССР картины конфисковали.

Гражданин Финляндии Вейкко Ниеминен, 1923 года рождения, пенсионер, в конце концов был отпущен с миром и уехал к себе в город Салнокангас. Он, безусловно, достоин сурового порицания и всяческого осуждения. Ведь дело можно поставить и так: человек, пытающийся нелегально вывезти из страны культурные и исторические ценности, вывозу категорически не подлежащие, наносит вред добрососедским отношениям двух государств. Но у пенсионера Вейкко Ниеминена все же имеется смягчающее вину обстоятельство. Какое? Это мы узнаем несколько ниже, а здесь необходимо сказать о других разновидностях контрабанды.

Подавляющее большинство краткосрочных туристов, без сомнения, глубоко порядочные люди, но рядом с ними сходят на берег пассажиры совсем иного сорта, приезжающие не для того, чтобы послушать оперу и побродить по улочкам старой части Таллина. Что это за люди и почему таможенникам очень трудно их выявлять, мы узнаем опять-таки несколько ниже. Гораздо важнее обратить внимание на тех, кто приезжает не ради наживы, а, так сказать, с идейными целями и кто никакого снисхождения заслуживать не может, хотя отделывается испугом даже более легким, чем испытал пенсионер Ниеминен. Вот краткий сухой перечень:

подданный Швеции Патрик Химтгрен пытался ввезти 16 экземпляров антисоветских материалов, поместив их в обложки брошюр «Известий Академии наук ЭССР» издательства «Валгус»;

гражданин Финляндии Пало Ярмо в коробках из-под печенья без видимых нарушений фабричной упаковки хотел провезти порнографию в количестве 21 экземпляра;

гражданин Финляндии Валье Саволайнен пытался ввезти 4 видеокассеты с фильмами антисоветского содержания;

у гражданина Швеции Энно Каара конфисковано 11 компакт-кассет с записями антисоветского содержания.

Это малая часть, лишь для примера. В прошлом году Таллинская таможня конфисковала более 3000 различных подрывных материалов, а их число на всех таможнях страны составило более 400 тысяч.

Курьеры подрывных организаций везут свой подлый товар в банках с кондитерскими изделиями, в специальных поясах, приклеенными лейкопластырем на ногах и животе, уменьшенными до миниатюрных размеров. Все это производит впечатление массированного идеологического нашествия. И выливается не все, что провозится тайно.

А Вейкко Ниеминен — что ж? Его противозаконное деяние, пресеченное в решающий момент, выглядит на этом фоне не самым зловещим образом. Контрабанда же спекулятивная — общий враг советских и финских таможенников, она наносит материальный урон обоим государствам.

9 ноября 1985 года финская газета «Хельсингин саномат» писала в статье под заголовком «БЕЗРАБОТНЫЕ — ПОСЫЛЬНЫМИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»:

«Таможня разоблачила обширную контрабандную организацию. Товар доставлялся в туристских автобусах прежде всего на ярмарку в Ленинград. На финской стороне деятельность направлялась из Пори.

В связи с этой историей задержаны семь человек.

Поставщики товаров вербовали в качестве «мулов» в групповые поездки главным образом безработных... Денег доставлено хозяевам в сумме один миллион финских марок, то есть их прибыль составила примерно сто процентов.

Общие исследования Сайманского, Кюмисского и Сатакуннаского таможенных округов показывают, что организуемая из Пори деятельность началась и продолжается с 1982 года. «Наиболее активной она была в прошлом году»,— сказал заместитель начальника Сайманского таможенного округа Рейно Рясянен.

Так называемая уличная торговля обычных туристов в Советском Союзе сформировалась почти в искусство. В багаже и в числе личных вещей везут колготки, джинсы, кроссовки и другой товар, который затем продается за хорошую цену, например, в Ленинграде и Таллине. Таможне это известно, но зацепиться очень трудно.

«Для собственного пользования и частично также в качестве подарков можно провозить товаров из расчета тысяча марок на человека»,— говорит Рясянен.

«Очень трудно зацепиться, если данное лицо заявляет, что вся одежда, которую оно везет в

багаже, для собственного пользования,— говорит заместитель начальника Кюмиского таможенного округа Осси Вуоринен.— Это можно сделать только тогда, когда он возвращается назад без вещей».

Положение становится незаконным, если лицо приобретает товар для продажи или продает свои вещи, не заявляя об этом таможне. Но турист делает простое устное заявление, и получается так, что весь товар отечественного производства и его меньше, чем на тысячу марок.

БЕЗ ДЕНЕГ ЗА ГРАНИЦУ — богатым обратно. «Импортные товары в принципе нельзя вывозить для продажи»,— говорит Рясянен.

Для полного разоблачения только что выявленной организации потребуется года два. «Мы намерены обратить внимание на общность, объединяющую некоторых путешественников, и на их частые поездки,— говорит Вуоринен.— Одна общность состоит в том, что безработные путешественники пересекали границу в Ваалимаа без гроша, а возвращались с толстой пачкой финских денег»...

Помимо Ваалимаа, товар вывозился через Вайниккола, Нуйямаа и аэропорт Хельсинки.

К порической организации причастны около пятидесяти человек. Большая их часть — безработные, которым «хозяин» оплачивал поездку, организовывал получение на месте прибытия ста рублей и часто оплачивал один вечер в ресторане.

«Хозяин» начинял одежду своих «мулов» предназначенными для продажи носильными вещами, часами, радиоприемниками, запчастями для автомашин и многим другим, имеющим спрос.

Изделия были в основном дешевыми, электронные часы закупались большими партиями у импортеров.

Стоимость товаров очень редко превышала тысячу марок на каждого за один раз. «О них никогда не заявляли в таможне, и они не были отечественными, в связи с чем дело будет разбираться позже на сессии суда в Виролахти»,— говорит Рясянен.

Он считает, что по крайней мере одна легковая машина, перевозившая часы, задержана на советской стороне.

ПОЛОВИНА АВТОБУСНОГО ГРУЗА — «МУЛЫ». Перемещение товаров маленькими партиями к местным посредникам, по мнению «мулов», так заманчиво и прибыльно, что некоторые успели сделать до ста поездок, пока не были задержаны.

«Это означает одну поездку в неделю на протяжении двух лет»,— замечает Вуоринен.

Туристский автобус мог быть наполовину заполнен безденежными курьерами. Иные из них, совершив несколько поездок в качестве «мулов», сами становились «хозяевами».

Разоблачение таможней организованного перемещения товаров, по мнению Рясянена, является первым делом подобного типа.

По мнению Вуоринена, это не означает, что порическая организация — единственная в своем роде».

Итак, пенсионер Вейкко Ниеминен — всего лишь курьер, «мул», разве что более щепетильной специализации, к тому же потерпевший неудачу. И не испортят добрососедских отношений разные «мулы». Ниеминен «работал» не на себя. На кого? Неизвестно. Но в Таллине помнят дело преступной группы контрабандистов и спекулянтов валютой, действовавшей под руководством некоего А. Перинаускаса.

Этот Перинаускас, ныне авантюрист международного класса, начинал с мелкой фарцовки, был дважды судим, а отбыв наказание, женился на иностранке и, оставив родителей, с их благословения и с разрешения властей в конце 70-х годов уехал за границу. Брак этот был фиктивным — Перинаускас взял в жены иностранку единственно для того, чтобы перебраться за границу, он, как говорится, пошел «в зятья», в женин дом. Он заплатил за это своей временной жене приличные деньги. А разведясь, женился на другой — тоже не навсегда.

Работать Перинаускас, естественно, не намеревался. Доступ на родину ему не был закрыт, и, пользуясь этим, он постепенно наладил контрабандные операции с драгоценными металлами и валютой, а затем сколотил группу, орудовавшую в Таллине и Ленинграде. Из Хельсинки Перинаускас присылал советские деньги или золото. Один раз в посылке было несколько сотен золотых цепочек, которые продавались в Таллине и Ленинграде по цене от 120 до 170 рублей за штуку. Ленинградские участники группы скупали на вырученные деньги картины, среди которых были принадлежащие кисти Сурикова, Левитана, Айвазовского, Шишкина, Рериха. Таллинская группа переправляла их за море... Много они успели вывезти, прежде чем их арестовали. А Перинаускас, опасаясь разоблачения, переехал в другую страну, где попросил политического убежища. Еще до этого Президиум Верховного Совета СССР лишил его советского гражданства.

Каково там насчет политики, судить не беремся, а пока Перинаускас предлагает свои услуги, как сообщается в выпущенном им рекламном проспекте, по «организации выезда из СССР через брак с иностранцем» и по «оказанию юридической помощи, в частности по организации развода». Цена — шесть тысяч долларов. Желающие находятся и в Европе, и за океаном. Другой вопрос — довольна ли клиентура.

История же Вейкко Ниеминена навевает грустную мысль, что на смену одному Перинаускасу приходят другие, и они еще не скоро переведутся на земле...

А различные Вейкко будут вечными их «мулами»...

Есть у этой истории и другой оттенок, относящийся как к искусствоведению, так и к области нравов. Одна из трех конфискованных картин размером 50×40 см изображает сидящую в кресле женщину, освещенную солнцем. На обороте надпись: «Сѣров 93». Тот, кто купил ее и вручил Вейкко Ниеминену для вывоза за границу, без сомнения, был уверен в ее высокой ценности. Группа экспертов ленинградского Государственного Русского музея дала заключение: «Исследуемое произведение не имеет никакого отношения к творчеству В. А. Серова... Музейного значения произведение не имеет». Проще сказать, это подделка. Подпольные дельцы при всяком удобном случае надувают друг друга, что всегда было в порядке вещей.

Остается прояснить сюрреалистически вычурное название этой главы. Автор просит у читателей прощения за умышленную игру слов. Речь не о всем знакомой кормовой сельскохозяйственной культуре. Дело в том, что одну из картин, снятых со спины Вейкко Ниеминена, написал известный русский художник Юлий Юльевич Клевер, живший в 1850—1924 годах. Изображает она зимний пейзаж на закате. Размер 23,5×36,6 см.

ТАЙНИК

Одна из важнейших сторон таможенной работы — контроль прибывающих и отходящих в загранплавание судов. Главное, чтобы состав и количество грузов соответствовали документам. Тут бывают и нарушения, и недоразумения — таможенный контроль обязан их исправлять. Если учесть, что за последние годы внешнеторговые связи сильно расширились и разнообразие партнеров увеличилось, а физические возможности контроля оставались неизменными, легко понять, что таможенники испытывали трудности. Опыт, как известно, просто так не дается. Добывается он в постоянном напряжении сил.

В прежние времена, когда не было контейнерных перевозок, дело обстояло проще. Товар грузили, так сказать, россыпью, поштучно — его нетрудно пересчитать. С появлением контейнеров все осложнилось: в них можно заложить «лишний» груз. Когда его обнаруживают, трудно установить, кому он предназначался.

И с индивидуальной контрабандой происходит нечто подобное. У таможенников есть даже специальное понятие — «бесхозяйная» (или бесхозная).

На борту судна вместе с проверкой грузов и документов производится общий досмотр. И вот на траулере «Ботнический залив» находят четыре стереомагнитолы, семь видеокассет, а на теплоходе «Максим Литвинов» — двое джинсовых брюк, кофе, косметику. Чьи это вещи, кто спрятал? В протоколе пишут: «Владелец не установлен».

«Безхозяйная» контрабанда глубоко беспокоит таможенников. Она рождает чувство безнаказанности, а это развращающе действует на молодые моряцкие души.

Подобные происшествия не украшают морское братство, но честные моряки предпочитают смотреть на них открытыми глазами, чтобы никогда не повторилось то, о чем писала многотиражка «Моряк Эстонии».

...Есть такое понятие — девиация. На флоте она означает отклонение стрелки компаса от магнитного меридиана, а происходит от находящихся рядом намагниченных тел, например, от корпуса судна. Когда девиация накапливается и становится помехой для прокладки курса, судно выводят в море недалеко от порта, и девиацию устраняют.

Сухогрузный теплоход, на котором ходил вторым помощником И. Бруновский, однажды, когда все было уже готово к очередному дальнему рейсу, вывели на устранение девиации.

Операция эта давно и четко отработана, ничего в ней сложного и неожиданного не встречается. Но тут произошло нечто загадочное, как у Л. Соболева в морских рассказах. Один из навигационных приборов вел себя более чем странно.

Стали искать причину и нашли в этом приборе вот что: четыре ордена Отечественной войны, три ордена Красной Звезды, орден Славы, медали и знаки отличия, две панагии, 2300 рублей и 7635 финских марок. А вскоре установили, что положили все это в ящик прибора И. Бруновский и его подручный.

Язык не поворачивается описывать подробности и выводить какую-то мораль. Человек, отец которого участвовал в войне, вез на продажу за границу боевые ордена. Чем его проймешь?

Здесь надо говорить о другом. Это был не первый рейс Бруновского с контрабандой. У второго помощника нашлась возможность оборудовать на борту капитальный тайник-склад. Следствие установило, что однажды были привезены сто пятьдесят автомобильных стереомагнитофонов с колонками, а стоили они по 250 рублей за комплект. Ему даже не составило особого труда провезти на палубе под видом запчастей два исправных легковых автомобиля. Понятно, что при таком размахе нельзя действовать в одиночку. У Бруновского были и соучастники, и немые помощники на борту и на берегу. Кто-то соблазнился его примером, кого-то он соблазнил деньгами. Именно в этом главное зло, сотворенное контрабандистом, совершавшим свои преступления на виду у команды. Именно тлетворное влияние подобного примера больше всего тревожит и заботит таможню. Суд постановил взыскать с Бруновского в возмещение ущерба, нанесенного государству, 130 тысяч рублей. Чем возместишь моральный урон?

Случай с Бруновским не может бросить тень на все славное мужественное племя моряков. Таможенникам лучше других известно, что стяжатели в море долго не держатся. Таможенникам хотелось бы везде и всегда бороться против контрабанды вместе с моряками. Если глядеть в корень, они служат общему делу.

НОВЫЙ ПОРТ

В двадцати с небольшим километрах от центра города в пустынном некогда углу залива высится богатырский торс элеватора, протянувший вниз от плеча на причал, к самому урезу воды, длинный желтый рукав транспортера. Огромная плоская площадь — сплошная стройка. Уже стоят неподалеку от элеватора щеголеватые здания складов-холодильников. Крутятся исполинские груши бетономешалок.

Не верится, что все это пространство, называемое Новоталлинским портом, насыпное, что здесь недавно было море, кусочек которого оставлен на память за полотном шоссе. Говорят, вода в этом озерце уже стала пресной, там водятся дикие утки. Не верится и в то, что уже в конце года сюда смогут входить океанские суда. Однако работа спорится.

Вдали видно здание, где должна будет разместиться Новоталлинская таможня, а пока она ютится в дощатом одноэтажном домике. Здесь все временное, в том числе и вывеска на темно-зеленой стенке домика, составленная из пористого белого пенопласта.

Но люди пришли сюда навсегда, поэтому бивуачный уклад ощущается лишь во внешней среде, а служба налажена со стационарной, если можно так выразиться, основательностью.

В том, что Новоталлинская таможня занимается не только оформлением пропуска грузов, потребных для строительства порта, я убедился, едва сел за стол перед ее начальником Валерием Гавриловичем Драгановым.

В маленький кабинет вошла белокурая женщина лет тридцати с очень добрым лицом и за

нею молодой высокий мужчина. Лицо у женщины было и смущенное, и одновременно как будто расстроенное. Поздоровались по-русски, потом женщина говорила по-фински, а молодой человек переводил.

Марья Ристикартано — представительница фирмы «Группа Портал», одного из подрядчиков на строительстве порта. Она пришла в таможню за содействием. А суть дела такова.

Другая финская фирма, «Перусюхтюма», строит пергаментный завод в далекой от Таллина Калужской области. Она испытывает острую нехватку некоторых материалов, каких фирма «Группа Портал» имеет в достатке. Из Калуги обратились в Таллин с просьбой срочно отправить искомое. Казалось бы, чего же проще? Обе фирмы финские, товары тоже. Но не все так просто, как представляется здравому смыслу.

Вопрос упирался в то обстоятельство, что у этих фирм два разных заказчика. Юридически фирмы не могут по своей прямой договоренности пересылать друг другу материалы. В контрактах с иностранными подрядчиками специально оговорено: передача имущества одной фирмы другой, если они находятся в пределах СССР, может производиться лишь «по согласованию с советским заказчиком». Вероятно, оговорка преследует вполне благую цель — чтобы не возникло неразберихи и хаоса.

Заказчики фирм «Группа Портал» и «Перусюхтюма» — подразделения одного министерства и оба находятся в Москве. Марье Ристикартано предстояло пройти обычный путь: обратиться к своему заказчику, тот согласует с заказчиком другой фирмы, а потом она получит разрешение отправить срочный груз, который ждут в Калужской области. Правда, он к тому времени уже не будет срочным. Потому Ристикартано и обратилась в таможню: нельзя ли все это ускорить?

Валерий Гаврилович отнесся к ее затруднениям с пониманием и сочувствием. Сняв трубку с телефона, набрал московский номер: он звонил своему непосредственному начальнику.

— Алло! Это Новоталлинская. Я вот по какому вопросу...— Он коротко изложил дело и в конце сказал: — Мы можем взять это на себя... Да, за таможенным обеспечением.

Вопрос был решен в три минуты.

Термин «за таможенным обеспечением» заключает в себе действия, одинаково полезные и для заказчиков, и для подрядчиков. Это значит, что таможенники берут груз под свой контроль. В Калуге есть таможенный пост. Новоталлинская таможня передаст груз туда, что называется, с рук на руки. Пока автомашины пробегут это расстояние, можно согласовать, разрешить и оформить что угодно. Главное, время не теряется даром и нет взаимных неудовольствий.

Этот эпизод, незначительный на посторонний взгляд, по-человечески убедительно показал, как воплощаются таможенниками в дело те слова из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которые цитируются выше, в интервью.

...Мы выходим из домика таможни. Напротив стоит такой же небольшой домик. К нему шагает с овчаркой на поводке рослый широкоплечий человек в спецовке.

— Сторож?— спрашиваю я, имея в виду человека.

— Рабочий. Финн,— говорит Драганов.

— А собачка зачем?

— Тут есть что сторожить.

— Собачку с собой привезли?

— Да.

Когда окинешь взглядом обширную территорию порта, хочется спросить: если сейчас, во время строительства, у подрядчиков есть что сторожить, то сколько же тут будет добра, когда начнут приходить из дальних плаваний суда с грузами? Тут нужна очень хорошая ограда.

— Без этого нельзя. У нас ведь, знаете, техническая укрепленность, то есть все, что обеспечивает сохранность социалистической собственности, часто не принимается во внимание, даже при проектировании. Но мы надеемся, что здесь об этом позаботятся.

бережливость

К. КОСТИН

ПЛЮШЕВЫЙ РЕВЕРАНС

КАК ЭКОНОМИТЬ ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, ДОМАШНИЕ ПРИПАСЫ?

Никаких новаций я не предлагаю. Вспомните: Онегин шкафы отворил; В одном нашел тетрадь расхода... Расход-приход. Домашняя экономика. Прежде она подразумевалась как нечто безусловное. Один из первых российских экономистов, Иван Посошков, еще когда дал добрые советы... А в прошлом веке в ходу была «Книга записей расчетливой хозяйки». Куда что истратили, каков прибыток? Всякий управляющий — магазином ли, домом-усадьбой — учился прежде всего вести «домовые книги». Расход-приход... Были специальные «тетради расходов», толково, кстати, составленные. Купить их (или заказать) можно было в книжной лавке или у торговца канцелярским товаром.

Захожу в сегодняшний московский канцелярский магазин, в самый респектабельный, он принадлежит фирме «Восход».

— Деловые ежедневники? — переспрашивает продавец-консультант. И показывает хилый, с ненадежным спиральным креплением еженедельник «Восход», записную книжку студента (хорошо!), книжку молодой матери (отлично!). Но мне бы Деловой блокнот Домашней хозяйки. На меня смотрят снисходительно.

— Копейки подсчитывать?..

— Без копейки не бывает рубля,— говорю я скорее себе, чем очень молоденькой и такой щедрой продавщице, но обсуждать с ней проблему делового блокнота охота отпадает.

...Поэт Алексей Капитонович Гастев был категоричен, когда дело касалось организации труда, расходования времени: и на фабрике-заводе, и дома. «Учитывать время — значит дольше жить». Гастев советовал, убеждал, настаивал, требовал с присущим той поре максимализмом: экономьте время! Центральный институт труда, в котором А. Гастев и директорствовал, и вел большую научную работу, выдвинул «установку на время». А так как в ту пору никто не отделял слово от дела, Гастев разработал карточку времени, «хронокарту», как ее называли. Она была проста, но сэкономила, как было подсчитано, несколько миллионов часов. Карту эту нетрудно было сделать самому, но можно было и приобрести в магазине, так как несильная тогдашняя промышленность тут же подхватила рациональную идею и приступила к выпуску небольших, из дешевой бумаги собранных «хроноблокнотов».

«Если ты имеешь ключ времени, ты — вооруженный инженер своей жизни»,— доказывал Гастев и раскрывал простейшую методику ведения записей, «показывающую», на что израсходован «данный час, полчаса».

Смотрю на переживший годы образец и дивлюсь — не таланту Гастева, нет; я понимаю, в наше время даже А. К. Гастеву не удалось бы так скоро организовать производство своих «хроноблокнотов». Не сдвинул бы он с места ни конструкторов, ни производственников. По двум причинам: карты были очень дешевы, а нынешняя бумажно-беловая промышленность норовит все так «усовершенствовать», чтобы было подороже. И второе: сейчас отошли от полезной простоты в сторону усложненности — знай, дескать, наших. И третья есть причина: ценя время, Гастев не рискнул бы тратить его на хождения и согласования.

...Знакомлюсь с тем, что дает промышленность, убеждаюсь: убог выбор! Несколько неудобных, не рассчитанных на делового человека записных книжек-алфавитов. Какими они были десять и двадцать лет тому, такими и остались. Только стали лакированными, обложки теперь делают из негнущейся, твердой, очень скоро ломающейся или лопающейся пластмассы. К тому же в обложку вмонтирована какая-нибудь картинка (надо же цену нагонять!), поверху прикатанная прозрачной пленкой. Она, эта картиночка, и стала главной, а то, что под ней, вроде бы никого не волнует. Не случайно за последние годы начался переток из делового в «изячное». Все меньше обычных блокнотов — канцелярского, рабочего назначения. Все больше — сувенирных. Их и распределяет-то теперь между магазинами сувенирная база.

Даже явно деловой (его идея и разработка, к слову, предложена журналистами, а не конструкторами бумажно-беловой промышленности) еженедельник «Журналист» проходит по галантерейному ведомству. Чтобы магазинам заказать такой еженедельник, надо ходатайствовать перед той же сувенирной оптовой базой. Зачем и почему? Все просто. Никогда ни одно предприятие не смогло бы получить за, в общем, очень простой блокнот рубль, а то и больше. А если это сувенир, если есть на обложке портрет какой-нибудь эстрадной дивы или замызганный частым тиражированием пейзаж, что-то еще «художественное», тут лишний двугривенный (я говорю с полной ответственностью: лишний) легко сорвать.

И как венец всего этого — альбомы. Разного размера, разных фабрик, но все в обложках из плюша или из гардинного полотна. Наваждение? Плюшевый реверанс перед покупателем? Глазам не верю: производит их и объединение «Восход», авторитетная, солидная фирма... Сказал так и начал анализировать: откуда о ней столь лестное мнение? Да, тетрадей «Восход» выпускает много, хорошего качества. Делает несколько вариантов деловых еженедельников, однако ни об одном не скажу, что он лучше (или хотя бы на уровне) хороших зарубежных образцов. Давно уже мировые фирмы перешли на очень тонкую плотную бумагу, на различные сменные вкладыши, на то, чтобы ввести профессиональное деление продукции: блокнот для врача, для учителя, для модельера, для домашней хозяйки — у всех же разный ритм жизни, разные запросы и умения... А тут — плюш. И вспомним мнение хорошей поэтессы: Писать в сафьяне то же самое, что пахать в атласе — не дело, игра в дело, дилетантизм, безвкусие.

Несколько лет тому один из заместителей министра тогдашнего Министерства целлюлозно-бумажной промышленности подарил мне блок «Для заметок». Нелепое и неудобное сооруженьице. Поскольку его делал все тот же «Восход», я при случае показал тамошним конструкторам другой образец: ладный, практичный. «Наш лучше»,— был ответ.

Если сейчас традиционные бумажно-беловые предприятия, тот же столичный «Восход», ленинградский «Светоч», фабрики Риги и Таллина, Киева и Котласа не учтут ситуацию, они станут поставщиками вчерашнего товара, их изделия не будут раскупаться. Пора пересмотреть ассортимент деловых блокнотов.

Существуют — и не за дальними горами! — хорошие, рациональные конструкции. Популярный журнал «ЭКО» предложил «реформу записной книжки» и вслед за тем опубликовал не бесспорную, но все же интересную конструкцию, ее разработал заведующий отделом одного из райкомов Компартии Латвии. Говорят, есть современные образцы в объединении «Союзпромвнедрение». Весьма привлекательными разработками обладает Всесоюзная комиссия по НОТ в журналистике; ряд предложений сделал изобретатель, кандидат наук Г. Гецов. Можно, наконец, Министерству лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности и конкурс на деловой блокнот провести — это несложно.

Деловитость тоже нуждается в поддержке, в организационном подкреплении, в инструментальном обрамлении.

ПРОЗА ЖИЗН

Читатель уже успел взглянуть на эти лица — крестьян, рабочих — обыкновенных людей в обыденной, казалось бы, повседневности. В обыденной ли! Только что отгремела революция, откатились интервенты, утихла гражданская война. Молодая страна вставала на новый путь, и публикуемые фотографии запечатлели как бы исходный момент истории. Вот этим крестьянам в зипунах предстояло создать колхозы и возвести Днепрогэс, построить Магнитку. Но время это еще впереди, а пока... Двадцатые годы. Как мы жили тогда, какими были! Листая «Огонек» тех лет, встречаешь на его страницах имена людей, ставших впоследствии известными писателями, художниками. Реже вспоминают фоторепортеров. А среди них были те, которые по праву могут ныне считаться классиками советской журналистики, советской фотографии. По их снимкам-документам мы во многом воссоздаем образ прошлого. Сегодняшний наш рассказ — об одном из первых фотокорреспондентов «Огонька», Аркадии ШАЙХЕТЕ.

...ии—поэзия истории

«...Тогда Меньшов произвел такую вспышку магния, что задрожала земля и на сто километров вокруг залаяли собаки...»

Конечно же, «Золотой теленок»! Великий комбинатор и скромно мелькнувший в толпе действующих лиц фоторепортер Меньшов — пассажир с литерного поезда серии «ОВ». Это был Шайхет...

28 АПРЕЛЯ, В $8^1/_2$ ЧАС. УТРА, НА СТАНЦИИ АЙНА-БУЛАК УКЛАДЧИКИ ЮЖНОГО И СЕВЕРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЗАПОЛНИЛИ РЕЛЬСАМИ ПОСЛЕДНИЙ ПРОБЕЛ МЕЖДУ УКЛАДОЧНЫМИ ГОРОДКАМИ. ТРИ ГОДА НАЗАД МЕЖДУ НИМИ БЫЛО 1500 КИЛОМЕТРОВ ПУСТЫНЬ, СТЕПЕЙ, НЕПРОХОДИМЫХ ГОР И ПЕСКОВ... Такими словами сопровождал «Огонек» в мае 1930 года пространный очерк своего специального фотокорреспондента со строительства Турксиба. Среди многочисленных репортеров центральных и местных газет, журналов, радио были и «отцы» уже небезызвестного тогда Великого комбинатора и неизвестных еще сыновей лейтенанта Шмидта — Илья Ильф и Евгений Петров. Художественный домысел потребовал от авторов некоторого обобщения фигуры фоторепортера. И не исключено, что многие из тогдашних фотографов могли узнать в Меньшове — Шайхете и себя...

Шайхет родился в самом конце прошлого века — в 1898 году. Бедствующая семья, забота чуть не с детства о куске хлеба. Мальчишкой Аркадий стал учеником слесаря на заводе Марти. Чуть позже судьба случайно приводит его в фотографию. Буквально: мальчиком на подхвате в фотографическое ателье. Вот это жизнь! Можно часами смотреть на лица, мельтешащие перед солидным глазом ящика на треноге, видеть, как потом эти же лица вновь воскресают, словно из мира теней, в лабораторных кюветах. Обязанностей у Шайхета было множество: расставлять бутафорию, готовить растворы, даже принимать пальто у клиентов, но главное — ретушировать снимки. Важнейшая из работ! Из твоих рук фотографическая карточка, ухоженная и аккуратно обрезанная, наклеенная на паспарту с золотым вензелем, уйдет к клиенту, который увидит себя на ней помолодевшим на 10—15 лет... Так Аркадий приобщался к фотоделу, так вступал в жизнь.

А вскоре революция. Девятнадцатилетний Шайхет — боец Красной Армии, младший командир. Демобилизовавшись, Шайхет оседает в Москве. Работает сначала все так же ретушером. К началу двадцатых годов он уже репортер рабочей газеты «Копейка», а спустя еще несколько лет Шайхет становится фотографом только что возникшего, богато иллюстрированного по тем временам журнала, «имеющего полторы сотни кор-

ЛАМПОЧКА ИЛЬИЧА. 1926 г.

СТРАННИКИ. 1923 г.

респондентов во всех столицах мира», как сообщал о себе «Огонек», явно имея в виду не только своих штатных сотрудников.

— О Шайхете можно сказать: бурно вошел в фотографию. И был, пожалуй, самым ярким из первых советских фоторепортеров. Даже нетрудоспособность последнего десятилетия его жизни (сказался перенесенный в гражданскую войну тиф) не отразилась на его творчестве — оно вместило в себя и двадцатые, и тридцатые, и сороковые годы. Но нам сегодня наиболее ценны те далекие двадцатые. Стоит полистать подшивки более чем полувековой давности, чтобы увидеть, как емко, крупно, обильно, напористо, выпукло и еще... часто выступает в журнале новичок. И еще ...увлеченно. Его трудолюбие завидно. Дошедший до нас архив (в этом большая заслуга его сына Анатолия, архитектора по профессии и журналиста по духу и устремлениям, которого читатели «Известий» знают фельетонистом под псевдонимом Устин Малапагин) — это большая цепь разнообразных событий. Вот неполный перечень сюжетов лишь нескольких месяцев 1928 года:

Довольно кухонного чада и гнета грязного белья.

Как же так, гражданин фининспектор! — обычная сценка «объяснений» частника с фининспектором.

Советский станок вытесняет заграничные! На новоткацкой фабрике Глуховской мануфактуры устанавливают 1100 автоматических станков: 600 французских и 500 советских. Общее настроение не в пользу французских станков.

Деревня сегодня. 1. Радиолюбитель на селе устанавливает радиоантенну. 2. Крестьянин ладит борону. 3. Сельскохозяйственные машины отправляют в деревню. 4. Удобрение поля навозом.

Старое и новое. Весенний фотомомент.

Под обложкой, изображающей писателя с рабкорами, подпись: «Этот символический и волнующий снимок нашего сотрудника А. Шайхета, несомненно, станет одним из ценных художественных памятников в истории советской литературы и культурной жизни. Редакция «Огонька» в ближайшем будущем выпустит снимок тов. Шайхета в красочном художественном издании для украшения рабкоровских кружков, редакций советских газет и клубов».

Для Шайхета не было запретных тем, не было нефотогеничных сюжетов. В области фоторепортажа не случалось заданий, которые бы-

ПЕРВЫЕ МАШИНЫ ГОРЬКОВСКОГО АВТОЗАВОДА. 1930 г.

ли бы ему не под силу или встречались бы им с неохотой. **Я ЖИВУ НЕДАЛЕКО.** Очерк Ник. Погодина, фото А. Шайхета. Это о тех женщинах в модных котиковых шубках, что, фланируя возле Пассажа, шепнут вам эту фразу на ухо как пароль... К каждой теме у него был свой ключ, в каждой теме был виден Шайхет.

Выдумщик. «Помню, у Шайхета была обложка,— вспоминал много лет назад ныне покойный огоньковец Олег Борисович Кнорринг.— Мыши грызут чертежи. Речь шла о невнимании к рационализаторским предложениям в каком-то институте. Пришел Аркадий. Спросил, не может ли он ознакомиться с этими документами. Его проводили, показали, оставили работать. А в кармане он захватил коробочку с мышами. Вынул голодных мышей и посадил на чертежи...»

Но у мастера всегда было поразительное чувство меры. Выполненные внешне неброско, в одинаковой манере, снимки абсолютно не походят друг на друга. Из-под шелухи он умел вылущивать душу явления. Смотришь ли сегодня на «Странников», «На пашне» или «В город на заработки» — лица, позы, вся обстановка говорят за себя и без подписи. Настолько все весомо, делово и достоверно! Это то высшее мастерство, когда мимолетная проза жизни становится величайшей поэзией Истории. Чрезвычайно скромными средствами А. Шайхет достигает поразительной глубины.

Снимок, ставший для поколений советских людей едва ли не плакатом,— «Лампочка Ильича». Вероятно, нет людей, которые не видели бы этой фотографии, хотя многие могли и не знать имени автора. Чем объяснить широкую известность снимка? Может, электрификацию на селе никто другой не снимал? Едва ли... Со снимков Шайхета на нас смотрит жизнь двадцатых годов. Не совсем гладкая, не очень сытая. Жизнь, в которой неразрешенных проблем было не меньше, чем уверенности в завтрашнем дне, в которой «борьба с кухонным чадом» и выпуск первого отечественного автомобиля были задачами, стоящими рядом. И, может быть, потому, что репортер все это смог увидеть и верно оценить, судьба его фотографий и сложилась так счастливо. Аркадий Шайхет приветствовал новое, он провожал уходящее прошлое, он стал выразителем своего времени и сумел сохранить его для истории, для нас...

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

РАЗГОВОР, КОТОРЫЙ ТАК

— Евгений Дмитриевич, все эти годы в центральной прессе идут острые дискуссии, что нужно и чего не нужно нашей эстраде. В них участвуют слушатели, композиторы, исполнители, музыковеды... И главными бедами, как явствует из публикаций, а также из нашей огоньковской почты, является подавляющее обилие плохих песен. Нетребовательность к себе композиторов и поэтов; нехватка ярких исполнителей, и это на обезличенном фоне огромного количества разнокалиберных вокально-инструментальных ансамблей... Об этом говорили и мы с вами. Вы по-прежнему придерживаетесь того же мнения?

— Что ж, эти проблемы — увы! — продолжают успешно существовать, так сказать, стабильно и широко, без малейшей тенденции к каким-либо переменам в лучшую сторону, несмотря на то, что говорим мы об этом теперь чуть ли не на каждом перекрестке... Да и в самом деле, чего копья ломать! Ведь на словах все согласны, все давным-давно за перестройку (здесь имею в виду «отрасль» легкой музыки), но на деле воз и ныне там. Боюсь, что наш сегодняшний с вами разговор также ничего не изменит. И все-таки говорить надо!

На мой взгляд, эстрадная музыка никогда прежде не была «легкой» для композитора-профессионала, а сейчас — вдруг! — стала очень легкой и всем очень доступной. И вот возникла еще одна серьезная проблема — музыкой стали заниматься почему-то все. Что имею в виду? А вот что: сейчас происходит подмена профессионального искусства самодеятельным. В последнее время мы потеряли, скажем так, единицу измерения, что такое композитор. Тот, кто имеет диплом с профессией «композитор», или тот, чьи песни поют с эстрады, не задумываясь, как они туда попали? Ведь в искусстве появилось много деятелей, называющих себя композиторами, но имеющих к музыке весьма отдаленное отношение.

Да, можно любить стихи, музыку, даже писать и то, и другое. Раньше, помнится, было альбомное искусство, существовали для этого альбомы, сейчас — клубы самодеятельной песни. Так сказать, для камерной аудитории. Но есть новоиспеченные «музыканты», которые не удовлетворяются домашним музицированием, а непременно желают поделиться своими мелодическими откровениями с многомиллионной аудиторией. И вот человек с приличным музыкальным слухом — зачастую не более того, он и нот-то не знает! — начинает настойчиво штурмовать пороги ТВ, радио, фирмы «Мелодия»... И самое удивительное то, что ему это удается! Да как! Его сочинения выпускаются огромными тиражами, лицо постоянно мелькает на телеэкране, голос его звучит в эфире...

За примерами далеко ходить не надо. Как, объясните мне, каким образом, откуда проник на ТВ, например, Михаил Муромов?! «Композитор» без какого-либо музыкального образования, а значит, музыкальной культуры. Пусть у него есть какие-то способности, но, товарищи музыкальные редакторы, композитор — это не просто дарование, это еще и *профессия*, которой люди отдают и весь свой талант, и все свои знания... И уж если так невмоготу, очень хочется редактору, учитывая нынешнее увлечение самодеятельной песней, выпустить кого-то на телеэкран — пожалуйста! Но дайте рубрику «Художественная самодеятельность». Есть же передача «Народное творчество»— занимай хоть весь эфир...

Фото В. КИСЕЛЕВА

С молдавским композитором Евгением Догой читатели «Огонька» уже встречались. В интервью «Разговор в перерыве между музыкальными программами» (№ 18, 1980 г.) композитор подробно ответил на читательские вопросы, касающиеся проблем современной эстрады. За прошедшее время Е. Дога стал народным артистом Молдавии, лауреатом Государственной премии СССР, во второй раз избран депутатом Верховного Совета республики. Им написаны такие крупные сочинения, как балет «Лучафэрул», кантата «Белая радуга», симфоническая «Праздничная увертюра», Третий струнный квартет... И это не считая песенной музыки, произведений для кино и театра, для детей. Словом, шесть лет многое изменили в жизни композитора и, как видим, не в худшую сторону. Ну, а каково положение дел в эстрадной музыке, о которой шла речь в нашем интервью! Произошли какие-либо изменения, на взгляд композитора!.. С этим и другими вопросами наш корреспондент обратился к Евгению ДОГЕ.

Каждый должен делать свое дело. Самодеятельность — это духовное развитие народа. В свободное от работы время люди занимаются художественным творчеством. Чтобы самовыразить себя, а не для того, чтобы воспитывать других. А мы приравниваем самодеятельность к другой миссии...

У нас появилась уже укоренившаяся практика: самодеятельные ВИА ездят по городам и весям с низкопробными концертными программами — у них свои названия, громкие афиши,— да еще берут деньги со слушателей. От профессиональных коллективов они отличаются тем, что бесконтрольны, им никто не указ: ездят где хотят, поют что хотят. Как правило, это собственные сочинения да перепевы шлягеров, часто далеко не самых лучших.

И вот, как мне кажется, результат: недавно в одном из наших молдавских сел буквально освистали прекрасный фольклорный коллектив, приехавший на гастроли, так как публика желала только что-нибудь из репертуара эстрадных звезд... Неудивительно, она же и не знает ничего другого. Откуда?

Между тем есть слушатели, их еще много (я часто получаю письма от них), которым давно приелись, надоели бодрячковые однотипные попевки, коими потчуют эти «мальчиковые» ансамбли. Душа истосковалась по мелодии, по лирике, по большому смыслу.

— Евгений Дмитриевич, будь я вашим оппонентом, то сказала бы, тем более что не раз читала подобное в печати: сегодня у каждой возрастной группы есть своя музыка. И то, что вы критикуете,— это молодежная эстрада, у которой свои ритмы, интонации, приемы. Исходя из этого — свои любимцы и кумиры. Разве не сама молодежь их выбирает для себя? А ТВ, радио и «Мелодия» идут ей навстречу. Не так ли?

— Знаю-знаю, я думал и об этом. Ну, начнем с того, что у молодежи выбор небольшой. Давно известно: она «выбирает» то, что ей предлагают ТВ и радио. А предлагается нередко не самый лучший «товар». Все, значит, зависит от вкусов того или иного музыкального редактора. Тут можно было бы долго говорить о редакторах, о степени их подготовленности, культуре и т. п. Но не хочу отвлекаться.

НИЧЕГО И НЕ ИЗМЕНИТ?..

Итак, «молодежная музыка», «молодежный телевизионный канал», «молодежный отдых»... А меня, например, очень настораживает чрезмерное увлечение молодежностью, чуть ли не молодежной культурой, стремление средств массовой информации как-то обособить молодежь от старшего и среднего поколений. Как же тогда молодой человек станет взрослым? Не сам же по себе он им становится, а используя опыт предыдущих поколений. И вот представим себе, что вырастает человек, который знает только дискотеки, который смотрит только «специальный» ТВ-канал, а не программу «Время», «Сельский час» или «Сегодня в мире»; который посещает только для него снятые фильмы, только для него составленные концерты. Может, кому-то захочется завтра и специальные тротуары для молодежи настелить?.. Истинная культура не имеет возраста. Только всем поколениям вместе, рядом можно почувствовать пульс прошлого, ритм настоящего, призыв будущего... Что же касается непосредственно музыки, то давно мудрецами сказано: она *универсальный* язык человечества...

Конечно, у молодых свои ритмы, свои танцы, но я уже в первом нашем с вами интервью говорил об этом и могу повторить сейчас: есть моменты в человеческой жизни, когда «бытовая» музыка, как ее называют, нужна. Как нужна любая вещь в обиходе. Но она не может подменить искусство, не может стать объектом искусства. Да, в танце доминирует ритм, это разрядка и одновременно зарядка, но когда ритм и побрякивание электроинструментов мне предлагаются в течение двух часов в концертном зале, и притом непрофессионального сочинения, когда он звучит в подавляющих количествах на радио (теперь ленятся записывать большие оркестры — гораздо проще записать ВИА) и начинает уже совсем подменять музыку большого смысла, философского, психологического заряда — и такую, между прочим, можно писать для эстрады!— тогда я против.

— Есть еще одно объяснение нынешней ситуации: она возникла из-за нехватки профессиональных эстрадных композиторов. Ведь в консерваториях в большинстве своем не уделяется внимание работе над песенной формой, так же как недостаточно привлекается внимание будущих композиторов к эстрадным жанрам, их технике и стилистике... Очевидно, поэтому позиции захватывают авторы-самоучки, нередко использующие в своих сочинениях крикливые внешние черты зарубежной коммерческой эстрады. И все это под маркой «удовлетворения запросов» массового слушателя...

— Я не вижу необходимости в создании специальных кафедр эстрады в консерваториях. Профессионализм — он один. Разве могут быть одни правила грамматики для фельетонов, а другие — специально для романов? Существует единая музыкальная культура, ее надо освоить, а уж потом творческое начало тебе подскажет, в каком из жанров ты сможешь лучше выразить себя. Надо учиться композиции как таковой, учиться писать музыку всех жанров, так как она стала сейчас сложной, происходит взаимопроникновение жанров. Сам я, например, нередко в свои серьезные сочинения — балет, опера ли, симфония — переношу некоторые приемы легкой музыки, и оттого «серьезная» становится динамичнее, современнее, понятнее слушателю. И наоборот. Но все это надо знать и уметь! Обидно, когда талантливый человек пишет хорошую мелодию, но подает ее совершенно беспомощно. Музыкально безграмотный человек не может писать качественно.

Говоря о таланте, надо иметь в виду профессию. Говоря о профессии, иметь в виду талант.

Что же касается «удовлетворения запросов» слушателя, то я, в свою очередь, задам вопрос: разве мы все время должны только лишь удовлетворять запросы публики? А может, не всегда стоит идти у нее на поводу? Должна же быть своя политика в культуре! И еще. Может быть, спорная мысль. Так ли уж нам необходим «массовый охват» искусством? Сегодня слушатели, на мой взгляд, благодаря такому вот «охвату» вообще перестали интересоваться музыкой. Она стала фоном, или ковром, вернее, даже половой тряпкой! Назойливые ритмы, пустые песенные тексты... Подростки ходят по улицам в наушниках, помимо концертных залов, музыка звучит в поездах, самолетах, в домах отдыха... Не все же нуждаются в ней в таком объеме. Как же! У нас это называется «культурное обслуживание»...

Откуда вообще взялось это слово —«обслуживание»? Мы должны воспитывать, а не обслуживать. А для того, чтобы искусство впитывалось и могло возыметь какое-то действие, в людях должна быть жажда его, а не перенасыщение. Вспомните, как раньше мы ждали открытия театральных сезонов или концертов какого-либо музыканта... А теперь? Музыка из праздника превратилась в нечто обыденное, перестала не то что очаровывать, потрясать, но вообще быть заметной.

— В нашей беседе вы часто упоминали телевидение, значит, считаете, что оно играет главную роль в формировании вкусов и потребностей рядовых слушателей... Очевидно, не все работники ТВ в полной мере осознают, что сам факт просто появления на домашнем экране того или иного певца, музыканта, ВИА уже заставляет зрителя отнестись к нему с повышенным вниманием и интересом.

— Наша аудитория доверчива и доброжелательна. Тем более что она отнюдь не избалована новыми лицами в эстрадных шоу — как отечественных, так и зарубежных. А уж что касается последних, ТВ не жалеет самого удобного для их показа времени по первой программе — поздний вечер, канун выходных... Но это еще не беда. Беда в том, что программы, которые выбираются, как правило, далеко не самые качественные. Так, последний итальянский фестиваль песни в Сан-Ремо, показанный очень подробно, был просто плохой (помните, это когда итальянские певцы, наконец, запели без фонограммы, «живыми» голосами). Кстати, об Италии. Я недавно вернулся оттуда с интереснейшего совещания по проблемам музыки и средств массовой информации. Крупнейшие западные специалисты — социологи, историки, кинокритики, музыковеды — высказывали свои суждения, мысли и наблюдения...

Так вот, слушал и ушам своим не верил: ну почти как у нас! Засилье «самодеятельщины», оттого усредненно плохой уровень музыки, девяносто процентов песен под синтезаторы, компьютеры... Почти исчезла из передач ТВ симфоническая и лирическая музыка — ведь частные телекомпании захватывают все большее число зрителей рекламой и новомодными ритмами, прибегая к «композиторским» услугам дельцов. Именно дельцов от музыки, прикрывающихся нередко знаменитыми исполнителями... Ну, тут все ясно, это бизнес, надо заколачивать деньги, но почему мы-то следуем этим законам?! А когда хотим очень понравиться публике, то, надо не надо, жонглируем иностранными словами «рок», «диско», «брейк» и т. п.; в музыке копируем западные шлягеры, поем с английским акцентом... У некоторых исполнителей вовсе исчезло святое чувство своего, родного... А без этого жить нельзя.

— Вы написали музыку уже почти к ста фильмам. Из последних вспоминаются «Валентин и Валентина», а также «Танцплощадка», где ваши песни великолепно исполняет Лариса Долина... Музыка, песни из кинолент сейчас стали очень популярны, часто звучат на ТВ и по радио. Можно ли ваше давнее, плодотворное сотрудничество с кинематографистами объяснить еще и тем, что вас вполне устраивает обстановка, сложившаяся в киномузыкальном «цехе»?

— Кино для меня всегда было отдушиной. Для кино надо уметь писать быстро и хорошо! Тут я постоянно пробую себя в самых разных жанрах, встречаюсь со стихами самых для себя неожиданных поэтов. Воспринимаю свое сотрудничество с кино как большую композиторскую школу.

Что же касается «обстановки», то меня, как многих моих коллег, беспокоит проникновение «самоучек» и в кинематограф. Происходит это по двум причинам: некомпетентность в музыке режиссеров, которых, я считаю, давно пора приобщать во ВГИКе к музыкальной культуре, ведь роль музыки в кино стала очень велика. И другая причина: как правило, режиссер желает диктовать свои требования композитору и, идя по пути наименьшего сопротивления, ищет такого, который скажет: «Чего изволите?» И находит непрофессионала, который, вместо того чтобы на равных участвовать вместе со всеми в создании картины, с готовностью становится в зависимость от режиссера. Вот и появляются пошловатые песенки и «фоновая», невыразительная музыка, которые портят вкусы зрителя. А в кино-то преимущественно ходят молодые — студенты, школьники, учащиеся ПТУ...

— Евгений Дмитриевич, мы постоянно и говорим, и пишем, и слышим: воспитывать зрителя, слушателя, формировать вкусы... Как вы сами это понимаете?

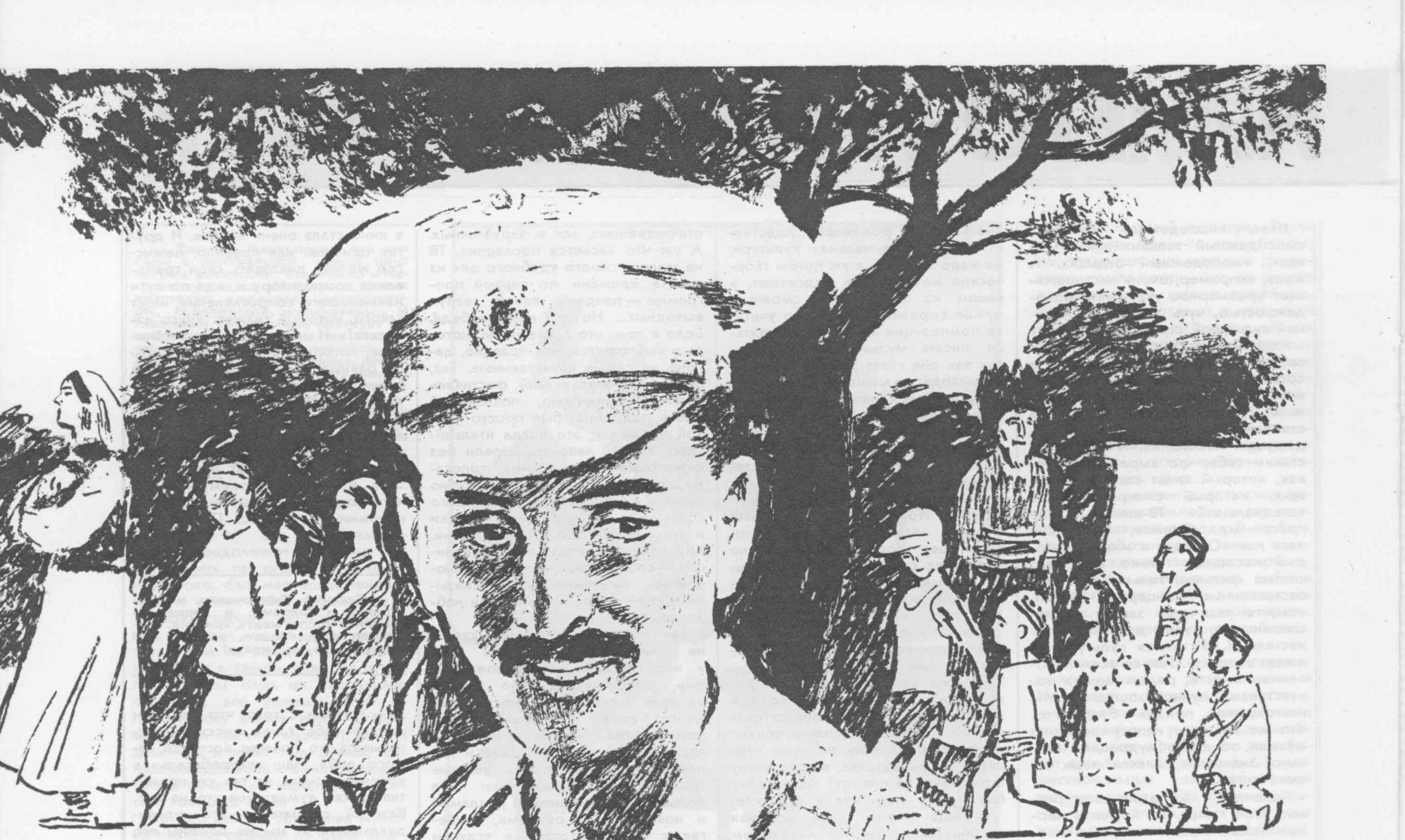
— Начнем с того, что уж коли выпала тебе такая миссия — воспитывать, то прежде воспитай самого себя. Наш «потребитель» в конечном счете не так уж примитивен, как думает кое-кто из нас. Каждый слушатель — это индивидуальность. И мы не должны его распределять по разным классам и группам — возрастным, профессиональным и так далее. Задача профессионального композитора «проста»— сесть и написать талантливо. Не надо, сидя за роялем, думать, что ты суперэстет и тонкая душа, а надо думать о тех, для кого пишешь. Думать о том, чтобы все написанное тобой легло слушателю на душу в нужный момент, чтобы он мог бы и радоваться, и печалиться, задуматься, даже решить какие-то жизненные проблемы...

И пусть люди слушают не только Чайковского, Шопена, но и Дунаевского, и Биттлзов... На здоровье! Если это искусство несет красоту и помогает жить, почему мы должны говорить, что это плохо? Не жанры виноваты! Когда я ругаю нашу массовую культуру, я имею в виду качество, а не жанры. Если какой-то жанр помогает человеку видеть и понимать красоту, совершенствовать себя как человека — это прекрасно. Мы должны приветствовать такого слушателя и такую музыку. Повторяю, не жанры виноваты, а отношение к ним.

В любом жанре должно быть заложено здоровое начало красоты и добра, искренность. Любой должен нести в себе яркое, образное обобщение жизни, максимальную концентрацию человеческих страстей.

...Ну, вот и поговорили. Что называется, душу отвел. Но никакими полумерами на местах, в тех или иных филармониях либо на республиканских радио и телевидении, невозможно исправить общее положение дел. И этот разговор может стать бесконечным...

Беседу вела Н. АЛЕКСЕЕВА.



Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Бывший журналист-международник Ростислав Знаменский, проштрафившись за границей, оказался в Ашхабаде в должности переводчика. Здесь он подружился с бывшим старшим следователем по особо важным делам Аширом Атаевым, которого оклеветали торговцы наркотиками. Уволенный с работы, Атаев продолжает расследование. Он организует Знаменскому поездку по отдаленным районам Туркмении, где друзья Ашира Атаева должны передать Ростиславу сведения о маковых полях.

Во время короткой остановки в Небит-Даге один из тех, кто связан с торговцами наркотиками, пытается что-нибудь выведать у Знаменского о порученном ему задании.

Дорога в город была дорогой через сад, где рощи миндалевых и фисташковых деревьев сменяли аккуратные ряды виноградников, а потом шли высокие стволы ореховых деревьев, с зелеными, еще на себя не похожими грецкими орехами, за ними — яблоневые сады, но везде вперемежку стояли гранатовые невысокие, круглокронные деревья, тоже пока не с красными, а с розоватыми плодами. Вдали начинались горные гряды, вблизи то появлялась, то исчезала речка, шурша водой по каменистому, обмелевшему руслу. И небо тут было не пустым, не казалось яростным зевом раскаленной печи, а бежали по нему легкие облака, похожие на многоголовую отару.

— Вот это для туристов местечко! — сказал Самохин и грустно огляделся.— Рай...

Быстро промелькнули одноэтажные дома городка, загороженные ветвями, а потому загадочные, мелькнули и два-три дома из стекла и бетона, которых деревья не могли загородить,— эти дома показались тут голыми, не к месту, случайно забредшими. Машина — а они ехали на вездеходе и еще один вездеход их сопровождал, что говорило не столько об уважении к приехавшим, сколько о повседневности забот этого райского уголка, столь близко отстоящего от государственной границы,— машина их въехала в ворота, открывшиеся, покатившиеся на колесиках, и очутилась в квадрате двора, где все было четко расставлено. Справа стояло большое сливовое дерево, слева пяток старых яблонь, очень ухоженных, белоствольных, а прямо, позади круглой клумбы с российскими анютиными глазками, вытянулся белый одноэтажный дом с веселенькими занавесочками на окнах.

— Дом для почетных гостей,— сказал усатый летчик.— Имеется душ, в комнатах работают вентиляторы, сторож или его жена приготовят вам чай, кипяток тут круглосуточно, в столовой вам накрыт стол, а вам,— он гля-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—47.

нул на Самохина,— подготовлен чал. Отдыхайте. Через два часа я заеду за вами, покажу наши достопримечательности, а потом повезу во Дворец культуры. Соберется городской актив. Ждем от вас, товарищ Самохин, рассказа о перспективах нашего края, желательно, чтобы вы и о международном положении нам рассказали, поскольку ваш опыт Чрезвычайного и Полномочного Посланника для нас будет очень интересен.— Летчик, произнося звание Самохина, с большой буквы обозначил каждое слово, уважительно и строго глядя на старика. Говорил летчик очень чисто по-русски, но жил в его русском акценте, свой распев был, который отличался от акцента Мереда, мягче, легче текли слова, пусть даже официальные и казенные.

— Вы не туркмен? — спросил Самохин.

— Азербайджанец, товарищ посланник.

— Да не зовите меня посланником,— слабо запротестовал Самохин, легонько отмахнувшись рукой, будто отмахивался от былого, но не очень настойчиво, поскольку жизнь-то у него была в прошлом, а не в нынешнем дне.— Кстати, о международном положении мог бы лучше меня поведать мой спутник Ростислав Юрьевич Знаменский. Он международник по профессии.

— Да, да...— Летчик коротко глянул на Знаменского и отвел глаза.— Мы ждем вашего доклада, товарищ Самохин.— Он козырнул, легко выпрыгнув из машины, и снова козырнул, когда Самохин ступил на землю. Этот почет был адресован только ему, Знаменского летчик просто не замечал.

— Меред,— сказал летчик.— Я поехал, хозяйничай. Но помни заповедь аллаха!

— Угощающий, дорогой, да разделит трапезу с гостем! — живо отозвался Меред.— Ты про это? Пусть посланник и докладчик пьют свой чал, а мы, презренные, можем и нарушить одну из сур корана. Кто с нас взыщет, с презреннейших? Кстати, Ибрагим Мехти оглы Мамедов! Смотрю, большим ты начальником стал! Официальным стал!

Летчик чуть усмехнулся диковатыми, зоркими глазами, вскочил в машину, по-военному указал протянутой рукой маршрут. Машина рванулась, развернулась, выскочила за ворота. Вездеход сопровождения — следом. И ворота покатились на колесиках, смыкая железные створы.

22

Неведомо, какие у этого городка были достопримечательности, а вот семья сторожа при доме для почетных гостей была достопримечательной. Она состояла из главы семьи, пожилого туркмена, громаднорукого и очень уж подсушенного солнцем, его супруги, в отличие от мужа тучноватой, но с молодым и даже пригожим лицом, которое эта женщина не прятала ни за платком и ни за локтем, потому что ей было некогда заниматься игрой в прятки, блюсти обычай — у нее было до дюжины ребятишек, погодков, самым старшим из которых было, видимо, лет по четырнадцать-тринадцать, а самый младший еще покоился на материнских руках. Вот эти ребятишки и являлись достопримечательностью. Они как раз отправились с матерью по каким-то делам в город. Все, весь выводок. Мать шла впереди, плавная, горделивая, по-балетному ставя ноги в мягких чувяках, будто чуть-чуть она пританцовывала, и самый маленький спал у нее на руках, покачивая черной головкой в такт материнским шагам. Пройдя через калитку, она пошла по узкой дорожке и даже ни разу не оглянулась. Знаменский, которому не отдыхалось, давно уже бродил за воротами, хмурый и оскорбленный, обиженный, хотя вполне можно было понять маленького летчика, если учесть, что тут, на границе, все, кому следовало, о нем уже все знали. Ясное дело, трудно было предположить, что его попросят выступить перед местным активом. Спасибо, что вообще пустили сюда, в приграничный город. Все так, но обида не рассуждает, она гложет душу. И Знаменский, покинув Самохина, подсевшего к своему чалу, и Мереда, который принялся было его уверять, что этот Ибрагим Мехти оглы — славный парень и что не следует на него обижаться, вышел за железные ворота, побрел по улочке, без цели, отгоняя мысли, не замечая жары. И вот ступила за ворота эта мать-героиня. Да, на бархатном фиолетовом жилете, который она надела поверх красного до пят платья, среди обычных украшений туркменки, множества всяких бляшек и кругляшек из серебра, еще посверкивала золотом звездочка материнского геройства. Вышла на улицу мать, и потянулись следом ее ребятишки.

На них-то и загляделся Знаменский. Нельзя было не заглядеться. Один за другим, вытянувшись в цепочку, шли дети. Старший вел младшего, младший еще более младшего, и так по нисходящей, до замыкающего, который едва поспевал, года два ему было, но все же не отставал, подтягиваемый ведомым, которому было года три, а его подтягивала девочка лет четырех. В том-то и была суть всего этого шествия братьев и сестер, что они помогали друг другу и каждый отвечал за младшего, у каждого был свой подопечный. И так по нисходящей. За последним медленно выступала большая собака неведомой породы, рыжая и хмурая. Страж! А мать ни разу не оглянулась. Она плыла, легко, по-балетному переступая, хоть и тучновата была, гордо шла и ни разу не оглянулась, веря своим ребятам, доверя каждому каждого.

Знаменский смотрел на это шествие и оттаивал. Обмелела в нем обида. И вдруг сказал вслух:

— Все правильно... Все правильно...

Вскоре подкатил на могучем вездеходе маленький летчик с большими усами и повез их удивлять.

Сперва он привез их к берегу горной речки, которая из последних сил добывала и подносила воду этой долине; и все, что росло тут, пышно, ярко и плодоносно,— все было обязано речке, ее неустанности, высокому чувству служения. Она казалась живым существом — так напрягалась, пробивалась через преграды из камней, так вдруг радостно принималась звенеть своими ручейками, упорными, живыми.

— Сумбар! — уважительно произнес летчик.— Ее на карте не всегда найдешь. Но эта река — настоящий друг. Я, когда падаю духом, хожу к ней, стою вот тут, на берегу. Нет ничего выше друга.

— А ты, оказывается, иногда падаешь духом? — спросил Меред.

— Слушай, куда судьба загнала? Это не моя земля, это твоя земля. Почему, скажи, я должен учить людей летать в этом небе?

— Плохо тебе здесь? Асом стал. Усы отрастил.

— Слушай, кому тут нужны мои усы? Ваши женщины смотрят на таких круглолицых, курносых и безусых, как ты. Что за вкус?! Но женщины — странный народ.

— О вкусах не спорят, дорогой,— сказал Меред.— Ты в стране иомудов. Да, мы курносые. Но ты зря завидуешь мне. Я тоже иногда хочу постоять на берегу этой речки.

Друзья шутили, лукавые их глазки посмеивались, но рядом жила река, в трудной, упорной, непрерывной пребывая работе, высились горы, иные, чем в Ашхабаде, потому что действительно были рядом, а те, там, были далекими и лишь казались близкими, и рядом, вокруг, обступая, стояли деревья из рая, гранатовые, миндалевые, фисташковые, и где-то по соседней улице шли сейчас, растянувшись вереницей, взявшись за руки, двенадцать ребятишек, и впереди шла мать, а позади — собака-сторож. И все это было столь серьезно, величественно и извечно, что и в шутливых словах двух приятелей чудилась Знаменскому какая-то притчевая значительность, хотя дело, наверное, было не в словах, не в людях, не в мире окрест, а в нем самом, в той короткой и строгой мысли, которая пронзила его: «Все правильно... Все правильно...»

Следующей достопримечательностью, куда летчик привез их, была опытная станция Всесоюзного института растениеводства. Еще в машине летчик начал читать лекцию, важничая и топорща усы.

— Этой станции больше пятидесяти лет,— сообщил он.— Основана русской женщиной. Художницей, представьте. Приехала на этюды сюда и осталась. И поменяла судьбу. Замечательная, изумительная женщина. Я упросил ее, она вас примет.

— Почему же надо было упрашивать? — обиделся Самохин. Был он молчалив и сосредоточен, видно, загодя готовился к своему выступлению перед активом города. И на реке, и в машине по пути на станцию он то и дело вскидывал голову, чему-то величественно улыбался, руки вдруг разводил. Наверняка уже толкал свою речь, пока безмолвную, репетировал.

— Она у нас очень занятой человек,— сказал Меред.— И не очень одобрительно встречает всякие делегации, особенно туристов. Но простим ее, она вырастила более шестисот сортов опытного, сортового винограда. Под ее руководством тут ведется громадная работа по отбору, акклиматизации и селекции новых субтропических культур.

— Ты будешь говорить или я? — Теперь обиделся маленький летчик.

— Я буду говорить, дорогой Ибрагим Мехти оглы,— сказал Меред, вытянутой ладонью отстраняя возражения.— Это моя земля!

— Но я над ней летаю. Я ближе к аллаху!

— А я здесь родился. И, когда служил в армии, охранял ее.

— Главным образом, полагаю, на гауптвахте.

— Угадал. Туркмены, дорогой, плохие солдаты, но они хорошие воины. Так вот... Здесь создана коллекция плодовых растений, насчитывающая сотни сортов винограда, слив, абрикосов, алычи, яблонь, груш, вишен, черешен...— Меред прервал рассказ, ибо надо было ему сглотнуть слюну, так вкусно он рассказывал.— Мы это все попробуем, друзья! Да... И здесь выращиваются субтропические плодовые культуры, только на этой земле, и учтите, на туркменской земле. Перечисли эти культуры, Ибрагим Мехти оглы, разрешаю.

— Что, слюна мешает говорить? Хорошо, я выручу тебя. Это инжир, гранат, маслины, хурма, фисташки, миндаль, финики, да, да, финики! Что еще? А, грецкий орех, который падает с дерева прямо вам на голову.

— И часто раскалывается от этого прикосновения,— сказал Меред.— И падает на ладонь уже в раскрытом виде. Ешь — не хочу!

— Но далеко не всякая голова умеет раскалывать грецкий орех,— сказал маленький летчик.— Тут нужна круглая голова, с короткой стрижкой.

— Намекаешь, дорогой?

— Намекаю, дорогой.

Ехали-ехали, в какие-то неказистые ворота въехали и вдруг очутились в тенистой аллее, нет, на дороге в лесу, но только лес этот был из могучих ореховых деревьев, в ветвях которых висели в зеленых еще пока чехлах орехи. Машина сворачивала, и за каждым поворотом открывались глазам все новые уголки сказочного леса — миндалевого, фисташкового, яблоневого, алычового...

Но вот машина остановилась. Дальше пошли пешком в неоглядные ряды и дали виноградников. Целые улицы виноградных лоз. Многоцветные улицы, а были и одноцветные. Одна улица фиолетовая, другая — зеленая в желтизну, третья — розовая, четвертая — почти красная. А на маленькой строго круглой площадке, куда сходились многие из этих улиц и где стояла водоразборная колонка, истекавшая тонкой струей, их ждал обыкновенный дощатый стол, на котором слились гроздьями все сорта, все цвета виноградные и над которым прозрачной синевой подернулся воздух, мускатным пронизанный ароматом. И еще был тут стол, где горками высились миндаль, фисташки и орехи из прошлогоднего урожая. Возле этих столов, на брезентовом раскладном стульчике, сидела старая, грузная женщина в кофте навыпуск, в стародавней, из былого, панаме, с вычернившимся от старости янтарным ожерельем на морщинистой шее, с морщинистыми, уставшими руками, покоящимися на коленях. Сюда бы кустик крыжовника, сюда бы ей за спину вишенки, заборчик из старых досок, заросший малиной, сюда бы одну-единственную хотя бы старую березу с их дачного участка, и поверил бы Знаменский, что его мать тут сидит, кинулся бы к ней, уверовав в чудо, что вот очутилась здесь. Он и шагнул к этой женщине порывисто. Она подняла на него усталые, умные глаза. Всмотрелась, покивала ему.

— Вы очень похожи на мою мать,— сказал Знаменский, склоняясь, целуя ей руку, тяжелую рабочую руку садовника.

— Мне рассказывали о тебе,— сказала старая женщина совсем негромко, чтобы он только услышал.— Не горюй. Я тоже была несчастлива, когда очутилась на этой земле. Неприкаянной была. Этюдики? Что этюдики?! Все мы что-то там такое изначальное рисуем в жизни. Но рисует-то жизнь...— Она поднялась.— Ну, что ж, друзья, добро пожаловать в туркменские субтропики. Вот они у нас какие... Пошли, покажу вам совсем новые сорта, кара-калинские, одному я уж и имя, кажется, нашла: «Этюд»...— И пошла, трудно, но и привычно ступая по взрыхленной, бугристой земле между виноградными шпалерами.

Знаменский не пошел вместе со всеми, остался тут, чтобы побыть одному. Снова пришли к нему эти слова, эта пронзительная мысль, как боль, вырвавшаяся вслух. Он и сейчас их произнес вслух:

— Все правильно... Все правильно...

А потом был серпентарий, знаменитый на весь Советский Союз змеепитомник, про который и в «Правде» писали, и по телевидению его показывали. Знаменский вспомнил передачу «В мире животных», бывая в Москве, он старался не пропускать эту передачу, ему симпатичны были ведущие ее люди, влюбленные в своих зверей и зверушек, а он-то знал, что искренность не наиграешь по телевизору, обличительные на лганье были свойства у этого всеквартирного ящика. Так-то оно так, но он-то, выступая, был искренен, ему говорили, что он располагал к себе, внушал доверие, а он вот где очутился со своей искренностью.

Прославленный глава змеепитомника, смелоликий, явно ковбойского облика, если судить по вестернам, русый, с проседью, мужчина лет сорока, был откровенно не рад очередным визитерам. Похоже, наскучила ему эта слава, как наскучивает она герою бесконечного сериала, которому и по улице уже нельзя пройти неузнанному. Он был томен, загадочен, молчалив и даже слегка грубоват, счастливо не ведая, что один к одному подражает киногероям, что суровость его не от природы.

Ну, показал он свое хозяйство, вольеры, в которых сейчас змей не было, они сейчас в пустыне пребывали, в естественном, так сказать, своем регионе. Их там осенью и отловят опять, вернут в неволю, «доить» начнут, выкачивая из-под зубов крошечные капельки яда, целительного, но и смертельного, смотря как им распорядиться. Словом, некая ферма, где и дойка, и выпас, и отгон, и пригон стада. Ну, рассказал, что стадо-то отлавливать всякий раз надо со страхом в сердце, не простое это дело, потери каждый год случаются, то одного, то двух змееловов, бесстрашных парней, между прочим, терять приходится, но привыкли они тут, такая работа, так что вот и все о себе, граждане ротозеи. Да, а еще показал пяток змей, трех гюрз и двух кобр, которые еще оставались в питомнике. Под занавес был продемонстрирован коронный здесь номер. Он вынес в руках громадную кобру, близко к себе неся, вровень были их головы, его, прославленного смельчака, и кобры, прославленной убийцы. Тут полагалось всем ротозеям-визитерам ужаснуться, шарахнуться и проникнуться почтительным уважением к такому бесстрашию. Но на сей раз вышла осечка с этим номером. Знаменский знал, много раз в своих поездках по Востоку наблюдая подобные сценки, что кобра не ударит, если не раздуты ее щеки, что эта змея страшна, но прямодушна, что ли, и она предупреждает своих врагов — мол, «иду на вы»— раздутием щек. Он подошел к змеелову, горделиво несущему кобру, встал рядом, убедившись, что кобра не зла, не раздувается, встал совсем рядом, лицом еще ближе придвинувшись к кобре, чем сам прославленный змеелов. Рисковал, конечно. Но он любил риск. Он сейчас себя вспомнил недавнего, озорство в нем взыграло. Противен он был себе, притихший. Сейчас он себе хоть на миг, да понравился. И радостно стало от этих испуганных возгласов и Самохина, и Мереда, даже и самолюбивого усатого летчика. Он демонстрировал себя, чуть сверх меры подзадержавшись лицом к лицу с коброй, которая, похоже, начала просыпаться. Но змеелов лица не отводил, не отводил и Знаменский. Глаза в глаза встретились. Один все знал про змей, и змея была у него в руках, он чувствовал нарастающую дрожь ее тела; а другой почти ничего не знал про змей, на восточных базарах их наблюдал, ну, в таких же вот змеепитомниках, он не знал змей, вступал в зону серьезного риска, но ему и важно было побыть в этой зоне, где оживало в нем самоуважение, где он просыпаться начинал, как бы выбираясь из слишком затянувшегося кошмара. Глаза в глаза стояли эти двое, а между ними слабо покачивала прекрасной, грозной головой кобра, в миг один могущая убить. Первым опомнился змеелов. В конце концов это был для него всего лишь спектакль. Ну, нашелся человек, либо знающий змеиные повадки, либо просто глупый, пижон, так сказать, из тех, что лезут, не зная брода. Змеелов опомнился и даже подыграл Знаменскому, испуганно крутанув змеиное тело, ловко упрятав змею в холщовый мешок, который висел у него на поясе. Он все это продемонстрировал с мастерством фокусника, но делая испуганные глаза. Он даже одарил Знаменского восхищенной улыбкой, похвалив:

— Ну, парень! — Спросил тихонько: — Знаешь или сдуру? Укус кобры в лицо никакими препаратами не снять. Это смерть.

Знаменский отозвался ему такой своей, самой из самых улыбкой, так радостно ему сейчас было, мальчишески легко, что змеелов смягчился, позабыл про скуку и важность, по-мужски принял этого пижона в свой суровый мирок. Он сказал, как одарил:

— Поступай к нам, парень. Возьмем.

— Может, и поступлю,— сказал Знаменский.— Не исключено.

К ним осторожно приблизился Самохин.

— Что за номера, Ростислав Юрьевич? — недовольно спросил он.— Недоставало мне еще отвечать за укушенного зятя.

Отомстил старик! Напомнил! Трудно ему было стерпеть, что вот такое возможно молодечество в поверженном и униженном. Совсем не из худших старик, но трудно уступать лидерство, наблюдать, как кем-то при тебе восхищаются, кем-то, кто в явном подчинении у тебя, да еще и в опале. Старость охотнее привечает неудачливых из молодых. Старость любит пожалеть, недолюбливает азартных. Азарт — ведь это молодость, жизнестойкость, когда ни тебе нефрита, ни тебе цирроза и всяких там инфарктов миокарда.

Но и молодые, Меред и усатый маленький летчик, но и они отчего-то опечалились. Оттого, что увидели в этом поверженном своем сверстнике некий высшего уровня стиль? Позавидовали его безрассудству? Может быть, может быть... Смелость почти всегда сродни безрассудству, но потому и пленительна.

— Скажи, дорогой, ты знал, что к кобре можно подойти, когда она не надулась? — стал допытываться Меред.— Опыт был? Обучил Восток?

Знаменский молчал, улыбался.

— Опыт опытом, а и я струхнул,— сказал знаменитый змеелов, страшно довольный, что может поддержать этого парня, который, похоже, сильно досадил Мереду и летчику, здешним мужикам, многое знавшим про змей, но струхнувшим вот.— Интуиция у человека, я так думаю. Серьезно зову, переходи к нам. Много наперво не обещаю, а три куска за сезон возьмешь. И гуляй потом! Хоть в Сочи, хоть в Ялте! Змееловом быть — нужна смелость. Наш талант — смелость. А смелость от интуиции, я так думаю. Авиатор, я верно рассуждаю?

— Верно, но только отчасти,— сказал летчик.— Интуиция нужна, конечно. Обязательна! Но, как говорит наш начальник, информация — мать интуиции. Поехали, друзья! Интуиция, но прежде всего наручные часы мне подсказывают, что народ уже собрался во Дворце культуры, что вас уже ждут, товарищ Самохин!

Прощаясь, глаза в глаза снова встретились Знаменский и змеелов.

— Что, в черной полосе обретаешься? — спросил змеелов.

— Угадал,— сказал Знаменский. Этот змеелов ему начал нравиться, да он сейчас и не актерствовал, он сочувствовал.

— А то оставайся, от души говорю. Ну их!

— Не могу.

— Понял. Если что, приезжай. Анкеты у меня не заполняют, у нас в пески идут, с удочкой и мешочком холщовым. Простое дело. А?!

Они постояли, крепко тиская руки — у змеелова рука была в грубых, рваных шрамах,— покивали друг другу и расстались, довольные друг другом.

23

На посланника во Дворце культуры собрался весь город. Афиша громадная была вывешена у входа, перечислявшая все былые и нынешние ранги Самохина. У входа, когда подъехали, толпился народ, чтобы встретить важного и знаменитого гостя. Это были юные девушки, тюльпанами платьев расцветившие скучные ступени Дома культуры, вот только теперь, когда сошлись сюда эти девушки, ставшего напоминать дворец. Сюда приехали и пограничники, в черноту загоревшие, в своих забавных зеленых панамках, такие сильные и прочные парни, служившие на такой границе, где служба особенно трудна и строга. И они были взведенными, как боевые курки. Даже ухаживали они за девушками-тюльпанами както порывисто, дерзко. Взглядывали, все вмиг умея заметить, хотя девушки клонили под этими взглядами головки, укрывали согнутыми локтями лица. Так поступали тут и русские девушки, переняв обычай, который был обычаем и их прабабок, он им, нынешним, здесь пригодился. На этих из бетона ступенях древнее возрождалось кокетство, древняя же и повадка вернулась: молниеносно приглядывать себе невест, как это бывало на церковных папертях.

Важный Самохин проследовал во дворец, а Знаменский не пошел туда. Его и не позвали. Он остался в толпе молодых. Девушки украдкой посматривали на него, решая, молодой он еще или уже старый. Тот отсвет азарта, когда близко придвинулся к кобре, еще жил в его глазах, и девушки углядели этот блеск, решили, что он все же молодой еще. Он понял, что он им стал интересен. А зоркие, взведенные парни тоже свое про него поняли, прикинув на всякий случай, как его побыстрей скрутить и кинуть, если что. Кажется, и парни решили, что он все же сразу не даст себя скрутить и кинуть. Хорошо ему стало в этой молодой толпе. Здесь и воздух был особенный. Пахло чувственным ароматом молодости, откровенничающим о главном.

Но тут задребезжал звонок, совсем по-школьному, и парни и девушки, вчерашние ведь школьники и школьницы, кинулись в дом.

Знаменский остался один на площадке перед Дворцом культуры. Наскочил с гор ветерок, снес в сторону фисташковую шелуху и конфетные бумажки, отнял у него и этот воздух молодой. Одиноко стало. Обида вернулась. Томящая вернулась безысходность...

— Зачем здесь стоять? — На ступенях появился маленький усатый летчик. Он четко отщелкал каблуками по ступеням, он все делал четко, и встал перед Знаменским, вскинув голову, чтобы в глаза ему заглянуть.— Я тоже решил эту лекцию не слушать. И вашу бы не стал слушать. Почему? А потому, что я сам каждый день себе лекции читаю. Что такое наши мысли, наши размышления? Лекции! Только аудитория не очень большая. Ты говоришь, ты же и слушаешь. Ты задаешь вопрос, ты и отвечаешь. Ты объяснял и ничего не понял, ты слушал и тоже ничего не понял. Зачем нам здесь стоять и нюхать пыль? Пошли на Сумбар.— Он не стал ждать согласия Знаменского, твердо взял его под руку, повлек за собой, все вскидывая голову, чтобы видеть глаза очень уж рослого для него собеседника.— Обидел я вас? Зря обижаетесь на такую ерунду. У вас теперь строгая полоса. По трудной тропе идете. Что ни миг, возможен камнепад. Один проскочил, другой проскочил, третий впереди. Тут уж не до комариных укусов, их просто не замечаешь. Все лицо в кровяных насосах, а ты этого не замечаешь, ты на скалы смотришь, на камушки проклятые, не шевельнулся ли какой.

— Очередная лекция? — спросил Знаменский.— Только теперь уж на аудиторию?

— Согласен, говорю, как лекцию читаю. Не умеем мы разговаривать. На поучения все нас тянет. Прости, дорогой.

— Вы кем здесь?

— Так... Вертолетчик... «Орлята учатся летать...» А я учу...

— И я вам интересен? Ползающий?..

— И вертолетчики, бывает, падают, и тогда... А вот и Сумбар! Слышите, какой воздух?!

П. Корин. 1892—1967.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. 1942.

Центральная часть триптиха.

Государственная Третьяковская галерея

Т. Салахов. Род. 1928. ЖЕНЩИНЫ АПШЕРОНА. 1967. Государственная Третьяковская галерея

Палитра эры Октября

— И воздух слышу, и тишину учуял.

— Верно, тут тихо, хотя тут шумно, река с камнями разговаривает. Все притираются друг к другу. Век за веком. А что им век — воде и камням? Мгновение! Это мы на земле кратковременные.

— Мотыльки еще кратковременней.

— Да, им еще хуже. Но у них, наверное, другое летосчисление. Час идет за десятилетие. Как знать, возможно, им повеселей живется, а? Вы женаты, Ростислав Юрьевич?

— Да.

— А я все собираюсь.— Летчик извлек из заднего кармана брюк бумажник, раскрыл его, показывая Знаменскому фотографию очень милой, глазастой — а она еще и подвела глаза — девушки, бережно укрытую целлофаном.— Нравится?

— Красивая.

— Именно! Боюсь красивых. Не очень им доверяю.

— Что за проблема? Некрасивых куда больше.

— А некрасивая мне не нужна. Прямо какой-то Гамлет перед вами, поверите. А годы идут.— Летчик все еще держал перед Знаменским свой пухлый бумажник, любовался хорошеньким личиком, даря эту радость и собеседнику. Любуясь и даже чуть-чуть губами причмокивая, он проговорил как бы между прочим: — Между прочим, маленькая у меня просьба к вам...— Летчик закинул голову, всмотрелся в Знаменского, даже на цыпочки привстал, чтобы ближе поглядеть ему в глаза.— Вот это письмо...— Он достал из бумажника конверт.— Прошу вас передать это письмо Аширу Атаеву.

Сумбар шумел, притерлась река к камням. И век назад тут так было и три века назад. И кто-то кому-то тут когда-то передавал письмо...

— Почему вы решили, что я знаю какого-то Ашира Атаева? — спросил Знаменский, вдруг почувствовав страшную усталость, плечи, ноги заломило от усталости, и грозным стал шум на реке.

— Я не решил, я знаю.— Летчик так и стоял с раскрытым бумажником, но смотрел не на фотографию смазливой девушки, а на Знаменского смотрел, вскинув голову.

— Откуда сии сведения? — Знаменский глаз не отводил, но ему это разглядывание летчика было в тягость.— И зачем я вам, учителю орлят?

— Не доверяешь? Это хорошо.— Летчик захлопнул бумажник, но письмо зажал между пальцами, письмо вслед за бумажником не спрятал.— Хорошо, что не доверяешь. Тогда послушай еще одну мою лекцию... Каждый день, все время читаю лекции, хотя и ненавижу это занятие. Итак, тема лекции...— Он снова взял Знаменского под руку, подвел поближе к воде, к шуму речному, он оглянулся разок-другой, сделав это по-звериному как-то, когда глаза оглядываются будто, а затылок неподвижен.— О наркотиках будет моя лекция, уважаемый...

— Про мак, может быть, про плантации мака? — спросил Знаменский.— Но его в этих местах сеяли и три века назад.

— В этих местах не сеяли, тут не та роза ветров. Мак — очень капризное растение, если разводить его не для пирогов, а для извлечения из него опиума.— Летчик снова оглянулся, застыв затылком.

— Я, поверьте, не наркоман, Ибрагим Мехти оглы.

— Я тоже. Ашир, между прочим, раза два попробовал. Он любит до всего дойти сам. Отличный парень. Я учился у него самбо.

— Вот и поговорим о самбо. Я тоже, между прочим, занимался самбо.

— Так, как он? Не думаю. У вас сильные руки, но это руки игрока в теннис. У самбиста железные руки. Вы потрогайте мои. Потрогайте, потрогайте.— Летчик вскинул руку, а Знаменский сжал ее пальцами, чтобы отвязаться. Действительно, рука у маленького летчика была как из железа, пальцы ушиблись.

— Да, натренировались,— сказал он.— Учителю орлят и нужно.

— Тут вы правы. Но речь не обо мне. Речь о следователе Ашире Атаевиче Атаеве. Ему сейчас нужны факты, сокрушительные факты. Иначе без них могут подловить, перехватить руку, швырнуть на ковер. Это в спорте, а в жизни... Пример — сам Ашир Атаев. Он поторопился, он начал действовать без должной подготовки. Обстоятельства вынудили? Да, конечно. Но кинули его, ударили о землю. Спасибо, что живым остался. И вот теперь, травмированный, он начинает группироваться для нового броска. Может быть, единственного броска. Либо — либо! Факты! Ему нужны факты! Прошу вас, отвезите ему это письмо.

— Лучше бы было поручить это Самохину,— сказал Знаменский.— Он отыскал бы вашего Ашира Атаева, ему это легче сделать, чем мне. Атаев в Ашхабаде живет, как я понимаю?

— А, очень все понимаешь! Молодец! Хорошо вас учили, оказывается, в вашем привилегированном институте. Молодцы! Ну, ладно, пойдем дальше... Что может знать про мак, про этот скромный мак какой-то тоже скромный вертолетчик, если тем более в этих местах мак не произрастает?

— Ничего! — сказал Знаменский.

— Все!— мотнул головой маленький летчик.— Почти все! Конечно, в масштабе моих погон. Но мои погоны, еще чьи-то, еще и еще чьи-то — и уложим этими погонами всю карту. И кое-где, совсем кое-где, да и отыщется крошечное поле мака, чтобы можно было его обозначить на карте. Где погоны, где чья-то ладонь, где только палец один, но мы обшарим всю карту. Всю! А подробная карта — это факт, это даже сокрушительный факт. Ему нужна подробная картина, нашему Аширу.

— Вы себе противоречите, Ибрагим Мехти оглы. Вы же сами сказали, что здесь у вас мак не высевают.

— Но у меня есть средства связи, уважаемый Ростислав Юрьевич. Современнейшие средства связи. Туда полетел, сюда полетел, здесь очутился, там оказался. Многого я не могу, я только пара погон на этой карте. Но это уже кое-что. Думаете, в моем родном Азербайджане нет маковых делянок? — Он запел, подражая Рашиду Бейбутову: — Есть!.. Есть у меня!.. Кокнар! Тирьек! Один черт!

— Странные у вас тут дела делаются,— сказал Знаменский.— Подключили бы руководство, специальные службы.

— Очень умно говорите!— восхитился летчик.— Приятно слушать. А мы их и подключим. Имея факты. Только тогда, с фактами в руках. Почему не раньше? А мы не знаем, кто нам поверит, а кто нас прогонит. Ашира нашего прогнали. Вам этого мало? Вы что, не знаете, что существует такое отвратительное животное, имя которому — честь мундира?! Это опасное животное! Хуже носорога, который, как известно, страдает близорукостью. Как так?! У нас?! Какой-то мак?! Какой-то наркотик?! У нас хлопок, дорогой товарищ! У нас первое место в республике! Вы, кажется, вздумали на нас клеветать, дорогой товарищ? А что там у вас у самого делается, не совсем дорогой товарищ, совсем не дорогой товарищ? Ага, у вас в сейфе служебном пачка денег обнаружилась?! Громадная сумма?! Кто дал?! Почему взяли?! Вы взяточник, как выясняется?! Опиум вам мешает?! Вам партийный билет мешает! Вон отсюда! И благодарите аллаха, что мы пожалели вас, учитывая вашу большую семью и сравнительно молодые годы! Вот так... Вы осторожничаете, я хвалю вас за это, но разве я мало вам сказал?

— Мало! У нас в стране этот товар широко не пойдет. Я знаю, что кто-то покуривает у нас, глотает таблетки, даже колется. Но это единицы, дурачье. Модничающее дурачье! У нас и в былые времена, как и ныне, существовали и есть эти самые «а-ля»! Накипь, не более. Так было, так будет. На Западе это эпидемия, у нас — единичные случаи. Ну, хорошо, пусть это модное поветрие, пусть так, но мода схлынет.

— Дай-то бог, дай-то аллах! Всем богам готов поклониться, чтобы ваши наивные предположения сбылись. Да, да, наивные. Дурачье?! Мода?! Только ли дурачье? Только ли мода? Вы что же, думаете, к нашим молодым не перекидывается с Запада отчаяние молодого поколения атомного века? Они, молодые, у нас разве бездумные, не пытаются заглянуть в свое завтра? Перекидывается это отчаяние. Да, да. И тут тоже никакие строгие заставы не помогут. И нам не перехватить словечки: «А, живем минутой! А, хоть миг, да мой!» Эти словечки перелетают через границу еще легче, чем птицы. Вот в чем беда. А забавно, столько лет колесит человек по заграницам, а такой, оказывается, наивный. А вы со мной искренни, Ростислав Юрьевич? Может, вы все еще темните со мной? Тогда молодец, тогда хвалю. Не хмурьтесь, я не хочу вас обидеть. Между прочим, пока что этот товар, всего лишь опийный сырец, идет в Москве по двадцать, тридцать тысяч рублей за килограмм. После самой примитивной переработки он удваивается, утраивается в цене. Преступный бизнес начал у нас процветать. Ведь товар этот дороже золота. А спрос все увеличивается. Вот истина. И тут — рассуждай не рассуждай, сомневайся, зажмуривайся или отмалчивайся — факт налицо. Появилась новая опасность и за номером Один. С большой буквы Опасность. Как все это понять, дорогой? Проморгали? Снова? Ну, а кассеты с порнографическими фильмами — тоже мода для единиц? А музычка, когда все нервы натянуты и даже перетянуты,— это что? Порнография, исступление звуков, наркотический допинг — все, вместе взятое, и есть тот товар, который хотят нам навязать, причем рассчитывая не на единицы, нет, не на единицы. У тех, кто навязывает нам этот товар, это уже бедствие в их собственном доме. Вот они и хотят навязать нам свое бедствие в полном объеме. Мода родит спрос, как известно. Наркотики, героин, а он из опиума, дарят молодому дураку вседозволенность. Жить трудно, мир сложен. И сложности мира тоже иногда не знают границ. Я вычеркиваю слово «дурак», я заменяю его на слово «незащищенный». Опытом жизни. Опыт! Его нажить надо. Он защита. Но, пока его нет, мы можем понаделать много глупостей, много ошибок, иные из которых уже и не исправить.

— Вижу, вы не устаете воспитывать меня. Но я уже понял, понял.

— Я не про вас, сейчас разговор не вас касается. Впрочем, и вас, и меня, если угодно. Я вовсе не защищен от множества ошибок, я их и сотворял. Аллах свидетель! И не обижайтесь на меня, Ростислав Юрьевич, если даже и обижу вас. В серьезное дело мы с вами влезли, тут обижайся не обижайся, а необходима ясность.

— Учтите, я в никакое ваше дело не влез.

— Влезли! Обязаны! И хватит темнить! Да, так вот, чтобы укоренилась мода, укоренилась потребность, нужен товар. Много товара. В Пакистане производят, в Турции производят, в Иране производят. Опийный треугольник — эти три страны. Но ведь мы-то рядом. Те же земли, то же солнце. Маку все равно, по какую сторону границы произрастать на древней земле своего обитания. Так отчего же не создать опийный треугольник и у нас? У них есть — и у нас будет. У них гибнут молодые, пусть и у нас гибнут молодые. Очень даже хорошо, если у нас начнут гибнуть молодые, если эта горестная проблема перекинется и к нам. Мода появилась, потребность появилась — спрос на товар начался. Что нужно сделать? Нужно обойти границу, таможню, досмотр. А это можно сделать, провезя через границу не товар, а идею. Идею изготовления наркотиков у нас дома. Идеи же, как вы понимаете, тоже не ведают границ. Внедри идейку в чью-либо слабую голову, какому-либо алчному человеку — и дело сделано. Это провокация, и громадных размеров. Провокация ЦРУ, дорогой. Это учреждение — самый наш преданный враг. И это они, цэрэушники, скрещивают тут корысть с диверсией. Прервем лекцию? Хватит? Наконец, что за дела?! Это я рискую, заводя такой конфиденциальный разговор с почти неизвестным мне человеком. Мне надо трусить, а не вам. Я еще хлебну горя от своей легкомысленности!

— Черт с вами, давайте ваше письмо,— устало сказал Знаменский, вслушиваясь в шум реки, в ее извечный спор с камнями, все спорит да спорит, не притомилась.— Ладно, попробую отыскать в Ашхабаде вашего Ашира Атаева.

— Ай, молодец! — снова восхитился маленький летчик и глянул по сторонам.— Бери! — Он протянул неприметным движением конверт Знаменскому.— Сумбар нас не выдаст! Фу, утомил ты меня, товарищ международник! Нагулялись? Вернулись?

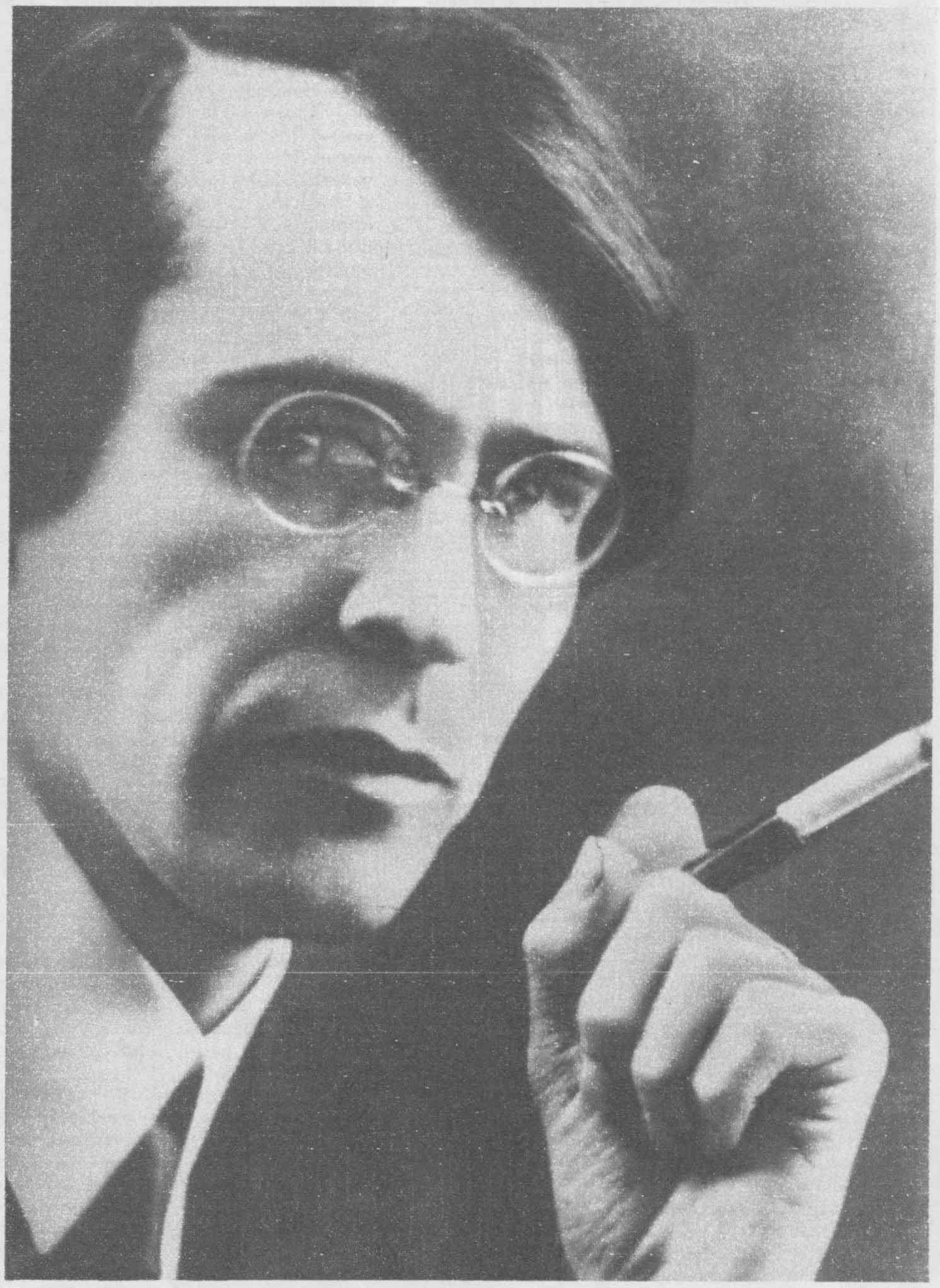
— Вернулись, товарищ вертолетчик,— сказал Знаменский, засовывая конверт в задний карман брюк, туда же, где лежал пакет старого туркмена, продавца фисташек.

Продолжение следует.

В сегодняшнем номере «Огонек» представляет Владислава Ходасевича. Публикуем статью о жизненном и творческом пути русского поэта, а также его стихи.

НЕБЕСНЫЙ МУРАВЕЙ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ



Поблескивают крылышки пенсне. Вопреки басням изнурительный характер труженика в нем сочетается со стрекозиной легкостью танца. Стихи его пропитаны муравьиным спиртом.

Ходасевич — летучий муравей российской поэзии.

Пробочка над крепким йодом!
Как ты быстро перепрела.
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

Даже одною этой строфой Ходасевич навеки въелся в изящную русскую словесность. Но почему именно она волнует нас сегодня, во всемирный период полураспада йода, когда, пощелкивая щитовидкой, мы проборматываем эти стихи? 65 лет назад, в пору написания, они казались ерническими, «аптекарскими», оригинальничанием — душа и йод, ну что у них общего?

Академик Ферсман, назвав йод вездесущим, писал: «Трудно найти другой элемент, который был бы более полон загадок и противоречий, чем йод. Больше того, мы так мало о нем знаем и так плохо понимаем самые основные вехи в истории его странствий, что до сих пор является непонятным, почему мы лечим при помощи йода и откуда он взялся на земле».

А душа? Не она ли полна загадок, опасностей, лечебных свойств, противоречий? Не самая ли это странная субстанция — так называемая душа, не она ли основа всего сущего? Как объяснить химическую формулу ее, к которой автор так стремился? И что грозит нам в период полураспада ее? Ее таинственное опасное могущество до всех Эйнштейнов и МАГАТЭ почуял брезгливыми ноздрями желчный поэт с йодисто-желтым лицом, «шипящий шуткой» и рыцарской верностью классической розе.

Современники не слишком ценили его. Авангардисты считали его стихи «дурно рифмованным недомоганием». Остротсов, князь Святополк-Мирский назвал его «любимым поэтом всех тех, кто не любит поэзию». Однако зоркий бабочник Набоков, посвятивший две статьи поэту, так описывает его, увы, уже в некрологе: «Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней». С ним сходен Горький в письме к Федину, который за шестнадцать лет до этого охарактеризовал Ходасевича как «лучшего, на мой взгляд, поэта современной России...».

Характеристика эта тогда не убеждала — в то время существовали Ахматова и Цветаева, Пастернак и Бунин, Хлебников и Маяковский, Есенин и Мандельштам. Подобные высказывания не заглушили скептицизма общего хора. Его петербургский ровесник Гумилев надменно обмолвился: «Он пока только балетмейстер,— и добавил:— но танцу учит священному».

Владислав Ходасевич родился ровно столетие назад, в 1886 году, в Москве, печататься он начал в 1905 году, тоже одновременно с Гумилевым. Будущий поэт был шестым ребенком в небогатой семье Фелициана Ивановича Ходасевича, обедневшего дворянина, незадачливого художника родом из Польши, ставшего торговцем фототоваром.

Позднее на чердаке в Париже поэт помянет отца шестипалой строфой своих дактилей:

Был мой отец шестипалым...
Веселый и нищий художник,
Много он там расписал польских
и русских церквей...
Станем играть вечерком, сев за любимый
диван.
Вот на отцовской руке старательно
я загибаю
Пальцы один за другим — пять. А шестой
это я.
Шестеро было детей. И вправду: он тяжкой
работой
Тех пятерых прокормил.— Только меня
не успел.

С детских лет всю жизнь поэт бедствовал, трудился до изнурения, одиночествовал, много и тяжко болел. Наставниками его лиры были не только Бальмонт, Белый, посаженый отец на его свадьбе Брюсов, с кем он стал накоротке с шестнадцати гимназических лет, но и тульская крестьянка Елена Кузина.

Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык,—

с волнением произнесет он в одическом посвящении ей.

Увы, куда залетели крылышки пенсне, в какие дали от полей и речей Елены Кузиной?

От ничтожной причины — к причине,
А глядишь заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти...

Будучи в сентябре на фестивале в Западном Берлине, я заехал в чудом оставленные войной угрюмые кварталы, где в 20-е годы жили Андрей Белый, Цветаева, Ходасевич. Угловое кафе «Праге Диль», воспетое им, сохранилось. Я вошел в «Прагедильчик». Массивная дверь начала века захлопнулась за мной.

Здесь творил свои безумные пляски Андрей Белый — в черном жабо и с желтой розой в петлице, именно в этом кафе он назвал стихи Ходасевича ванной Архимеда, где все лишнее вытесняется. К этой стойке подходил Есенин с Дункан после вечера в Клубе литераторов, поотругивавшись от монархистов и за распахнутость таланта получивший шквал аплодисментов. Сюда присаживался отдышаться Маяковский, покорив аудиторию русского Студенческого союза, где бывший кубофутурист выступал на сцене с бывшим эгофутуристом Северяниным и Кусиковым. Здесь бражничал, заглушая тоску буйством, Алексей Толстой.

Что ж? От озноба и простуды —
Горячий грог или коньяк.
Здесь музыка и звон посуды
И лиловатый полумрак,—

так описывал это кафе Ходасевич в стихотворении «Берлинское».

Позднейшие хозяева перестроили интерьер и стойку бара. Горячего грога не оказалось. Из колонок звучала английская группа.

Я сел у окна, спиной к залу. Вид из окна ничуть не изменился за эти годы. В тумане мрачнели доходные дома стиля модерн начала века. Поблескивали трамвайные рельсы. Об эти тротуары и порог кафе некогда цокали набойки Пильняка. В окно глядел Берлин Федина, Шкловского и Ремизова. В те годы город был буфером между культурами. В сорока русскоязычных издательствах — просоветских, монархических, сменовеховских — печатались приезжавшие сюда Бунин, Эренбург, Пастернак, «Серапионовы братья». В один год здесь вышло на русском языке книг больше, чем на немецком. Отечественный Дом литераторов сотрудничал с берлинским Домом искусств.

Свет редких автомашин бьется стекло. Будто крылышки дрожат. Накрапывает. Что за тени толпятся перед окном?

И проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую
Ночную голову мою.

За этим столиком один из западноберлинских коллекционеров подарил мне неизвестную фотографию Гумилева, где петербуржский сверстник Ходасевича поднял руку в окружении сестер Наппельбаум, полосатого банта Одоевцевой, Георгия Иванова...

Как известно, приезд сюда Ходасевича имел отнюдь не политические мотивы. «Кое-какие события личной жизни выбили из колеи, а потом привели сюда, в Берлин»,— читаем мы в автобиографии. Поэт пытался отъездом вырваться из семейных пут. Он приехал сюда с двадцатилетней поэтессой Ниной Берберовой. Мемуары язвительно свидетельствуют: «Меня поразило, что он сматывался втихаря от женщины, с которой он провел все тяжкие годы и назвал женой». А вот хмуро вспоминает редактор берлинского журнала: «Помню, как пришел только что приехавший из Сов. России Владислав Ходасевич. Он был страшно худ, с неприятным лицом вроде голого черепа и длинными волосами... Ходасевич заходил часто. Один раз он меня крайне удивил, сказав: «Только, пожалуйста, если будут у вас рецензии о моих книгах, чтобы никаких неприятных резкостей. Я же ведь хочу возвращаться».

Он любил кошек — может быть, это Елена Кузина наговорила ему о коте Котофеиче? Или Арина Родионовна зарифмовала со сказкой его фамилию?

«Для такого человека, как Ходасевич, эмиграция была трагедией»,— предваряет его «Избранное» Н. Берберова. Трагедия была не в тяготах быта, не в болезнях, кончившихся раком,— боль и трагедия духа зияли в каждой строфе поэта, душераздирающе наполняя кажущуюся ранее холодной его классическую поэтику.

В последних стихах поэт сдирает с себя не только сюртук и сорочку — кожу сдирает. Вслед за шпенглеровским «Закатом Европы» он разглядел европейскую ночь и ужаснулся. Тютчевские тучи в ту пору набрякли ожиданием войны и фашизма. Последнюю жену Ходасевича в 1939 году немцы увезут из Парижа в Германию, где она погибнет в концлагере.

С позиции маленького человека, с позиции пушкинского Евгения он судит бездны мировой истории, медный топот деспота и страшную стужу европейской ночи в лучшей своей книге. Это свод леденящих душу замерзших шедевров.

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Какой гнев, сарказм в этих мцыриевых глухих ударах ямба! Будто гневный водопад замерз на лету.

Ременный бич я достаю...
И ангелов наотмашь бью.

Какое бешенство энергии — такого поэт не знал до этого!

Трагедия сквозит в каждом из четверостиший-окон, где мировая скука рассматривает телевизоры квартир.

В иронии, черном юморе одиночества есть общее с написанными в те же годы вещами Заболоцкого, Хармса, Введенского.

Особенно видна близость с Заболоцким, не случайно они оба увлекались музой капитана Игната Лебядкина. Пожалуй, это редчайшие примеры чистого «сюрреализма» в нашей поэзии. Как по-новому звенят в старой строфике термины новой цивилизации—«Радио», «Электричество», «Пирамидон».

Вверху — грошовый дом свиданий.
Внизу — в грошовом «казино»
Расселись зрители. Темно.
Пора щипков и ожиданий...
За ней вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звезд — Медведица Большая —
Трясут четырнадцать грудей...
И до последнего раздета,
Горя брильянтовой косой,
Вдруг жидколягая комета
Выносится перед толпой.

Запустите в это казино персонажей «Фокстрота» или «Свадьбы» Заболоцкого, они будут чувствовать в его стихе как дома.

И бал глядит, единорог.
И бабы выставили в пляске
У перекрестка гладких ног
Чижа на розовой подвязке.

Ходасевич, как и Заболоцкий, вводит в текст реальные фамилии: «Целует девку Иванов», «По лугу шел красавец Соколов», «Умирает вдруг Савельев»... «Дурак» для него не ругательство, а обозначение вида. Но там, где у Заболоцкого давка цвета, буйная вещность, написанная плотно, плотски, сочным филоновским маслом, у Ходасевича процарапано духовной иглой офорта. И из щелей Дух сквозит. И за всем кричит трагедия. Офорты эти заходят за смертную черту, как и за черту дозволенного — так дико Аидово видение старика с его одинокой страстью в подземном туалете:

А из соседней конуры
За ним старуха наблюдает...

Вопит отчаянное одиночество и предощущение еще большего одиночества — предстоящего. Может, уже здесь посетило поэта предчувствие исчезновения человечества как биологического вида?

Беспощаден, трагичен и щемящ автопортрет поэта, лицо, вплотную приблизившееся к читателю.

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

В манере Владислава Ходасевича сияет сухость иглы офорта, отчетливость деталей, вытравленных ядовитой усмешкой на медной доске. Предметы как бы обведены светящейся линией. Культура стиха, вкус его порой даже слишком безупречны. Порой он прячется за черной самоиронией, в скорлупку скептика.

«На трагические разговоры научился молчать и шутить». Чем трагичнее назревали разговоры, тем отчаяннее становились шутки.

Люблю людей. Люблю природу.
Но не люблю ходить гулять.
И твердо верю, что народу
Моих творений не понять.

Тут уже один шаг до Глазкова. Это от ранимости и сверходиночества. Каждый поэт всегда одинок, но вряд ли была в нашей поэзии столь одинокая фигура! Уходящие от него красивые жены лишь подчеркивали эту сквозящую ноту. В них была роскошь покидающей жизни. Первая супруга его, восемнадцатилетняя красавица, полковничья дочь Марина Рындина, поражала эксцентричностью эскапад в духе тех лет. «Была она необычайной красоты и совершенно бесстыдная, приходит, бывало, на литературное собрание, идет прямо к столу, в руках какие-нибудь необыкновенные орхидеи, сбрасывает шубу и садится за стол голая, ну, совершенно нагишом!»— хихикает уже цитированный мемуарист. Вскоре Рындина покинула поэта, выйдя замуж за редактора «Аполлона» С. Маковского.

Какие красивые у него были музы!

В Принстоне я цепенел от пантерной красоты Нины Берберовой, которая профессорствует там,— она одна из интереснейших сегодняшних прозаиков, последняя из тех, кто хранит дыхание Ходасевича.

Мало кто из поэтов так воплощал в себе Культуру. Классицист, скитаясь, он возил с собой по свету восьмитомник Пушкина, как горсть родной земли с собой носят. Он стучал парнасской палкой на «заумников», Хлебникова и Цветаеву. Не все из завсегдатаев «Книжной лавки писателей» на Кузнецком мосту помнят, что она была основана Ходасевичем и Муратовым.

Он как-то воскликнул: «Надо, чтобы наше поэтическое прошлое стало нашим настоящим и в новой форме — будущим». Упоительны его работы о Пушкине, о «щастливом» Вяземском, Дмитриеве, Грибоедове, «Слове о полку Игореве». Труженик он был отменный. Муравьиный характер сказывался. Академик Д. С. Лихачев при упоминании о Ходасевиче встрепенулся: «Надо издать его великолепную работу о Державине». Кстати, и в сегодняшнем номере «Огонька» он снова повторяет, что «мы должны более смело издавать писателей XX века, чье творчество по той или иной причине мало, а порой и совсем неизвестно».

Был ли он пушкинианцем по сути?

Поэтика, строфика, возлюбленный ямб — все идет от Пушкина. Но по миросозерцанию поэты были противоположны. Солнечный космос Пушкина — день — покрыт покрывалом ночи. У Ходасевича, вслед за Тютчевым — наоборот, день, как покрывало, покрывает мировую ночь. В этом они подошли к нынешнему знанию черного космоса. Об этом брякал поэт на своей тяжелой лире в «Ласточках»: «Имей глаза — сквозь день увидишь ночь».

Как он любил Тютчева, как оберегал его от непонимания!

«Иногда поступали с варварской наивностью: просто зачеркивали то, что было истинным предметом стихотворения и для чего «картина природы» служила только мотивировкой иль подготовкой. Так, знаменитое стихотворение «Люблю грозу в начале мая» сплошь и рядом печаталось без последней строфы»,— писал он в 1928 году. Увы, и ныне, в 1986 году, наши школьники учат по хрестоматиям это классическое стихотворение тоже без последней строфы!

Порой в его пенсне отражались чужие лица и песни.

Ты скажешь, ангел там высокий
Ступил на воды тяжело,—

мы слышим тютчевскую интонацию.

В описании пляжа мелькнет Пастернак:

Какой огромный умывальник!

Но он щедро посмертно платил долги. В предсмертных строках Пастернака есть общие мотивы:

О господи, как совершенны...
Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознавать.

Культура его слышна и в поздних поэтах:

«Лысый демон
палочкой взмажнет»...

(Р. Рождественский).

Вспоминается:

Но неудачник облыселый
Высоко палочкой взмахнул.

Владислав Ходасевич не был для меня самым любимым поэтом эпохи. Я поклонялся другим богам. Многие его стихи я понимал скорее умом души, чем ее сердцем. Сердцем я затвердил его «Перед зеркалом» и другие стихи, что печатаются в сегодняшней подборке, в иных же стихах мешала скупость, некая сухость его гортани. Однако моя поэтическая полка неполна без его фисташкового томика. Есть и другие суждения. «Ахматова — однообразна, Блок тоже, Ходасевич разнообразен, но это для меня крайне крупная величина, поэт-классик и большой строгий талант»,— читаем мы в письмах Горького. Для меня Блок и Ахматова — полифонические эпохи. Да и зачем одним поэтом унижать другого? Но я понимаю и такую влюбленную точку зрения, тем более что высказана она основоположником социалистического реализма.

С Горьким они были близки. Ходасевич часто бывал у него на Капри. В «Соррентийских фотографиях» он описывает мотоциклетку Максима, сына Горького. Муравьиный спирт чувствуется в воспоминаниях Ходасевича.

«Перед тем как послать в редакцию... свои воспоминания о Валерии Брюсове, я прочел их Горькому. Когда я кончил читать, он сказал, помолчав немного:

— Жестоко вы написали, но — превосходно. Когда я помру, напишите, пожалуйста, обо мне».

Порой вражда заслоняла от него поэта как в случае с Хлебниковым и особенно с Маяковским, к которому, как к раннему, так и позднему, он был предвзят. Через десять дней после самоубийства Маяковского, в то время, когда Пастернак, обезумев, рыдал над гробом и Цветаева цепенела от горя, он написал злой фельетон.

Был он строг и со студийцами Пролеткульта. Давний мой переделкинский сосед В. В. Казин, некогда пролетарский поэт, с благоговением вспоминал его лекции о Пушкине. «На основании этого знакомства,— читаем мы у Ходасевича,— я могу засвидетельствовать ряд прекраснейших качеств русской рабочей аудитории. Прежде всего ее подлинное стремление к знанию и интеллектуальную честность... во всем она хочет добраться до «сути».

Увы, вульгаризаторы Пролеткульта заревновали к Пушкину. И лекции прекратились.

Не о славе он молил и тосковал, не о «грубой славе и гоненьях», возвращаясь мыслями к земле Елены Кузиной, не кичился своим былым успехом, не самоутверждался гордыней, это его одиночество молило о понимании, лишь о понимании, из вступления к «Европейской ночи»:

Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои.

С 20-х годов Ходасевич не переиздавался у нас. Думаю, нынешнему читателю он будет близок культурой стиха, требовательностью, экономным волшебством русского языка. Как порой неряшлива, необязательна сегодняшняя строка, как мало она задумывается над вечными общечеловеческими вопросами, порхает за суетным!

В душе и мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот.

«Хранят культуру не те, которые вздыхают о прошлом, те, кто работает для настоящего и будущего»,— эти слова Ходасевича будто сегодня сказаны.

Пора спокойно и научно вернуть Ходасевича отечественной культуре, чтобы его творческое наследие перестало быть «белым пятном» в нашей поэзии завершившегося века. Том его должен занять свое место на полках читателей.

Владислав ХОДАСЕВИЧ

●

Не матерью, но тульскою крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жестью белой,
То пряник вяземский, то мятного коня.

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно все:
И материнство горькое свое,
И просто все, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой — как помню этот день я!—
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя...

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу...

Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах,—
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх??

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть,—
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на средине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Вергилия нет за плечами,—
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

БАЛЛАДА

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло,—
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком
Беззлобный, смирный человек
С опустошенным рукавом?

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идет по улице домой.

Ременный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венетийских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

— Пардон, месье, когда в аду
— За жизнь надменную мою
— Я казнь достойную найду,
— А вы с супругою в раю

— Спокойно будете витать,
— Юдоль земную созерцать,
— Напевы дивные внимать,
— Крылами белыми сиять,—

— Тогда с прохладнейших высот
— Мне бросьте перышко одно:
— Пускай снежинкой упадет
— На грудь спаленную оно.

Стоит безрукий предо мной,
И улыбается слегка,
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

ЛАСТОЧКИ

Имей глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тем воспаленным диском.
Две ласточки напрасно рвутся прочь,
Перед окном шныряя с тонким писком.

Вон ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крылом остроугольным.
Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьим крылышком, ни сердцем подневольным.

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи —
Не станешь духом. Жди, смотря в упор,
Как брызжет свет, не застилая ночи.

У МОРЯ

Лежу, ленивая амеба,
Гляжу, прищурив левый глаз,
В эмалированное небо,
Как в опрокинувшийся таз.

Все тот же мир обыкновенный,
И утварь бедная все та ж.
Прибой размыленною пеной
Взбегает на покатый пляж.

Белеют плоские купальни,
Смуглеет женское плечо.
Какой огромный умывальник!
Как солнце парит горячо!

Над раскаленными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава.

А по пескам, жарой измаян,
Средь здоровеющих людей
Неузнанный проходит Каин
С экземою между бровей.

●

Излома, одолевает
Нестерпимая скука с утра.
Чью-то лодку море качает,
И кричит на песке детвора.

Примостился в кофейне где-то
И глядит на двух толстяков,
Обсуждающих за газетой
Расписание поездов.

Раскаленными взрывами брызжа,
Солнце крутится колесом.
Он хрипит сквозь зубы:— Уймись же!—
И стучит сухим кулаком.

Опрокинул столик железный,
Опрокинул пиво свое.
Бесполезное — бесполезно;
Продолжается бытие.

Он пристал к бездомной собаке
И за нею слонялся весь день,
А под вечер в приморском мраке
Затерялся и пес, как тень.

Вот тогда-то и подхватило,
Одурманило, понесло,
Затуманило, закрутило,
Перекинуло, подняло:

Из-под ног земля убегает,
Глазам не видать ни зги —
Через горы и реки шагают
Семиверстные сапоги.

ДАЧНОЕ

Уродики, уродища, уроды
Весь день озерные мутили воды.

Теперь над озером ненастье, мрак,
В траве — лягушачий зеленый квак.

Огни на дачах гаснут понемногу,
Клубки червей полезли на дорогу.

А вдалеке, где все затерла мгла,
Тупая граммофонная игла

Шатается по рытвинам царапин.
И из трубы еще рычит Шаляпин.

На мокрый мир нисходит угомон...
Лишь кое-где, топча сырой газон,

Блудливые невесты с женихами
Слипаются, накрытые зонтами,

А к ним под юбки лазит с фонарем
Полуслепой, широкоротый гном.

●

Встаю расслабленный с постели.
Не с богом бился я в ночи,—
Но тайно сквозь меня летели
Колючих радио лучи.

И мнится: где-то в теле живы,
Бегут по жилам до сих пор
Москвы бунтарские призывы
И бирж всесветный разговор.

Незаглушимо и сумбурно
Пересеклись в моей тиши
Ночные голоса Мельбурна
С ночными зна́ньями души.

И чьи-то имена и цифры
Вонзаются в разъятый мозг,
Врываются в глухие шифры
Разряды океанских гроз.

Хожу — и в ужасе внимаю
Шум, невнимаемый никем.
Руками уши зажимаю —
Все тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами,
Европы темные сыны,
Какими вы еще лучами
Неощутимо пронзены!

●

Вдруг из-за туч озолотило
И столик, и холодный чай.
Помедли, зимнее светило,
За черный лес не упадай!

Дай посиять в румяном блеске,
Прилежным поскрипеть пером.
Живет в его проворном треске
Весь вздох о бытии моем.

Трепещущим, колючим током
С раздвоенного острия
Бежит — и на листе широком
Отображаюсь... нет, не я:

Лишь угловатая кривая,
Минутный профиль тех высот,
Где, восходя и ниспадая,
Мой дух страдает и живет.

ОКНА ВО ДВОР

Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меня башмака,
Чтобы бросить его в дурака.

Кастрюли, тарелки, пьянино гремят,
Баюкают няньки крикливых ребят.
С улыбкой сидит у окошка глухой,
Зачарован своей тишиной.

Курносый актер перед пыльным трюмо
Целует портреты и пишет письмо,—
И честно гонясь за правдивой игрой,
В шестнадцатый раз умирает герой.

Отец уж надел котелок и пальто,
Но вернулся, бледный как труп:
— Сейчас же отшлепать мальчишку за то,
Что не любит луковый суп!

Небритый старик, отодвинув кровать,
Забивает старательно гвоздь,
Но сегодня успеет ему помешать
Идущий по лестнице гость.

Рабочий лежит на постели в цветах.
Очки на столе, медяки на глазах.
Подвязана челюсть, к ладони ладонь.
Сегодня в лед, а завтра в огонь.

Что верно, то верно! Нельзя же силком
Девчонку тащить на кровать!
Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином...

Вода запищала в стене глубоко:
Должно быть, по трубам бежать нелегко,
Всегда в тесноте и всегда в темноте,
В такой темноте и в такой тесноте!

ПУТЕМ ЗЕРНА

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ.
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год,—

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

ШВЕЯ

Ночью и днем надо мною упорно,
Гулко стрекочет швея на машинке.
К двери привешена в рамочке черной
Надпись короткая: «Шью по картинке».

Слушая стук над моим изголовьем,
Друг мой, как часто гадал я без цели:
Клонишь ты лик свой над трауром вдовьим
Иль над матроской из белой фланели?

Вот, я слабею, я меркну, сгораю,
Но застучишь ты — и в то же мгновенье,
Мнится, я к милой земле приникаю,
Слушаю жизни родное биенье...

Друг неизвестный! Когда пронесутся
Мимо души все былые обиды,—
Мертвого слуха не так ли коснутся
Взмахи кадила, слова панихиды?

БЕЗ СЛОВ

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведенный шов
По краю белого батиста.

А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за божьими перстами
По легкой ткани бытия
Бежит такими же стежками.

То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегая...
И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.

●

Когда б я долго жил на свете,
Должно быть, на исходе дней
Упали бы соблазнов сети
С несчастной совести моей.

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша.
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.

●

Горит звезда, дрожит эфир,
Таится ночь в пролете арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

АВТОМОБИЛЬ

Бредем в молчании суровом,
Сырая ночь, пустая мгла.
И вдруг — с каким певучим зовом
Автомобиль из-за угла!

Он черным лаком отливает,
Сияя гранями стекла,
Он в сумрак ночи простирает
Два белых ангельских крыла.

И стали здания похожи
На праздничные стены зал,
И близко возле нас прохожий
Сквозь эти крылья пробежал.

А свет мелькнул и замаячил,
Колебля дождевую пыль...
Но слушай: мне являться начал
Другой, другой автомобиль.

Он пробегает в ясном свете,
Он пробегает белым днем,
И два крыла на нем, как эти,
Но крылья черные на нем.

И все, что только попадает
Под черный сноп его лучей,
Невозвратимо исчезает
Из утлой памяти моей.

Я забываю, я теряю
Психею светлую мою,
Слепые руки простираю
И ничего не узнаю:

Здесь мир стоял, простой и целый,
Но с той поры, как ездит тот,
В душе и мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот.

СЕ-СЕ — ПО-КИТАЙСКИ «СПАСИБО»

За час до премьеры ходили артисты, китайские и советские, в закулисной части цирка на Ленинских горах, где проходили гастроли труппы из провинции Шаньдун. И улыбались друг другу. Советские артисты как бы подбадривали своих гостей: не волнуйтесь, все пройдет хорошо.

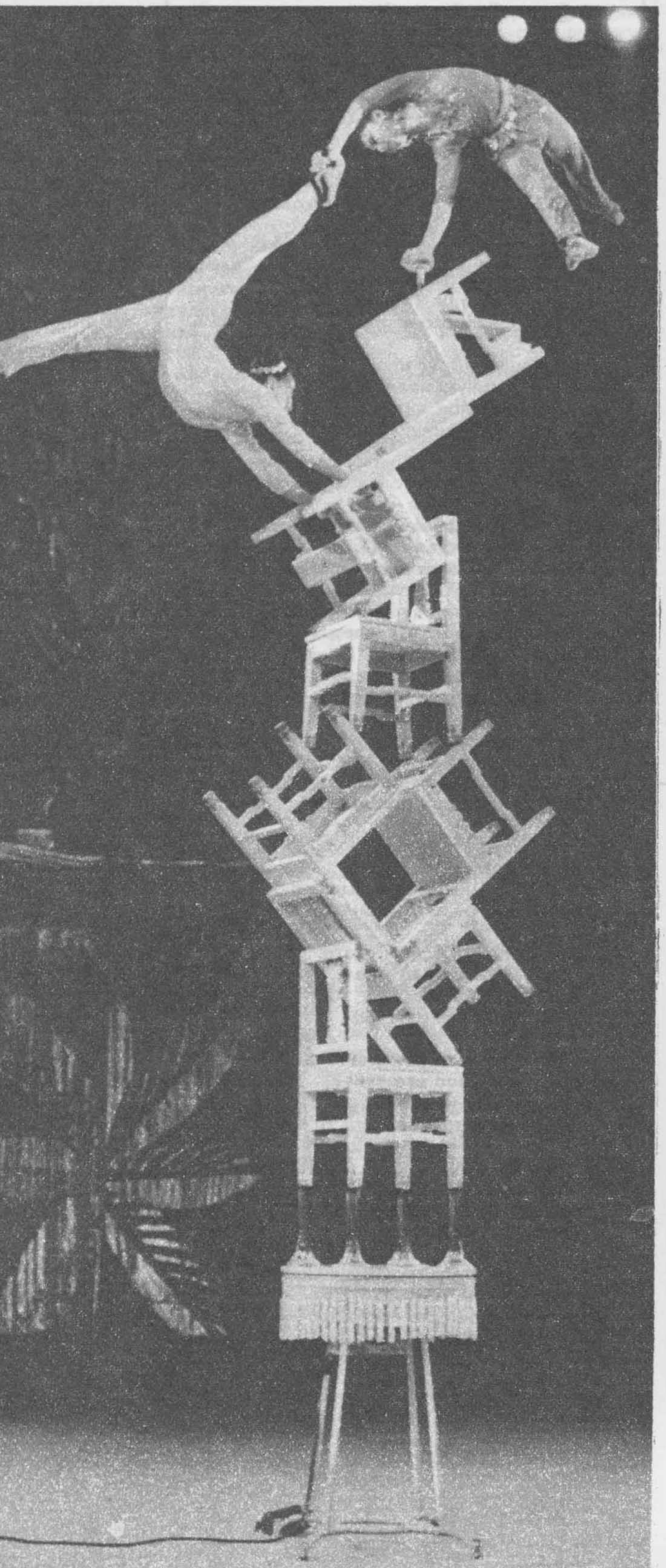
Два отделения. Тринадцать номеров. Времени на репетиции практически не было. А премьера прошла замечательно.

Три номера — гвозди программы. «Эквилибристы на стульях», «Прыжки через обручи» (поразительное владение телом, удивительная пластика, легкость), «Балансеры на скамейках» (артистки Лу Лисинь и Шэнь Нин сооружали из красивых скамеек высоченную пирамиду, на вершине которой показывали чудеса эквилибра и баланса). По техническим причинам премьера состоялась на три дня позже — произошла задержка с доставкой багажа.

«И это очень хорошо,— сказал один из артистов, принимающих участие в гастролях,— благодаря этому мы успели побывать в Ленинграде, многое увидеть и чуть-чуть отдохнуть».

В. МИШАХОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА



Несданный экзамен — повод уйти из жизни!! Ссора с родителями — повод!! Кажется, на такое способен разве что психически больной человек. Но это лишь кажется. Говорят, переступив черту, мгновенно понимаешь, что совершил ошибку: пальцы зажимают рану, пальцы сами набирают спасительно-короткий телефонный номер. Но по статистике двоим из каждых шести, покушавшихся на самоубийство, уже ничего не поможет.

ИЗ ШЕСТИ ВОЗМОЖНЫХ

Александр РЫСКИН, Владимир ЯКОВЛЕВ

Светел просторный больничный холл. Низкие кресла на пушистом ковре. Двое ребят курят у двери на лестницу. Один — высокий, широкоплечий — то и дело подбрасывает и ловит спичечный коробок, у зеркала рыжеволосая девушка учит подругу танцевать брейк:

— Да не бойся! Не бойся! Падай на руки! Ну?

Нас долго инструктировали, прежде чем допустить сюда.

— Фотографировать? Вы с ума сошли! Расспрашивать? Ни в коем случае! Говорить? Только на отвлеченные темы. А лучше не говорить совсем.

Мы стоим в светлом холле. И молчим. Просто смотрим, невольно деля присутствующих на группы по четверо. Четверо тех, которым повезло.

Самоубийство... Когда своей волей уходит из жизни взрослый человек — это страшно. Когда уходит человек молодой — неестественно настолько, что нет даже слова, точно характеризующего случившееся. Не станем его искать, попробуем разобраться, почему случается непоправимое. Вот они, перед нами, плотные серые канцелярские карточки, исписанные неразборчивыми почерками дежурных врачей.

Олег Н. 16 лет. Вскрыл вены обеих рук. Причина — неразделенная любовь. Удалось спасти.

Ольга Д. 19 лет. Приняла 150 таблеток элениума. Причина — конфликт с родителями. Удалось спасти. Инвалид третьей группы.

Игорь М. 20 лет. Пытался повеситься. Причина — слабая успеваемость в институте.

В десятом классе Олег Н. полюбил девушку из своей школы. Писал письма в стихах, по ночам гулял под ее окнами. Однажды подрался в классе с более удачливым соперником. По решению директора и классного руководителя этот случай обсуждали на педсовете. Вечером после педсовета Олег решился...

Мы были в школе, где он учился, говорили с директором. Он в спешке комкал слова:

— Олег буквально преследовал девушку. Мы же хотели как лучше. Его классный руководитель? Ирина Дмитриевна... Если можно, не надо с ней разговаривать. С ней уже много разговаривали.

Было соблазнительно просто взвалить заслуженную ответственность на директора. Да на него ли одного? За каждой карточкой — житейская история. В каждой истории на первый взгляд легко обнаружить виновников беды.

Игорь М. приехал в Москву из Гомеля поступать в институт. Поступил. На третьем курсе стал не успевать. Несколько раз его вызывали на учебно-воспитательную комиссию. Педагоги твердили ему, что он бесталанен или же выбрал для себя не ту профессию. Завалив весеннюю сессию пятого курса, Игорь...

Кто виноват? Педагоги!

Оле Д. было девятнадцать лет. Однако родители требовали, чтобы она возвращалась домой не позже десяти часов. Каждое опоздание вызывало скандалы, после которых Олю надолго лишали карманных денег. Во время одного из таких скандалов отец назвал ее шлюхой. Той же ночью Оля...

Кто виноват? Родители!

Для четверых из каждых шести, принявших последнее решение, там, за чертой, оказывается вой сирен «Скорой помощи», много боли, потом — специальная больница, которую заботливо сделали на больницу непохожей, гипноз, аутотренинг. Для двоих — за чертой не оказывается ничего. Но, чтобы спасти этих двоих, остановить необходимо всех шестерых. Вот только как?

По-разному можно смотреть на любое несчастье, будь то авария самолета или дорожная катастрофа. Можно отыскивать конкретных виновников. Можно искать объективные причины, создавшие ситуацию, в которой несчастье вообще стало возможным, а значит, рано или поздно должно было произойти.

Мы часто говорим: хотим, чтобы наши дети были лучше нас. Говорим, скрывая за красивой фразой иное, истинное желание,— хотим, чтобы наши дети были такими же, как мы, но жили бы при этом в лучших условиях. Если условия не соответствуют нашим надеждам, мы огорчены. Но если нашим надеждам не соответствуют дети — мы действуем, уверенные в том, что в отличие от условий детей вполне можно изменить. Перебирая серые учетные карточки, листая страницы своих блокнотов, мы не раз поражались четкой закономерности: за редким исключением возраст всех молодых людей, решившихся на самоубийство, колеблется от шестнадцати до двадцати одного года. И совпадение это было отнюдь не случайным. В шестнадцать лет человек взрослеет. В шестнадцать примерно ясной становится модель его личности. В шестнадцать прежде такие милые и забавные дети вдруг перестают быть забавными. И одевают не то, и не так стригутся. И раздражают этим, навевая мысли о педагогических ошибках. Педагогические же ошибки — кажущиеся или действительные — более всего хочется исправить в те именно моменты, когда они уже очевидны. Вырастив человека и убедившись, что он не совсем такой, как нам хотелось бы, мы стараемся переделать его, не признавая за ним права быть другим. И даже к совершеннолетнему парню относимся нередко как к заготовке, из которой только еще предстоит вылепить стоящего, с нашей точки, члена общества. Психологические нагрузки в такой ситуации непомерно велики. Но не только о них речь.

Не приходилось ли вам задумываться над тем, почему слова «уважение к старшим» звучат куда более естественно, чем слова «уважение к молодым»? Или почему то, что считается оскорбительным в отношении человека зрелого, отнюдь не считается оскорбительным в отношении человека молодого? Надо ли далеко ходить за примерами? Кто рискнул бы, скажем, обсуждать на педсовете интимные вопросы, будь Олегу не шестнадцать, а тридцать? Будь Оля старше на каких-нибудь четыре года, рискнули бы родители ставить ей столь жесткие требования?

В шестнадцать лет молодой человек получает паспорт. При этом принято говорить, что он становится полноправным гражданином. Гражданином — безусловно. А вот полноправным ли? Вместе с паспортом права, естественные для всех граждан страны, не приходят. Вдумайтесь: если взрослый человек не согласен с начальством, он может обратиться в вышестоящую инстанцию. Что может десятиклассник, если он не согласен с учителем или считает его действия оскорбительными для собственного достоинства? Что может студент, если администрация института несправедливо относится к нему?

Права студентов, права школьников, права младшего в семье — эти понятия точно не очерчены. Требовать в подобной ситуации от молодежи доказывать себя в споре со старшим поколением — примерно то же самое, что убеждать безоружного отразить танковую атаку.

Как ни парадоксально это звучит, определенное бесправие молодых в отношении старшего поколения неизбежно означает и определенное бессилие старших повлиять на молодежь. Мы редко убеждаем тогда, когда можно потребовать. И редко объясняем, если имеем возможность приказать. Спору нет, зависимое положение молодежи такую возможность предоставляет. Но ведь в конечном счете результат грубого давления иллюзорен. Конечно, вполне реально, загнав человека в угол, добиться от него согласия поступить против собственной воли. Но не следует, добившись, рассчитывать на его хорошее отношение. Не следует, даже если одеть этого человека за свой счет красиво и модно. Не следует, даже если обставить пресловутый угол дорогой мебелью, установив для развлечения загнанного видео- и стереомагнитофоны. Каждое действие рождает противодействие. Постоянный нажим обязательно рождает постоянный протест. Протест, принимающий самые разнообразные формы. Да, у некоторых хватает мужества бросить все и хотя бы попытаться жить самостоятельно вопреки огромным практическим трудностям. Но куда больше других — тех, кто предпочитает терпеть, калеча собственную душу, в ожидании лучших времен.

Как показывают исследования психологов, большинство молодых людей, вскрывающих себе вены или глотающих снотворное, отнюдь не собираются умирать. В глубине сознания, а иногда и вовсе не в глубине, живет твердая уверенность — спасут. Их попытка самоубийства вовсе не попытка убить себя. Это попытка найти выход из безвыходной житейской ситуации, найти выход по наивному, но надежному принципу: покажу, как мне плохо,— помогут! Другое дело, что порой все решают двери лишние таблетки и несколько минут промедления.

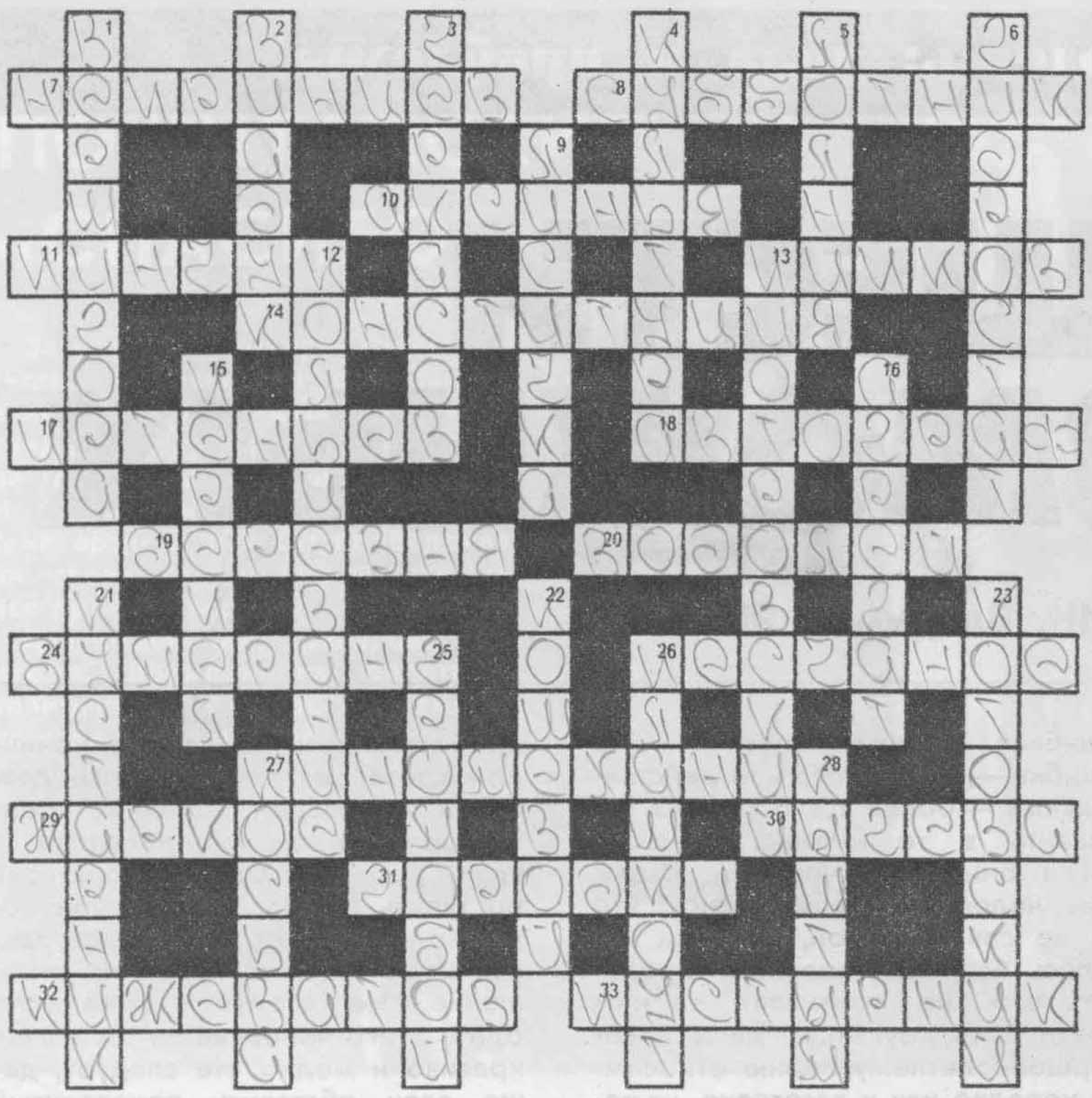
С шестнадцати до двадцати — ответственнейшие годы в жизни человека, так много должен он за этот срок принять решений, в немалой степени определяющих его дальнейшую судьбу. Годы эти — полоса препятствий, которые необходимо преодолеть. Это объективно. Это естественно. Но отнюдь не естественно то, что препятствия эти для иных молодых людей сопряжены с риском и травмами. Есть о чем поразмыслить и комсомольцам, и нам с вами: заботы о молодых — дело всеобщее.

...В светлом, просторном холле рыжеволосая девушка учит подругу танцевать брейк:

— Не бойся! Не бойся! Падай на руки.

Не бойся?

ОТ РЕДАКЦИИ. Тема статьи, безусловно, важная. Но что-то в авторской позиции может показаться спорным. Давайте обсудим. Ждем ваших писем.



кроссворд

По горизонтали: 7. Народный художник СССР, автор серии офортов «Ленинградцы». 8. Добровольная коллективная общественно полезная работа. 10. Действующее лицо в опере И. И. Дзержинского «Тихий Дон». 11. Скульптор, народный художник СССР, автор памятника В. И. Ленину в Кремле. 13. Болгарский композитор, Герой Социалистического Труда НРБ. 14. Основной закон государства. 17. Герой автобиографической трилогии Л. Н. Толстого. 18. Собственноручная памятная надпись. 19. Стихотворение А. С. Пушкина. 20. Зодиакальное созвездие. 24. Старинное метательное оружие. 26. Озеро в Малоземельской тундре. 27. Специалист по демонстрации фильмов. 29. Мясное кушанье. 30. Город в Эстонии. 31. Русская народная спортивная игра. 32. Пограничник, Герой Советского Союза, начальник заставы, один из руководителей обороны Брестской крепости. 33. Медоносное лекарственное растение.

По вертикали: 1. Партизан, Герой Советского Союза, писатель. 2. Мостовое сооружение на пересечении дороги с оврагом, лощиной. 3. Ленинградский актер, лауреат Ленинской премии. 4. Исторически определенный уровень развития общества. 5. Серия советских искусственных спутников Земли для ретрансляции телевизионных программ. 6. Аппарат для подводных исследований и работ. 9. Северное созвездие. 12. Метод изучения биологии диких птиц. 13. Академик, директор Эрмитажа. 15. Полевая птица семейства фазановых. 16. Соединение нескольких машин для общей работы. 21. Многолетнее растение, образующее подлесок. 22. Комиссар подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». 23. Герой гражданской войны, командир кавалерийского корпуса. 25. Опера А. Н. Верстовского. 26. Несамоходное грузовое судно. 27. Приток Камы. 28. Город в Челябинской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 3. Крючков. 7. Тандем. 8. Вьюрок. 9. «Курсистка». 13. Портик. 14. Франк. 16. Доклад. 17. Панфилов. 18. Строфика. 19. Ангола. 21. Тимор. 23. Елгава. 25. Индигирка. 28. Костюм. 29. Лаплас. 30. «Гренада».

По вертикали: 1. Кремер. 2. Корвет. 4. Чайкина. 5. Гамбит. 6. «Восток». 9. Коккинаки. 10. Андромеда. 11. Горпина. 12. Сараево. 14. «Фронт». 15. Катер. 20. Омолон. 22. Мегафон. 24. Гектар. 26. Домбра. 27. Рулада.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (см. в номере материалы, посвященные 80-летию Д. С. Лихачева.)

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

красная книга ремесел

солнышко в колесе

Езды от столицы едва ли много больше часа. И ходу напрямик минут пятнадцать. Показались дома, магазин, окрашенный в зеленое, перекресток.

— Извините, не покажете ли дом Терехиных?

— Это те, что с прялками возятся?

— Да-да, они...

— Второй направо.

...Крутится коричневатой радугой колесо прялки, бежит на шпульку сученая нить. Все органично и естественно для Анастасии Михайловны. У внуков между тем появляются толстые носки и варежки, теплые, как термос. А их семеро. Включая старшую, студентку, которая вяжет сама. И к прялке приглядывается.

больше труда требует, чем городская жизнь. Скорее позвала память юности, знаменитое притяжение земли. И еще наследная приверженность древесине. За десятилетия общения с металлом руки по ней соскучились. А тут и прялки к месту подвернулись...

Поехали проведать родственников Анастасии Михайловны. У ее дяди Евдокима и оказались забытые разнокалиберные прялочные колеса, стойки, рогульки с катушками. Какие целые, какие нет. Дом старый, а в прежние времена «сколько девок было, столько и прях». И у каждой свой механизм. Вот и скопились на чердаке.

Как тут объяснить, что почувствовала Анастасия Михайловна, что ей вспомнилось? Но, вернувшись домой, собрал ей Николай Петрович из старых, разрозненных деталей добротный педальный инструмент. И закрутилось солнышко в колесе. Прослышали соседки, одалживать начали. У каждой свой почерк, своя повадка — расшатываться стала техника.

Летнюю кухню на огороде Терехины поделили. В своей половине Николай Петрович поначалу поставил верстачок для домашних нужд, инструментом кой-каким обзавелся. А дела по хозяйству всегда найдутся. Он тогда и не думал, что обрастет его мастерская со временем. Тогда, только что оставив окончательно завод и перебравшись за город, Терехин что-то строгал, пилил, вытачивал, обустраивал новообретенное жилище. Да и руки, привыкшие к труду, не могли долго оставаться без занятий. И это было так же необходимо, как дышать. Ведь и не помнит, когда работать начал. Ему восемь десятков от роду.

В роду Терехиных от веку славились плотники и столяры. И Николай Петрович перенял наследное умение. А вместе с ним тщание и уважение к ремеслу.

Жили тогда Терехины в рязанской деревне Петино нынешнего Путятинского района. Пахали, сеяли, убирали хлеб. В двадцатых годах стране потребовалось освоить пустующие пространства под Саратовом. В числе первых переселенцев был и Николай Терехин. Работал он в товариществах по обработке земли — тозах. А потом стал рабочим. Пошел на завод, про который с особым уважением говорили — «оборонный». Вывозил Николай Петрович производство за Урал-Камень, устанавливал оборудование, считай, под открытым небом, отлаживал, запускал. Рвался на фронт — не отпускали. Должно быть, оказался Терехин из редкой категории незаменимых...

Чем измерить усталость? Пенсионной книжкой? Годами у станка? Миллионами деталей? Всему будто меру нашли, а усталости эквивалент не сыскан... Не спрашивал я об этом Терехина. Но, должно быть, не от накопившегося утомления, не от груза лет потянуло его к деревенскому укладу. Он

Тут-то и пообещал Николай Петрович одной из соседок новую сработать. Хватило ему и опыта, достало и фамильного мастерства. Старые навыки пришлось вспомнить и за советом к бывалому тульскому умельцу Павлу Васильевичу Галактионову обратиться. Словом, сделал. А следом новый заказ, за ним другой.

Пришлось Николаю Петровичу задуматься о малой механизации. Ну, простейший токарный станочек для вытачивания спиц и стоек для такого мастера — задача несложная. А вот для колес уже похитрее потребовалось приспособление. Колеса из четырех-пяти, а то и шести дуг складываются. От заготовки зависит. А он их из печных дров вырезает. В основном из березовых, реже из ольховых. Выберет полено поровнее, прикинет — и на «комбайн». Так Николай Петрович называет свое самодельное, довольно сложное и компактное оборудование на линейных шарнирах. Очень работе способствует.

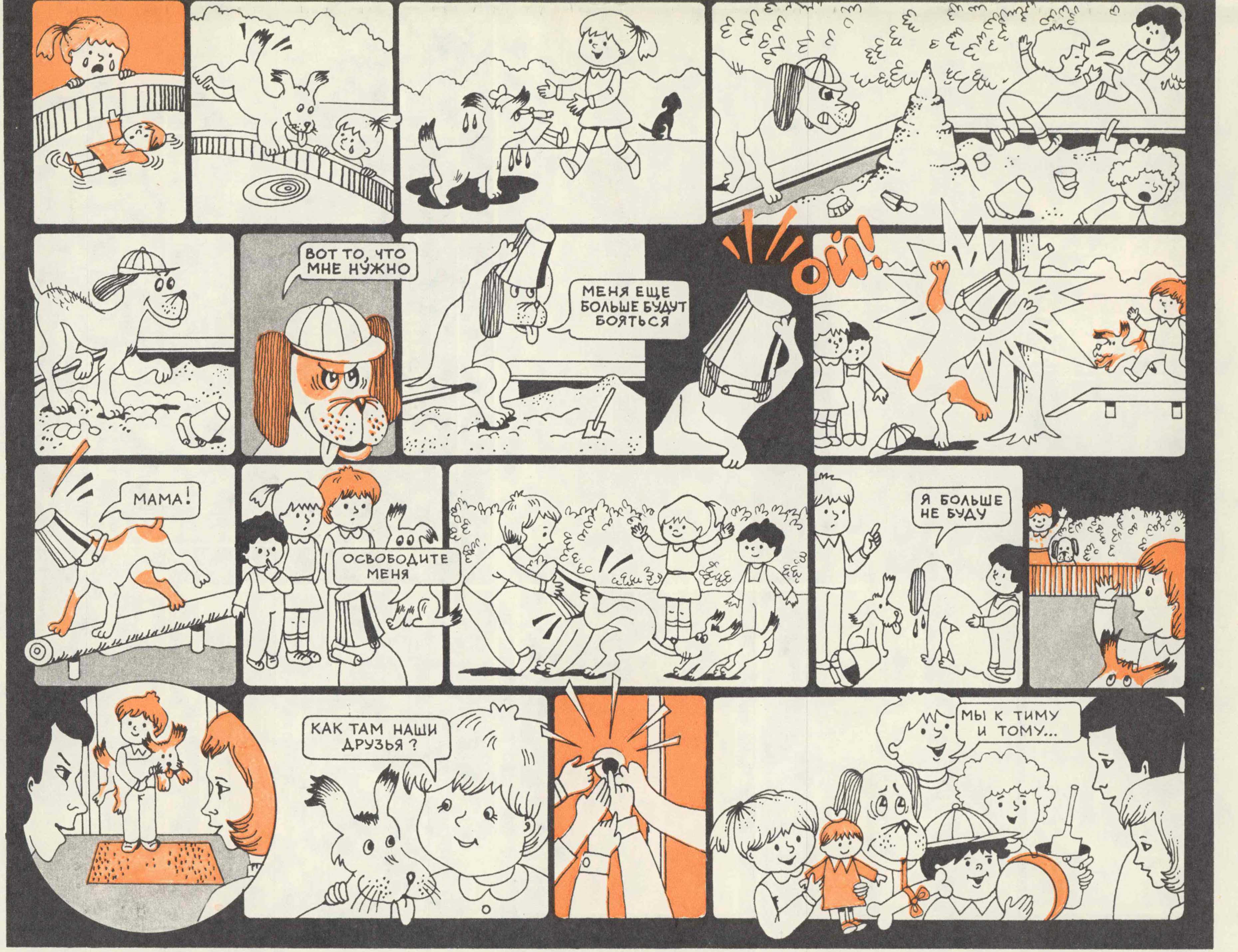
А слава впереди мастера бежит. От заказов отбою нет. Но сколько он один сделает? Годы не те, и сил поубавилось. Надо бы передать кому-нибудь умение. Нашелся бы только охотник. Прясть-то пока многие пожилые женщины умеют, а вот мастеров по изготовлению прялок много ли?

Борис РЯЗАНЦЕВ

Фото Игоря ФЛИСА

Николай Петрович Терехин

Тим и Том
Дорогие ребята! Этот мультик вы можете раскрасить сами. А придумала и нарисовала его Элина Десятник.
ПОИЩУ ТОМА ЗДЕСЬ
ДЕТСКИЙ ГОРОДОК
ВЫ НЕ ВИДЕЛИ МОЕГО ЩЕНКА?
ТАМ КТО-ТО ПРЯЧЕТСЯ
ТОМ, ВЕРНИСЬ!
ГАВ
ЭТО НЕ МОЙ ТОМ
ГАВ
ТОМ!
ПРОСТИ МЕНЯ
НЕ ОБИЖАЙ МАЛЕНЬКИХ!
ПОДУМАЕШЬ...
КАК НЕ СТЫДНО!


ВОТ ТО, ЧТО МНЕ НУЖНО
МЕНЯ ЕЩЕ БОЛЬШЕ БУДУТ БОЯТЬСЯ
ОЙ!
МАМА!
ОСВОБОДИТЕ МЕНЯ
Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ
КАК ТАМ НАШИ ДРУЗЬЯ ?
МЫ К ТИМУ И ТОМУ...

Середниково

Удивительно красиво лермонтовское Середниково осенью. Ковер листьев устилает чудесную лестницу, ведущую от пруда к старому дому. Заросший парк, где встречаются и двухсотлетние деревья, светится золотом. Здесь истинное царство поэзии, и кажется, что стихи юного Лермонтова, проведшего в Середникове несколько счастливых лет, звучат в прозрачном предзимнем воздухе. Вот эти, например:

...Я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать...

Счастье, что усадьба, где более ста лет живет память о Лермонтове, сохранилась, и беда, что уникальный памятник культуры находится сейчас в небрежении и запустении. Все усилия реставраторов сводятся, по существу, на нет. Разрушается знаменитый «Чертов мост», буквально разграблен главный дом, в срочном спасении и лечении нуждаются деревья...

Под Москвой немало мест, связанных с жизнью и творчеством великих писателей, но Середниково уникально. Усадьба, пощаженная самой судьбой, сейчас ждет защиты, и немедленной.

Фото М. САВИНА

А ведь совсем недавно реставрировали.

Здесь должен быть музей.

Восстанавливаются служебные постройки.

Так выглядит сегодня легендарный «Чертов мост».

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663